

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Дальневосточный юридический институт МВД России»

На правах рукописи

Крохина Марина Сергеевна

**КОНТРОЛЬНЫЕ ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ
ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Специальность 12.00.03 –

Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Болдырев Владимир Анатольевич

Хабаровск – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КОНТРОЛЬ УЧАСТНИКОВ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ИХ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ	
§ 1. Понятие и виды контроля участников гражданских правоотношений за соблюдением их интересов.....	15
§ 2. Принципы и пределы контроля участников гражданских правоотношений за соблюдением их интересов.....	49
ГЛАВА 2. КОНТРОЛЬНЫЕ ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	
§ 1. Непосредственный контроль участников юридического лица.....	93
§ 2. Опосредованный контроль участников юридического лица.....	133
ГЛАВА 3. КОНТРОЛЬНЫЕ ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	
§ 1. Непосредственный контроль участников обязательств.....	150
§ 2. Опосредованный контроль участников обязательств.....	190
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	209
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	215

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Защита субъективных законных интересов граждан и юридических лиц посвящен целый ряд конституционно-правовых норм, а также норм кодифицированного гражданского законодательства, однако совокупность правил, создающих предпосылки для выявления нарушений, могущих стать основанием для применения конкретных способов защиты гражданских прав, следует охарактеризовать как полностью лишенную свойства системности.

Будучи мерой возможного поведения лица, субъективное право имеет определенные границы как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления. В экономически и культурно развитом обществе, где признается добросовестность участников правоотношения, выход за такие границы не допускается, а несоблюдение чужого субъективного права рассматривается как отклонение от нормы в самом широком смысле данного слова. Как следствие особую социальную значимость приобретают меры превентивного характера, в том числе делающие имущественные отношения транспарентными (прозрачными) для его участников. К числу таких предупредительных мер, призванных исключить нарушение законных интересов участников гражданских правоотношений, а в ряде случаев – уменьшить негативные последствия нарушения, относится осуществляемый самим управомоченным лицом контроль за ходом и результатом исполнения иными субъектами обязанностей, корреспондирующих его праву.

Несмотря на сказанное, к настоящему времени не получили системного научного осмысления и существуют как не объединенные общей нормотворческой концепцией правила об отдельных контрольных процедурах в основном обязательственном отношении: выборке товара, приемке результатов подрядных работ, отчете комиссионера и агента. Оказались слабо изученными специальные гражданско-правовые конструкции участия инженера и авторского надзора в строительстве, расчетов по аккредитиву и

банковской гарантии со строгими документальными условиями. Неоднозначными являются оценки непосредственного контроля (запроса копий документов, ознакомления с ними, полномочий ревизионной комиссии) и опосредованного контроля (контрольные полномочия общего собрания участников корпорации, наблюдательного совета) за соблюдением интересов участников юридического лица в корпоративном праве.

Обстоятельный анализ гражданско-правового регулирования отношений, связанных с использованием его участниками контрольных полномочий, выяснение природы и места контрольных полномочий в структуре содержания субъективного обязательственного и корпоративного права, а также выявление пробелов и недостатков такой регламентации являются важными задачами цивилистической науки.

Выбор темы исследования предопределила структура предмета российского гражданского права. Традиционно имущественные отношения, обуславливающие товарообмен, принято делить на абсолютные (вещные), связанные с обладанием имуществом, и относительные (обязательственные) правоотношения, оформляющие переход материальных и иных благ от одних субъектов к другим. Бурное развитие имущественного оборота в последнее столетие повлекло усложнение предмета гражданско-правового регулирования. В настоящее время и законодательство, и доктрина гражданского права свидетельствуют о появлении отношений, опосредующих управление частным имуществом хозяйственного общества, которые оформляются с помощью категории корпоративных отношений. Указанные правоотношения имеют относительный и имущественный характер, в чем прослеживается их тесная связь и сходство с обязательственными правоотношениями, с той оговоркой, что возникают данные отношения между ограниченным количеством особых субъектов (корпорацией и ее членами). Именно поэтому рассмотрение двух названных типов относительных правоотношений должно осуществляться в рамках единой парадигмы.

Актуальность научной разработки темы исследования выражается в следующем.

Социально-экономический аспект. В условиях свободной экономики, где гражданское законодательство признает автономию воли и равенство субъектов имущественных отношений, участникам гражданского оборота необходимо наличие правомерных и действенных мер, позволяющих отследить соблюдение их интересов, не вмешиваясь в оперативно-хозяйственную самостоятельность иных лиц. Невнимание к данным проблемам рождает негативные явления, противоположные по своим свойствам: от правового нигилизма и полной безответственности, до образования картелей и безосновательного вмешательства государства в сферу контроля за соблюдением частных интересов.

Правотворческий аспект. Правоприменительная практика российских судов свидетельствует о толковании законодательства, определяющего условия и порядок контроля, осуществляемого участниками гражданских правоотношений, с отступлением от буквального значения соответствующих норм, позволяет говорить о пробелах и противоречиях в ряде нормативных правовых актов, а также законодательно созданных предпосылках для злоупотребления контрольными полномочиями. Выявление данных проблем имеет существенное значение для выработки предложений по совершенствованию нормативных правовых актов, построения стройной системы норм о контроле.

Правоприменительный аспект. Анализ практики использования обладателями контрольных полномочий показывает, что в России распространена недобросовестная реализация относительных прав (злоупотребление правом). Данное обстоятельство, а также противоречивость судебных актов, базирующихся на противоположных посылах – значимости строгого соблюдения законных интересов участников отношений, с одной стороны, и ценности высокой стабильности гражданского оборота, с другой, – обуславливают необходимость осмысления правоприменительной практики в

данной сфере, подготовки соответствующих выводов и рекомендаций для юрисдикционных органов и хозяйствующих субъектов.

Степень разработанности темы. Проблемам осуществления и защиты субъективных гражданских прав и законных интересов уделяли внимание представители русской дореволюционной цивилистики, видные советские ученые (В.П. Грибанов, Т.И. Илларионова, Д.М. Чечот, К.Б. Ярошенко и др.). После введения в действие Гражданского кодекса Российской Федерации исследования в данном направлении продолжали работать В.В. Витрянский, М.С. Кораблева, М.В. Мурашко, Д.В. Славецкий, Э.Л. Страунинг, О.А. Минеев, Е.М. Тужилова-Орданская и некоторые иные авторы.

Исследованием аффилированности как свойства взаимной зависимости лиц занимались А.Н. Варламова, А.В. Габов, В.В. Долинская, А.В. Ефимов, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина и др.

Вопросы осуществления контроля за соблюдением гражданских прав в рамках диссертационных работ рассматривались с позиций исследования юридической природы правоотношений, складывающихся между корпорацией и ее участниками (В.В. Долинская, Д.В. Ломакин и др.), анализа проблем корпоративного контроля и управления (А.А. Василевич, А.С. Гутин, Т.А. Корнеева, К.А. Михалев, Е.В. Шимбарева и др.), изучения правоотношений по предоставлению информации в рамках деятельности хозяйственных обществ (Р.С. Кравченко, П.С. Настин, Э.М. Романова и др.) и проблем злоупотребления акционерными правами (Е.В. Чернокальцева и др.).

Особо стоит отметить крупнейшие работы монографического характера, в которых затрагиваются вопросы корпоративного контроля: «Сделки с заинтересованность в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования» (А.В. Габов), «De facto зависимость de jure независимых юридических лиц» (В.Д. Федчук). Договорной и недоговорной контроль в гражданско-правовом отношении исследовался О.В. Грабко в работе «Гражданско-правовой контроль по российскому праву».

Вопросу транспарентности корпоративных отношений посвящен цикл статей А.В. Габова. Проблемы предварительного контроля при купле-продаже жилого помещения исследовались Д.Ф. Шевчук. Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда особенно глубоко рассмотрен в целом ряде исследований О.Г. Ершова.

Положительно оценивая приведенные работы, в то же время отметим, что в них отсутствовал целостный подход к изучению отношений контроля как особого цивилистического явления. Существование множества разрозненных норм, регулирующих осуществление контрольных процедур в относительном гражданском правоотношении, по сути, осталось без внимания отечественной науки частного права.

Специальные исследования, посвященные определению понятия и значения контрольных правомочий частных лиц, регулированию отношений контроля в гражданском праве, не проводились. Многие положения, затрагивающие теоретические и практические аспекты реализации контрольных правомочий участниками гражданских правоотношений, до настоящего времени остаются малоисследованными, следствием чего становятся разобщенные и, порой, противоречивые подходы к пониманию и определению принципов и пределов осуществления такого контроля.

В этой связи *феномен контроля* субъектов гражданских правоотношений за соблюдением их законных интересов нуждается в самостоятельном и последовательном исследовании.

Цель диссертационного исследования заключается в выработке целостной научной концепции контроля участников гражданских отношений за соблюдением их законных интересов и системного подхода к конструированию норм законодательства в исследуемой области.

Обозначенная цель обусловила постановку и последовательное решение следующих задач:

- 1) раскрыть основные подходы к пониманию контроля в гражданском праве;

2) определить место и значение контрольных правомочий участников гражданских отношений в структуре содержания субъективного гражданского права;

3) определить виды контроля за соблюдением законных интересов, выявить их специфику и свойства;

4) установить пределы осуществления контроля участниками гражданского правоотношения;

5) сформулировать общие принципы осуществления контроля участниками гражданского правоотношения;

6) проанализировать практику осуществления контроля участниками юридических лиц и обязательств и выявить круг проблем, связанных со злоупотреблением контрольными правомочиями;

7) разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию гражданского законодательства, регулирующего осуществление контроля субъектами частного права, и соответствующей правоприменительной практики.

Научная новизна исследования заключается в выработке целостной научной концепции контроля участников гражданских отношений за соблюдением их законных интересов как реализуемого правомочия, предусмотренного законом, учредительным документом, договором или обычаем, существующего в составе подавляющего большинства субъективных прав в относительных отношениях.

В работе впервые обобщены и комплексно представлены проблемы, связанные с осуществлением контроля участниками относительных гражданско-правовых отношений, что позволило выработать рекомендации по совершенствованию объективного права и правоприменительной практики в исследуемой области.

Теоретическая и практическая значимость работы. Основные результаты исследования могут быть использованы в учебных целях при преподавании курсов «Гражданское право», «Предпринимательское

право», «Корпоративное право». Кроме того, положения настоящей работы могут быть применимы в научно-исследовательской работе, правоприменительной и законотворческой деятельности.

Методология и методы научного исследования. Использованы методы, входящие в методологический аппарат социальных и гуманитарных наук, в том числе общенаучные методы (анализ, синтез, абстрагирования, восхождения от абстрактного к конкретному, индукция, дедукция, аналогия и логический) и научно-правовые методы (сравнительно-правовой, структурно-функциональный, правовой статистики, правового моделирования, формально-юридический).

Анализ и синтез использовались при формировании единой комплексной системы источников, устанавливающих контрольные полномочия участников относительных гражданско-правовых отношений. Метод абстрагирования способствовал определению содержания изучаемых явлений и понятий. Методы восхождения от абстрактного к конкретному, аналогии и логический метод, способствовали выявлению проблем, связанных с формированием и практикой применения системы норм, регламентирующих осуществление контроля участниками относительных гражданско-правовых отношений. Индукция и дедукция позволили аргументировать сформулированные в ходе исследования выводы, положения и предложения.

Сравнительно-правовой метод применялся для выявления положительного опыта конструирования норм, устанавливающих контрольные полномочия участников гражданско-правовых отношений и порядок их реализации. Метод правовой статистики положен в основу получения данных о распространенности и типичности нарушений, допускаемых участниками рынка при реализации контрольных полномочий. Формально-юридический и структурно-функциональный методы позволили уяснить содержание правовых норм, предусматривающих юридические последствия неосуществления участником относительных гражданско-правовых отношений надлежащего контроля, устанавливающих меры,

возможные к применению контролирующим субъектом по результатам верификации (проверки).

Положения, выносимые на защиту:

1. Доказано, что возможность участника гражданско-правового отношения осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов выступает правомочием в составе конкретного субъективного права. В соответствии с законом транзитивности и на основании признания того, что субъективное право есть элемент гражданского относительного правоотношения, установлена логическая связь между таким правомочием и гражданско-правовым отношением. Указанное правомочие имеет дополнительный характер и входит в состав правоотношения в качестве вторичного элемента. Для обозначения данной юридической возможности используется понятие «*контрольное правомочие*».

2. Сформулировано авторское определение понятия **контроля** – деятельности участника гражданско-правового отношения, управомоченного на его осуществление законом, учредительным документом и (или) договором, по проверке соответствия объекта, участника (потенциального участника) имущественного отношения и (или) действий контрагента условиям, предусмотренным законом, учредительным документом, договором, обычаям (в том числе динамичным деловым обыкновениям) – в относительно определенных пределах разумности (экономической целесообразности) и добросовестности.

Учитывая многоаспектность термина «контроль», присущего скорее публичному праву, а в цивилистической науке употребляющегося как эквивалент «управления», сформулированное доктринальное определение позволит не только разграничить административный властный контроль (надзор) и гражданско-правовой контроль, но и упростить понимание разных правовых явлений, имеющих место в частных отношениях – контроля-доминации и контроля в значении «верификация» (проверка).

3. Определены *принципы*, в соответствии с которыми управомоченный участник гражданско-правового отношения осуществляет контроль за соблюдением его законных интересов на основе:

- диспозитивности (инициативности);
- минимального законодательного регулирования проверочной деятельности;
- возложения рисков неосуществления контроля на управомоченное лицо;
- соразмерности и экономической целесообразности;
- защиты интересов третьих лиц, чьи права могут быть потенциально нарушены.

4. Вступление в правоотношение, приемка товара, результатов выполненных работ без заявления претензий к качеству подтверждает не только сам факт проверки, но и удовлетворенность ее результатами. Такое общее установление следует считать презумпцией надлежащего качества объекта контроля, принятого стороной без замечаний. Добросовестность обязывает обладателя правомочия избегать явлений полярной природы – излишнего доверия и его полного отсутствия. Контрольное правомочие приобретается в составе субъективного права и должно быть направлено не только на обеспечение баланса интересов сторон правоотношения, но и всего имущественного оборота.

5. Контроль в относительном гражданско-правовом отношении не является механизмом защиты слабой стороны в чистом виде, а направлен на обеспечение достижения цели участников правоотношения и баланса интересов всех его сторон. Обладая одновременно функцией превенции и защиты, гражданско-правовой контроль в строгом смысле не является способом защиты субъективных прав, но осуществляется в том числе в целях защиты субъективных гражданских прав участников имущественного оборота. Предоставление лицу юридической возможности осуществлять контроль напрямую зависит от объема прав и обязанностей сторон

в конкретном правоотношении.

6. Непосредственный контроль участника хозяйственного общества может осуществляться как до приобретения правовой связи с корпорацией (предварительный контроль), так и в статусе участника корпорации (текущий контроль). Объем контрольного правомочия и, как следствие, возможная глубина верификационной активности в корпоративных отношениях напрямую коррелирует как с качественной (тип ценных бумаг), так и с количественной (число имеющихся у акционера акций) характеристикой субъективного корпоративного права. Зависимость объема контрольного правомочия от количества и качества принадлежащих участнику акций (доли в уставном капитале) обеспечивает каждому члену корпорации возможность реализовывать свое право на информацию независимо от структуры управления, и одновременно предоставляет лицу, в чьих руках сосредоточен капитал, решающим образом определять судьбу корпорации.

7. Злоупотребление правом со стороны участника корпорации может иметь место только при совершении им активных волевых действий, направленных на получение информации, а именно в процессе подготовки соответствующего заявления, его направления в адрес общества, последующего ознакомления с документами или получения копий этих документов. Выделены типичные ситуации злоупотребления участником юридического лица контрольными правомочиями: 1) злоупотребление в периодичности требований о предоставлении информации, 2) злоупотребление по объему запрашиваемой информации, 3) злоупотребление по предлагаемому (испрашиваемому) месту ознакомления, 4) злоупотребление по сроку ознакомления.

8. Опосредованный контроль участников корпораций может быть общим или специальным. Общий опосредованный контроль предполагает, что акционер реализует свое контрольное правомочие, делегируя его таким же участникам товарного оборота, как и он. В мировой и российской практике для коллективного осуществления корпоративных прав используются

акционерные соглашения (англ. shareholder's agreement). Делегирование контрольных правомочий одними участниками корпорации другим – не должно увеличивать объем предоставленных законом контрольных полномочий.

При опосредованном специальном контроле проверочная деятельность осуществляется специально образованными участниками гражданского оборота: органами юридического лица (общее собрание участников корпорации, наблюдательный совет, ревизионная комиссия) и аудитором.

9. Закономерности непосредственного контроля проявляются в известной типологии договоров по их направленности на: 1) передачу имущества, 2) выполнение работ, 3) оказание услуг, 4) учреждение различных образований. Рассмотрение непосредственного контроля сквозь призму данной типологии способствует выявлению общих черт соответствующей деятельности в сходных по природе и правовому регулированию обстоятельствах, и, как следствие, несет существенный правотворческий и правоприменительный потенциал.

10. Доказана невозможность принятия при определении признаков слабой стороны в договоре исключительно экономического положения его сторон. На различных этапах правоотношения у контрагентов разный объем прав, обязанностей и ответственности. Риски, связанные с недостижением основной цели договора, распределяются между сторонами неравномерно. Предоставление участнику гражданско-правового отношения возможности осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов коррелирует с юридическим положением субъекта, определяемым природой обязательства. Наделяя участника обязательственного отношения контрольными правомочиями, законодатель «уравновешивает» возможности сторон для реализации их законных интересов. Таким образом, обеспечивается баланс интересов, обоюдное достижение цели договора.

11. Сложные правовые конструкции, обеспечивающие осуществление квалифицированного специализированного контроля, предусматривают

возможность переноса рисков предпринимательской деятельности на иных лиц. Так, управомоченными субъектами, действующими в рамках отношений опосредованного контроля, являются архитектор, инженер в строительстве. Делается вывод, что гражданско-правовая ответственность лиц, осуществляющих опосредованный контроль, носит исключительно договорной характер и возникает по отношению к бенефициару, в интересах которого действует лицо, осуществляющее контроль.

Степень достоверности и апробация результатов. Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт МВД России». Основные положения исследования нашли отражение в научных статьях автора, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК. Ряд положений был освещен в ходе доклада на Всероссийском круглом столе «Способы защиты гражданских прав и пределы их применения: актуальные вопросы теории и практики» (г. Хабаровск, ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России», 14 апреля 2017 года), XX Краевом конкурсе молодых ученых и аспирантов (г. Хабаровск, 16 января 2018 года), Межведомственной научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного права» (г. Омск, ФГКОУ ВО «Омская академия МВД России», 24 мая 2019 года), Всероссийском круглом столе «Актуальные вопросы обеспечения субъективных прав граждан и организаций в деятельности правоохранительных органов: частно-правовые аспекты» (г. Хабаровск, ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России», 24 апреля 2018 года), XXIII Краевом конкурсе молодых ученых и аспирантов (г. Хабаровск, 18 января 2021 года).

Структура работы обусловлена целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих шесть параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. КОНТРОЛЬ УЧАСТНИКОВ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ИХ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

§ 1. Понятие и виды контроля участников гражданских правоотношений за соблюдением их интересов

Вступая в экономические отношения, лицо в первую очередь стремится удовлетворить собственные интересы, сформированные потребностями и внешними условиями. Эффективность гражданского оборота достигается в том случае, когда в ходе взаимодействия его участников реализация прав одного не ущемляет интересы другого. Понимая это, законодатель провозглашает в ст. 1 ГК РФ принципы равенства участников регулируемых отношений, автономии воли, свободы договора, заявляет, что стороны должны действовать добросовестно при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей.

Реальное же положение вещей свидетельствует, что лицо склонно думать скорее о своей выгоде, нежели об интересах контрагента и третьих лиц, что реального экономического равенства не существует и сильная сторона имеет возможность навязывать свою волю. Так, участник правоотношения может считаться экономически слабым, если ему противостоит субъект, обладающий значительно большей экономической властью. В частности, Конституционный суд Российской Федерации признавал слабой стороной в правоотношении потребителей¹, граждан-вкладчиков по договорам банковского вклада², а также миноритарных акционеров³.

¹ *Определение* КС РФ от 29 сентября 2011 г. № 1113-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Определения* КС РФ от 3 июля 2007 г. № 714-О-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* КС РФ от 28 января 2010 г. № 2-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Правоприменительная практика демонстрирует существующие противоречия в корпоративных отношениях, проявляющиеся признаки «договорного оппортунизма» в обязательствах, когда стороны сделки следуют исключительно собственным интересам, а не цели правоотношения, в том числе нечистоплотными методами вопреки сложившимся обычаям делового оборота и (или) моральным нормам. Участники товарно-денежного оборота вынуждены прибегать к механизму защиты нарушенных или оспоренных субъективных прав и законных интересов. Однако каждый понимает, что ценность любого правоотношения заключается в беспрепятственной реализации предоставленных юридических возможностей. В этом проявляется его социальное предназначение.

В относительных гражданских правоотношениях у лица возникает некое «преимущество», поскольку контрагент известен сразу. Законодатель предоставляет слабой стороне различные дополнительные возможности, направленные на обеспечение беспрепятственной реализации субъективных прав и законных интересов. В числе прочих таковой является возможность осуществления контроля уполномоченным лицом за соблюдением его законных интересов.

В абсолютных же правоотношениях обладателю права противостоит неограниченный круг лиц, обязанных воздержаться от нарушения его субъективных гражданских прав и законных интересов. Соответственно здесь правообладателю некого контролировать. В случае нарушения или оспаривания принадлежащего лицу права, в действие вступает защитный механизм, о котором мы говорили ранее.

По нашим подсчетам, в кодифицированном гражданском законодательстве термин «контроль» и его производные встречаются 36 раз (половина из которых во второй части ГК РФ). Законодатель, очевидно, исходит из того, что данный термин употребляется в общеизвестном значении и не дает его легального определения. На страницах юридической литературы

в свою очередь встречаются разные подходы к пониманию сути данного правового явления.

Законодатель неоднократно прямо говорит о том, что участники гражданского оборота вправе осуществлять контроль (ст. 748, 814, 1294, 1489 ГК РФ). Чтобы определиться с тем, что мы будем понимать под контролем участника гражданско-правовых отношений за соблюдением его законных интересов, необходимо рассмотреть какое место занимает контроль в структуре относительного правоотношения, как соотносится с субъективным правом лица.

Учение о субъективном праве пережило определенную эволюцию, что нашло отражение в его основных концепциях: волевой теории субъективных прав Фридриха Карла фон Савиньи и его последователя Бернгарда Виндшейда¹, теории интереса, сформулированной Рудольфом фон Иерингом против теории воли². Со временем данные подходы были объединены. Например, Фердинанд Регельсберг под субъективными правами понимал «признанные правом и защищенные им сферы интересов и власти»; Георг Еллинек исходил из того, что «субъективное право есть благо или интересы, охраняемые путем признания за человеком власти»³. В дальнейшем были выработаны многочисленные комбинационные теории, в которых акцент в субъективном праве делается на волю, интерес, благо, преимущество, свободу и т.п.

В настоящее время наиболее распространена (с некоторыми вариациями и дополнениями) точка зрения, согласно которой субъективное право есть предусмотренная законом мера возможного (дозволенного) поведения управомоченного лица⁴. Хотя некоторые ученые дают критическую оценку

¹ Савиньи Ф.К. Обязательственное право: пер. с нем. / пер. В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. С. 5; Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общ. часть. / под ред. С.В. Пахмана. СПб., 1874. С. 82.

² Ihering R. Geist des romischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung, Teil III. 1865. S. 327.

³ Цит. по: Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Тула, 2001. С. 75–76.

⁴ См.: Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 51; Гражданское право: в 4 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2006. С. 121; Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга первая: Общие положения. М., 2012. С. 11;

данной концепции по ряду причин¹. А.Ю. Белоножкин, например, рассматривает субъективное гражданское право в качестве действительности, а не возможности. Автор определяет эту внешнюю характеристику субъективного права как «действительную модель (формулу) самостоятельного, свободного и независимого поведения субъекта»².

Стоит отметить, что субъективные гражданские права ни в коем случае не являются простыми декларациями: им корреспондируют вполне определенные обязанности другой стороны правоотношения, они обеспечены правовыми гарантиями, что приближает возможность к действительности. Однако, по справедливому утверждению Р.О. Халфиной, «как бы точно ни была определена модель поведения в субъективных правах и обязанностях, это все еще возможность, а не действительность»³. Учитывая ориентацию гражданского права на диспозитивный метод правового регулирования, с содержательной стороны субъективное право – это установленная правом область проявления инициативы, активности лица, свободы его волеизъявления. Данная юридическая возможность реализуется посредством конкретных действий (бездействия) управомоченного и обязанного лица, т.е. термин «действительность» относится не к самим субъективным правам, а к их осуществлению. Только когда была достигнута цель правоотношения и удовлетворен законный интерес его участников, можно говорить о том, что юридическая возможность была воплощена в действительности.

На наш взгляд, следует разделять позицию тех ученых, которые в субъективных правах видят, прежде всего, установленную и обеспеченную

Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 775.

¹ См.: *Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград, 2009. 248 с.; *Коробов О.А.* О новом определении субъективного гражданского права, предложенном П.М. Филипповым и А.Ю. Белоножкиным // *Очерки теории российского законодательства: монография / под ред. В.А. Летяева, И.Н. Сенякина.* Ч. 3. Волгоград, 2011. С. 85–88.

² *Белоножкин А.Ю.* К вопросу о понятии субъективного гражданского права // *Российская юстиция.* 2011. № 11. С. 16–18; *Белоножкин А.Ю.* Содержание субъективного гражданского права // *Российская юстиция.* 2015. № 7. С. 5–6.

³ *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 209.

законом меру возможного (дозволенного) поведения субъекта права. В подтверждение состоятельности данной точки зрения выступает то обстоятельство, что подавляющее число субъективных прав представляет собой совокупность взаимосвязанных возможностей (правомочий). Классическим примером является право собственности с правомочиями владения, пользования и распоряжения. Гарантированная государством юридическая возможность поведения непосредственно материализуется в конкретном виде правомочия, в чем следует согласиться с Л.А. Пустобаевой, несмотря на то, что субъективное право и правомочие – понятия неравнозначные¹.

Среди цивилистов не наблюдается единства взглядов в вопросе о количестве правомочий, входящих в состав субъективного права. Ряд специалистов обращает внимание на две возможности, предусмотренные субъективным правом². Е.А. Крашенинников, в частности, констатировал, что структурные элементы субъективного гражданского права – это правомочие на совершение положительных действий (собственное поведение) и правомочие требования (правомочие на чужое активное поведение)³.

Зачастую субъективное право сводят к тому или иному правомочию, отождествляя их. Так, абсолютное субъективное право представляют как возможность активного или пассивного поведения управомоченного лица, а относительное – как право требования. По этому поводу справедливым видится следующее замечание: «действовать» и «требовать действия» – это еще не сами правомочия, а лишь два возможных вида правомочий. Каждый вид объединяет в себе правомочия на разнообразные и многочисленные действия, конкретизируемые, как правило, лишь в рамках единичных субъективных прав»⁴.

¹ Пустобаева Л.А. О понятии субъективного права // Правоведение. 1984. № 3. С. 48.

² См. напр.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 223.

³ Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. 2000. № 3. С. 133.

⁴ Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2008. С. 233.

Распространенной является точка зрения относительно трех правомочий, входящих в состав субъективного права¹. Так, будучи обеспеченным силой государственного принуждения, субъективное право содержит в потенции правопритязание (правомочие на защиту). Н.В. Южанин определяет правопритязание как «возможность прибегнуть в необходимых случаях к содействию, принуждению государства, а в более широком смысле возможность использовать различные меры защиты как посредством обращения к государственно-принудительной силе, так самостоятельными, допустимыми правом мерами»². Реализуется данное правомочие, когда лицо оказывается ущемленным в использовании своего права. Однако по сей день продолжают споры среди цивилистов о самостоятельности или включенности такой возможности в состав субъективного права.

Интересным представляется взгляд А.Ю. Белоножкина на содержание субъективного права. Автор стремится показать практическую ценность права и употребляет понятие «преимущество». «Преимущества, описываемые моделью субъективного гражданского права, позволяют субъекту совершать такое поведение, которое не могут совершать другие лица применительно к имеющимся фактическим обстоятельствам»³. С практической точки зрения стоит согласиться, что такой подход к содержательному наполнению субъективного права позволяет отличить полноценное субъективное право от фиктивного (декларативного). Однако нельзя не заметить, что преимущества обладателя субъективного права в конечном счете сводятся к тем самым описанным выше правомочиям.

Итак, мы определились, что будем понимать под субъективным правом в ходе нашего исследования. Теперь необходимо определить, как же

¹ Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961. С. 225; Пустобаева Л.А. Указ. соч. С. 49; Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 2000. С. 316.

² Южанин Н.В. Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер // Юрист. 2013. № 15. С. 42.

³ Белоножкин А.Ю. Содержание субъективного гражданского права. С. 5.

предоставленная управомоченному лицу юридическая возможность осуществлять контроль соотносится с категорией субъективного права.

На первый взгляд, все весьма очевидно. Законодатель прямо говорит, что один участник правоотношения *имеет право осуществлять контроль за ходом и качеством исполнения обязательства*, т.е. соблюдением своих законных интересов в рамках конкретного правоотношения. Согласно ст. 748 ГК РФ заказчик *вправе* осуществлять контроль и надзор за выполнением работ по договору строительного подряда. Статья 65.2 того же закона предоставляет участникам корпорации *право* получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией в установленных законом и учредительными документами юридического лица случаях и порядке.

В судебных актах восстановление корпоративного контроля зачастую квалифицируется судами в качестве разновидности указанного в ст. 12 ГК РФ способа защиты – признания права. Можно предположить, что корпоративный контроль правоприменитель также рассматривает как особое, отдельное право акционера (участника), поскольку восстанавливают (признают) именно его¹.

Возникает вопрос о правомерности с точки зрения гражданского законодательства и цивилистической науки самого понятия «право на контроль». Такая постановка вопроса необходима и имеет не только теоретическое, но и практическое значение для понимания и правильного разрешения на практике вопросов, связанных с реализацией управомоченным субъектом тех юридических возможностей, которые законодатель предоставляет лицу для обеспечения соблюдения своих законных интересов.

Чтобы выяснить так ли все очевидно, как кажется на первый взгляд, произведем сравнительно-правовой анализ категорий «субъективное гражданское право» и «право на контроль».

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27 июня 2012 года по делу № А28-5766/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Субъективное право кредитора и соответствующая ему обязанность должника являются элементами гражданско-правового отношения, составляют его содержание. Лица вступают в правоотношения с целью удовлетворить свой законный интерес, обусловленный потребностями личности и окружающей обстановкой.

Затянувшаяся научная дискуссия по поводу соотношения «законного интереса» и «субъективного права» продолжается и по сей день. Не имея в рамках настоящего исследования задачи отразить нюансы всех существующих точек зрения по данному вопросу, обозначим общее состояние проблемы. Ученые-правоведы сходятся в том, что законный интерес и субъективное право являются разными правовыми категориями. Приведем в качестве примера целостное и емкое, на наш взгляд, определение законного интереса, которое дал А.В. Малько. Автор под законным интересом понимает «отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным»¹.

Вместе с тем одни специалисты усматривают в законном интересе внешнее условие субъективного права (предпосылку, цель его существования), лежащее за его пределами². Другие, рискуя до определённой степени смешать эти понятия, придают законному интересу значение содержательной сути субъективного права. Так, Е.Я. Мотовиловкер указывает, что «...законный интерес неизменно возникает и существует не сам по себе, но в форме субъективного права, полностью заполняя собой его

¹ Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 24.

² Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 34; Грибанов В.П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. С. 54–56; Крашенинников Е.А. Указ. соч. С. 133–141; Власова А.В. О соотношении субъективного гражданского права и интереса // Правоведение. 2004. № 3. С. 179–183.

содержание»¹. Справедливости ради надо отметить, что первый подход считается господствующим в отечественной науке гражданского права. Мы же будем придерживаться в настоящей работе расхожего базового представления о законном интересе как об интересе (дозволении), не противоречащем закону и интересам общества, находящемся в сфере действия права². «То есть, – пишет В.А. Максимов, – чтобы интерес был признан законным, он должен быть не противоправным»³. Понятие «законный интерес» будет употребляться нами в работе наряду с понятиями «интерес», «охраняемый законом интерес», как тождественными.

Несмотря на очевидную разницу в обозначенных концепциях и их аргументации, обе группы цивилистов формально солидарны в том, что удовлетворяется существующий у лица законный интерес посредством надлежащей реализации субъективного права поведением обязанной и (или) управомоченной стороны правоотношения⁴. По такой логике, если рассматривать право на контроль как самостоятельное субъективное право, у участника гражданско-правового отношения должен существовать самостоятельный законный интерес в осуществлении контроля, признаваемый данной отраслью права. Однако в гражданском праве контроль не может являться самоцелью, иначе речь шла бы о публичных, властно-управленческих правоотношениях.

Поскольку в основе любой юридической возможности лежит соответствующий интерес, управомоченное лицо прямо заинтересовано

¹ *Мотовиловкер Е.Я.* Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистической аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 56.

² См.: *Арутюнов Э.К., Онишина Е.А.* Понятие законных интересов как категории права и его специфика в гражданском праве // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты: Материалы международной научно-практической конференции. В 5 ч. Ч. 1. Саратов, 25 марта 2016 г. С. 76–78; *Чапчиков С.Ю.* Категория законных интересов в праве. Генезис и эволюция подходов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 7. С. 51–56; *Юрченко О.О.* Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2005. 156 с.; *Солодовниченко Т.А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. С. 66, 67.

³ *Максимов В.А.* К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес» // Правда и закон. 2017. № 2. С. 26.

⁴ *Власова А.В.* Указ. соч. С. 180; *Мотовиловкер Е.Я.* Там же. С. 54.

в осуществлении контроля. Однако важно понимать, что такой интерес вторичен по отношению к деятельности сторон по реализации взаимных субъективных прав и обязанностей в развитие имущественного правоотношения, удовлетворяющего главный экономический интерес.

У участника товарно-денежного оборота потребность, интерес в осуществлении контроля возникает не сам по себе, а исключительно в рамках конкретного правоотношения. Справедливо отмечает Е.Я. Мотовиловкер, что «возможность совершения лицом некоторого действия может называться правом только в том случае, если это действие интересует субъекта само по себе как таковое, а не в связи с удовлетворением какого-либо другого интереса»¹. Законодатель также не заявляет о существовании права лица на контроль как такового, а упоминает о том, что управомоченному принадлежит такая возможность в связи со вступлением в договорное обязательство или участием лица в коммерческой организации.

Представленные рассуждения согласуются с позицией М.М. Агаркова, согласно которой «кредитору, кроме основного требования по обязательству, могут принадлежать в отношении должника дополнительные требования, непосредственно направленные на достижение того же самого результата, на который направлено и основное требование. Действие, составляющее содержание такого дополнительного требования кредитора (и обязанности должника), не дает кредитору ничего большего по сравнению с тем результатом, который производит должное исполнение основного обязательства»². Дополнительная юридическая возможность, о которой говорит автор, усиливает принадлежащее кредитору субъективное право.

Таким образом, можно уверенно заявлять, что кредитор не имеет отдельного юридического интереса в осуществлении контроля, раз эта деятельность служит удовлетворению его интереса в реализации права

¹ Мотовиловкер Е.Я. Догма структуры субъективного гражданского права (развенчание традиционной концепции) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 84.

² Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 267.

требования. Следовательно, нет никакого смысла говорить об отдельном праве лица на такое поведение.

Исключение будут составлять случаи недобросовестного поведения управомоченного субъекта, злоупотребления правом или, когда лицо стремится осуществлять контроль в силу каких-либо психических заболеваний¹. Тогда контроль может выступать самоцелью для участника правоотношения.

2. Основаниями возникновения субъективных прав и обязанностей в гражданском праве являются различные юридические факты, предусмотренные ст. 8 ГК РФ. Вместе с тем некоторые права приобретаются и отчуждаются участниками гражданско-правовых отношений комплексно. Так, в юридической литературе отмечается, что доля в праве собственности на общее имущество в многоквартирном доме является неотъемлемой частью помещения в таком доме и появляется в момент возникновения права собственности на квартиру, т.е. при государственной регистрации такого основного права². При этом автор особо отмечает, что доля в праве общей собственности приобретается автоматически, сторонам нет необходимости отдельно оговаривать этот момент в договоре купли-продажи. Условие же, исключающее появление у субъекта такой дополнительной юридической возможности – предусматривающее, что доля в праве общей собственности на общее имущество к покупателю не переходит, – признается ничтожным³.

¹ Так, при обсессивно-компульсивном расстройстве (ОКР) личность характеризуется первазивной (общей) обеспокоенностью порядком, перфекционизмом и контролем себя, окружающих и ситуации (в котором нет места гибкости), что в конечном счете замедляет или мешает выполнить задачу. Для того чтобы сохранить чувство контроля, пациенты сосредоточиваются на мельчайших деталях, процедурах. В результате, основная суть деятельности теряется. Пациенты с таким диагнозом неоднократно проверяют ошибки, при этом не осознавая, как их поведение сказывается на окружающих. При фокусировке на одной задаче контроля эти пациенты могут пренебречь всеми другими аспектами жизни. Пациент с указанным диагнозом может испытывать периодические компульсии – непреодолимую потребность действовать или поступать таким путем, который сама личность расценивает как иррациональный или бессмысленный, объясняемый скорее внутренней потребностью, чем внешними объективными факторами.

² *Матияшук С.В.* Содержание общего имущества в многоквартирном доме // *Гражданин и право.* 2009. № 4. С. 32–33.

³ *Статья 38* Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // *Рос. газета.* 2005. 12 янв.

Анализ гражданского законодательства и решений судов позволяет заключить, что основанием возникновения основного субъективного права в правоотношении и дополнительной контрольной возможности выступает один и тот же юридический факт. Так управомоченному лицу не требуется заключать отдельный договор на осуществление контроля деятельности контрагента или в обязательном порядке согласовывать в тексте договора возможность осуществлять проверку. Данное обстоятельство подтверждает связь «права на контроль» с основным субъективным правом.

3. Субъективному праву в относительном гражданском правоотношении всегда корреспондирует соответствующая обязанность контрагента. В обязательстве типичным является наличие субъективных прав с двумя юридическими возможностями: требования и правопритязания. Возможность требования составляет суть относительного правоотношения, выражается в его динамической структуре и реализуется посредством активных действий должника.

Возможность осуществлять контроль, напротив, реализуется посредством действий самого управомоченного лица. Обязанность контрагента (если она существует) при этом сводится к созданию благоприятных условий для реализации предоставленной субъекту гражданского оборота юридической возможности. Направление участнику корпорации информации о финансово-хозяйственной деятельности организации, выписки из амбулаторной карты страхуемого лица страховщику для оценки страхового риска, обеспечение доступа во все места производства строительно-монтажных работ сами по себе не удовлетворяют легитимного интереса лица в осуществлении контроля, только создают предпосылку к его нормальному осуществлению. Во время приемки результатов подрядных работ (при всех созданных подрядчиком условиях) заказчик может не воспользоваться своей юридической возможностью осуществить контроль деятельности контрагента. Действия обязанной стороны правоотношения, таким образом, имеют лишь организационный, обеспечительный характер.

4. В идеальной модели правоотношения субъективному праву лица соответствует обязанность контрагента действовать определенным образом, за счет этого достигается цель правоотношения. Жизненные реалии диктуют потребность в том, чтобы субъективное право помимо такой обязанности должника было обеспечено и иными правовыми гарантиями. Так, обладатель права имеет возможность в случае нарушения или оспаривания принадлежащего ему субъективного права прибегнуть к различным способам его защиты, описанным в ст. 12 ГК РФ.

Универсальными способами защиты являются возмещение реального ущерба и упущенной выгоды. Правоприменительная практика показывает, что при нарушении или оспаривании возможности управомоченного лица осуществлять контроль за соблюдением своих интересов, избирается единственный способ защиты – присуждение к исполнению обязанности в натуре¹, что свидетельствует об исключительной природе «права на контроль».

5. Согласно ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений и свободы договора. Физические и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству, условий договора. В числе прочего провозглашенный кодифицированным законодательством принцип свободы договора подразумевает, что лицо может своим волеизъявлением и в своем интересе выбирать контрагента, с которым вступит в гражданско-правовые отношения.

Предоставленная управомоченному лицу возможность осуществлять контроль несколько ограничивает данную свободу, поскольку контрагентом в данных взаимоотношениях всегда выступает то лицо, к которому было адресовано основное требование в обязательстве. Данное обстоятельство

¹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 июля 2014 г. по делу № А43-20234/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

подтверждает обусловленную связь контрольной возможности с основным субъективным правом. Однако в действительности никак не посягает на свободу кредитора, поскольку бессмысленно предполагать наличие у управомоченного лица желания заявить такое дополнительное требование иному лицу, кроме того, с кем он связан рамками существующего правоотношения.

На основании произведенного нами сравнительно-правового анализа категорий «субъективное право» и «право на контроль» можно заключить следующее. Понимание «права» в силу логики употребленного законодателем термина искажает сущность юридической возможности осуществления контроля. Во-первых, отнимает у него подчиненность цели удовлетворения основного экономического интереса лица. Во-вторых, создает иллюзию существования у управомоченного самостоятельно интереса в контроле. Как будто осуществление контроля за ходом строительства реализует иную потребность кредитора, нежели качественное исполнение должником работ по договору подряда. В-третьих, вызывает предубеждение в отношении действительности принципа свободы договора. Фактически, реализуя данную возможность, управомоченное лицо не может выбирать контрагента, даже не задумывается о таком выборе.

Из вышесказанного следует, что юридическая возможность субъекта осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов не является самостоятельным субъективным правом лица. Довольствуясь лишь буквальным толкованием нормы права, можно заявлять, что собственнику в соответствии со ст. 209 ГК РФ принадлежат некие самостоятельные субъективные права: владения, пользования и распоряжения. Невзирая на терминологические особенности, избранные законодателем при конструировании норм кодифицированного гражданского законодательства, *возможность управомоченного лица осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов выступает правомочием в составе конкретного субъективного права. В соответствии с законом*

транзитивности такое правомочие имеет дополнительный характер и входит в состав правоотношения в качестве вторичного элемента. Для обозначения данной юридической возможности в дальнейшем мы будем использовать понятие «контрольное правомочие».

Как будет доказано далее, контрольное правомочие направлено, с одной стороны, на предупреждение ущемления субъективных прав и законных интересов участника гражданского оборота, с другой, на упрощение доказательства факта нарушения субъективных прав и законных интересов управомоченного лица.

В рамках настоящего исследования мы оставим без внимания соотношение категорий защиты и охраны субъективных прав и законных интересов, поскольку это тема отдельного серьезного анализа¹. Отметим, что все предоставленные лицу юридические возможности направлены либо на обеспечение нормального развития правоотношения (регулятивная функция), либо на защиту и восстановление нарушенного субъективного права (охранительная функция). При осуществлении контроля управомоченное лицо имеет возможность отказаться от договора без обращения в суд, что направлено на предупреждение возможных неблагоприятных последствий. Кроме того, в случае выявления недостатков к контрагенту могут быть применены меры ответственности (взыскание убытков, неустойки).

В числе приоритетных функций гражданско-правового контроля следует назвать функцию регулятивную. Верификация (с англ. verification – проверка, подтверждение) осуществляется в целях координации и оптимизации деятельности контрагента, внесения в отношения стабильности и порядка, достижения состояния «упорядоченной активности». В различных сферах деятельности указанное понятие имеет различные

¹ См.: *Витрянский В.В.* Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 48 с.; *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. 411 с.; *Красавчиков О.А.* Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав. Свердловск, 1973. С. 5–16.

смысловые оттенки. Так, в области контроля качества программного обеспечения под верификацией подразумевается проверка программы на соответствие набору спецификаций требований, проекта¹. В международных стандартах ИСО серии 900, используемых различными предприятиями нашей страны для построения систем менеджмента, термин верификация означает подтверждение посредством представления объективных свидетельств того, что установленные требования были выполнены². Можно сделать вывод, что верификация предполагает проверку на предмет соответствия принятым стандартам, требованиям договора к качеству товара (работы, услуги). Отдельного научного осмысления, как видится, требует в дальнейшем вопрос верификации с образом, сформированном в сознании контролирующего лица.

Управомоченное лицо имеет возможность оценить соблюдение его интересов еще до фактического предоставления исполнения по договору, в чем проявляется превентивная ориентация гражданско-правового контроля. Контроль лишь в итоге способствует защите субъективных прав. Так, выявив в ходе проверки нарушение законных интересов, отклонение от требуемого поведения контрагента, управомоченный субъект имеет возможность предупредить, пресечь нарушение своих прав³. Таким образом, гражданско-правовой контроль в строгом смысле не является способом защиты субъективных прав, но осуществляется в том числе в целях защиты субъективных гражданских прав участников имущественного оборота. Приходим к выводу, что, *обладая одновременно функцией превенции и защиты, контрольное правомочие занимает некое промежуточное положение.*

¹ См.: *Гратинский В.А., Новиков Е.М., Захаров И.С.* Экспертная оценка результатов верификации инструментов верификации моделей программ // Труды института системного программирования РАН. 2020. Т. 32. № 5. С. 7–20; *Зыков А.Г., Поляков В.И., Голованев Я.С.* Автоматизация верификации программ с использованием графоаналитических моделей вычислительного процесса // Программные продукты и системы. 2019. № 3. С. 398–402.

² *ГОСТ Р ИСО 9001–2015* Системы менеджмента качества. Требования. М.: Стандартинформ, 2018.

³ *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения (Книга 1). 3 изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С. 778.

Что же такое это контрольное правомочие? В ходе сравнительного анализа с правовой категорией субъективного гражданского права мы определили внешнюю характеристику изучаемого нами явления, а также его отличительные черты. Удалось установить, что контрольное правомочие входит в состав субъективного права лица, являясь дополнительной юридической возможностью. Прекращение субъективного права влечет прекращение и входящего в его структуру контрольного правомочия. Осуществляя деятельность по реализации контрольного правомочия, лицо не свободно в выборе контрагента, им всегда является вторая сторона в правоотношении. Суть контрольного правомочия сводится к деятельности самого управомоченного лица, а обязанности контрагента призваны лишь создать благоприятные условия для реализации предоставленной субъекту юридической возможности. Направлено контрольное правомочие на удовлетворение основного интереса субъекта гражданско-правового отношения. В случае нарушения или оспаривания контрольного правомочия лица, ущемленный субъект может прибегнуть к защите своего законного интереса. Согласно правоприменительной практике, способы защиты в данном случае ограничиваются присуждением к исполнению обязанности в натуре.

Таким образом, можно дать авторское определение контрольного правомочия. ***Контрольное правомочие – входящая в состав субъективного права и гарантированная силой государственного принуждения юридическая возможность участника гражданско-правового отношения верифицировать (проверять) соблюдение его законных интересов другими участниками гражданско-правового отношения.***

Необходимо обратить внимание, что, осуществляя контроль за соблюдением своих законных интересов, субъект не всегда действует на основании предоставленного ему контрольного правомочия. В отдельных гражданско-правовых отношениях контроль вменяется в обязанность участника правоотношения. Так, в ч. 2 ст. 1031 ГК РФ в числе прочих названа

обязанность правообладателя по договору коммерческой концессии контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем. Согласно п. 4 ст. 53 Градостроительного Кодекса Российской Федерации¹ лицо, осуществляющее строительство, должно контролировать выполнение работ, которые оказывают влияние на безопасность объекта капитального строительства, безопасностью строительных конструкций и участков сетей инженерно-технического обеспечения. Значит ли это, что в данном случае речь будет идти о дополнительной юридической обязанности, осложняющей субъективное право и в целом правоотношение?

Рассуждая о контроле заказчика за выполнением строительных работ, О.Г. Ершов приходит к выводу, что контроль может рассматриваться либо как право, либо как обязанность в зависимости от назначения строительного объекта, организации строительства, необходимости подписывать акты скрытых работ, если таковые связаны с безопасностью строений в процессе последующей их эксплуатации².

Несколько иную позицию занимает О.В. Грабко, предпринимая попытку осветить специфические черты гражданско-правового контроля в российском праве. Автор отмечает: «Если законом или договором устанавливается обязанность лица проводить проверку какого-либо соответствия, то необходимо вести речь не о гражданско-правовом контроле, а о другом явлении, связанном с выполнением законных или договорных обязанностей...»³. По мнению ученого, существование контрольных обязанностей обусловлено не частными интересами контролирующего лица, а исключительно обеспечением публично-правовых интересов государства или

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1), ст. 16.

² Ершов О.Г. Контроль и надзор заказчика за выполнением строительных работ // Вестник арбитражной практики. 2012. № 5. С. 36–37.

³ Грабко О.В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9. С. 60–68.

третьих лиц. На наш взгляд, такой однозначный подход также не вполне обоснован.

Традиционно существующий интерес участника гражданско-правового отношения находит свое закрепление в юридической возможности, обуславливающей определенное поведение обязанного лица. Однако, как представляется, это не единственный имеющийся способ юридической техники для выражения существующего интереса субъекта правоотношения. А.Т. Гаймалеева обращает внимание на то, что интерес может обеспечиваться закреплением юридической обязанности. Речь идет о том, что юридическая обязанность направлена на удовлетворение в равной степени и интереса кредитора, и самого должника¹.

Проблема различного сочетания прав и обязанностей неоднократно обращала на себя внимание ученых-цивилистов². В том числе ряд исследователей отмечают нехарактерную для частного права корреляцию субъективных прав и обязанностей, выражающуюся в их совпадении, так называемый феномен «правообязанностей». Представитель советской цивилистики Д.М. Генкин в таком органическом соединении прав и обязанностей видел неопровержимое достоинство социалистического гражданского права³. При этом автор предостерегал от того, чтобы рассматривать в качестве совпадения прав и обязанностей случаи, когда возникновение права опосредуется исполнением обязанности, а также случаи определения границ реализации права.

Развивая данную теорию в области жилищных правоотношений, С.И. Сулова обращает внимание на то, что специалистам следует быть внимательными, четко определяя совпадающие «право» и «обязанность», поскольку предоставляемая юридическая возможность может являть собой

¹ Гаймалеева А.Т. Актуальные вопросы гражданско-правовой охраны интереса должника в обязательстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 127.

² См., например: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 48.

³ Генкин Д.М. Сочетание прав и обязанностей в советском праве // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 27–38.

элемент правоспособности, а долженствование выступать бременем, а не обязанностью¹.

Т.А. Солодовниченко, исследуя феномен «правообязанности», критично отмечает, что иллюзия «слитного» действия рождается в связи с допускаемым неточным анализом существующих взаимосвязей между субъективным правом и юридической обязанностью или юридико-техническими изъятиями при конструировании соответствующих правовых норм².

Анализ гражданского законодательства и правоприменительной практики действительно позволяет сделать вывод, что решение законодателя сформулировать правило о контроле в виде некоего долженствования обусловлено проникновением публично-правовых начал в частные отношения, связанные с необходимостью защиты непосредственных потребителей продукции, третьих лиц, окружающей среды, государства от возможного причинения несоразмерного ущерба при отказе от верификации. Законодатель использует слово «обязан» или «должен», конструируя правовую норму о контроле, с целью подчеркнуть его социальную значимость в данных гражданско-правовых отношениях. Мы же, придерживаясь традиционных взглядов на существующее соотношение прав и обязанностей, склоняемся к тому, что это особенности (удачные ли, отдельный вопрос) использованной законодателем юридической техники для закрепления контрольных возможностей участника гражданского правоотношения.

Существующая в российском праве «обязанность» франшизодателя контролировать качество товаров, работ и услуг, которые производит, выполняет или оказывает франшизополучатель, конечно, связана с тем, что без должного контроля со стороны правообладателя возможно введение в заблуждение потребителей по поводу качества товаров, работ и услуг,

¹ Сулова С.И. Правовые формы жилищных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 259.

² Солодовниченко Т.А. Указ соч. С. 9, 111–118.

на которое они рассчитывают при вступлении в гражданско-правовые отношения. Вместе с тем данное установление является диспозитивной, не относится к числу существенных условий договора коммерческой концессии и не влечет недействительность сделки или обязательного наступления иных негативных последствий. При этом нельзя отрицать, что у франшизодателя существует самостоятельный объективный интерес в осуществлении контроля, поскольку речь идет о поддержании его деловой репутации.

Таким образом, «обязанность» участника гражданско-правового отношения осуществлять контроль обеспечивает более основательное с точки зрения законодательной логики закрепление частного интереса управомоченного лица и самого подконтрольного, а также направлена на защиту общественных интересов.

Мы разобрались с тем, что законодатель подразумевает, говоря о праве лица осуществлять контроль, установили характерные особенности такой возможности субъекта гражданского оборота, дали авторское определение контрольного правомочия. Несмотря на то, что возможность осуществлять контроль принадлежит конкретному субъекту в рамках определенного правоотношения, она все еще является возможностью, на чем был сделан акцент выше. Нас же интересует не абстрактная возможность, а особенности и закономерности ее реализации, т.е. собственно *контроль*.

Этимологически слово «контроль» происходит от французского «contre» – против и «role» – список¹. То есть в определенном смысле контроль – это некое противостояние участников отношения. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля «контроль – это учет, проверка счетов, отчетности»². Л.И. Скворцов в Большом толковом словаре правильной русской речи указывает, что «контроль – это наблюдение за кем-нибудь, чем-нибудь с целью проверки; проверка». При этом делает ссылку на

¹ Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. М., 2014. С. 165.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И – О. СПб., М. 1881. С. 155. 814 с.

то, что в современной литературе слово контроль имеет варианты управления¹. Все эти определения характеризуют контроль с той или иной стороны.

В теории управления контроль признается видом управленческой деятельности, одной из ведущих функций управления. Управляющее воздействие проявляется в том, что под влиянием контроля поведение управляемой системы удерживается в рамках заданной цели, нормативов, законов, стандартов. При помощи обратной связи (англ. feedback «обратная подача»), под которой в широком смысле понимается отзыв, отклик, ответная реакция на какое-либо действие или событие, контроль позволяет субъекту управления выявить на возможно более раннем этапе негативное развитие ситуации и оперативно принять корректирующие меры для решения проблем. В системах управления под обратной связью воспринимаются последствия действий, подсказывающие, что именно делать на следующем этапе². В этой связи Е.А. Кочерин без преувеличения заявляет, что «механизм обратной связи составляет сердцевину контроля»³. Чем раньше будет выявлена ошибка (в том числе в организации самой системы управления), тем меньшие отрицательные последствия она будет иметь. Конечной целью контроля является решение задач, стоящих перед организацией⁴.

Понятие «контроль» здесь выходит за рамки понятия «контролировать», включая также активную деятельность субъекта – собственно управление. Контроль в менеджменте глубоко интегрирован с другими функциями управления. В результате такой интеграции «на практике невозможно определить круг деятельности для работника таким образом, чтобы он

¹ *Скворцов Л.И.* Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М., 2009. С. 341.

² *Прищенко Е.А.* Использование обратной связи в совершенствовании системы управления компанией // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Седьмой международной научно-технической конференции. Рубцовск, 2015. С. 389.

³ *Кочерин Е.А.* Основы государственного и управленческого контроля. М., 2000. С. 10.

⁴ См., например: *Ахметов А.Р.* Исследование контроля как функции управления // Проблемы современной экономики. 2009. № 1. С. 491–494; *Кобзик Е.Г., Митрофанова Г.В., Уголев С.Н.* Контроль как функция управления // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. 2005. № 2. С. 69–76.

относился только к какому-либо одному элементу управления без его взаимосвязи и взаимодействия с контролем»¹.

Управленческий контроль применим во всех составляющих деятельности организации областях, которые могут повлиять на достижение поставленных целей: в области финансовых и человеческих (персонал) ресурсов, в области управления материально-сырьевыми ресурсами и т.д.

Классификация видов управленческого контроля по различным основаниям очень широка. Традиционно контроль разделяют исходя из отношения контролирующего субъекта к подконтрольной системе на внешний (вневедомственный) и внутренний (ведомственный) контроль². В зависимости от стадии осуществления выделяют предварительный, текущий и заключительный контроль. По объему охватываемых контролем вопросов – общий, специальный и самоконтроль. По временной направленности контроль делится на стратегический, тактический и оперативный. Осуществляют классификацию контроля по интенсивности, по месту его осуществления, по применяемым в процессе контроля методическим приемам и т.д. Избираемые конкретным автором основания классификации могут быть бесконечны³.

Осуществление управленческого контроля в юридической литературе связывают с наделением субъекта контроля властными полномочиями⁴. Власть признается легитимным источником контроля в публичном праве. Отчетливо это проявляется при осуществлении контроля в рамках государственного или муниципального управления. Однако в гражданско-правовых отношениях контроль представляет собой только обмен информацией, наблюдение за состоянием системы.

¹ Бурцев В.В. Внутренний контроль: основные понятия и организация проведения // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.klerk.ru/boss/articles/6641/>.

² Беляев В.П. Контроль и надзор в российском государстве. М., 2005. С. 63.

³ См.: Демидов А.Ю. Управленческий контроль деятельности федерального казначейства // Вестник Казанского технологического университета. 2009. № 1. С. 120; Игошина Ю.А. Система внутреннего контроля как элемент управленческого учета // Вестник НГИЭИ. 2014. № 1. С. 62.

⁴ Муллахметов Х.Ш. Контроль-менеджмент. М., 2013. С. 7.

В корпоративном праве контроль также признается неотъемлемой частью корпоративного управления¹. Давая определение корпоративному контролю, ряд авторов, на наш взгляд, отождествляет его с управлением². Так, И.С. Шиткина считает, что «контролировать деятельность корпорации – значит иметь возможность определять ее стратегию, политику, выбор долгосрочных целей и программ, иметь решающее влияние»³. В указанных случаях контролирующее лицо не проверяет поведение контролируемого лица (контрагента) на предмет соответствия его фактического воплощения требуемому, а осуществляет экономическую власть над ним.

Контроль, осуществляемый управомоченным лицом, направлен не только на обеспечение эффективного управления, но и на соблюдение иных корпоративных прав и законных интересов участника хозяйственного общества, а также третьих лиц. Контроль-доминанция и контроль в значении «верификация» (проверка) – это разные правовые явления. Последний представляет для нас интерес и будет рассмотрен в данной работе.

Назначение гражданско-правового контроля состоит в соблюдении законных интересов участников гражданско-правового правоотношения, способствовании исполнению гражданско-правовых обязательств в установленный срок, обеспечении достижения цели гражданско-правового взаимодействия сторон и нормального развития имущественного оборота в целом. Важнейшей задачей контроля в связи с этим (в понимаемом нами значении «верификации») является предупреждение наступления возможных негативных последствий как для самих участников гражданско-правового отношения, так и для третьих лиц.

¹ См., например: *Симонов А.Г.* Особенности внутреннего контроля при корпоративной форме ведения бизнеса // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 7. С. 192.

² *Андреев В.Д., Черемианов С.В.* Система внутрихозяйственного контроля: основные понятия // Аудиторские ведомости. 2004. № 2. С. 7–10; *Кирилловых А.А.* Корпоративное право: курс лекций. М., 2009. С. 19; *Мифтахова А.М., Искужин И.Р.* Понятие корпоративного контроля // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2012. № 4. С. 23.

³ *Шиткина И.С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практическое издание. М., 2006. С. 339.

Чтобы выработать полноценное определение контроля в гражданском праве необходимо выяснить особенности составляющих его элементов: субъект, объект и содержание контроля. Рассмотрим для этого виды контроля в гражданском праве.

Классификация позволяет систематизировать знания о правовом явлении, облегчить понимание его сущности, а также повысить эффективность правоприменительной деятельности в исследуемой сфере. С учетом анализа гражданского законодательства о контроле и соответствующей правоприменительной практики, считаем возможным выделить следующие виды контроля участника гражданско-правовых отношений за соблюдением своих законных интересов в зависимости от основания классификации.

1. *В зависимости от субъекта, осуществляющего контрольную деятельность, контроль может быть непосредственным и опосредованным.* **Непосредственный контроль** осуществляет само управомоченное лицо, которое в конкретном гражданско-правовом отношении является наиболее уязвимой, слабой стороной. Например, согласно ст. 748 ГК РФ заказчик по договору строительного подряда вправе осуществлять контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения (графика), качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования материалов заказчика, не вмешиваясь при этом в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика.

Опосредованный контроль означает, что субъект правоотношения с целью осуществления более эффективного и полного контроля привлекает иных участников гражданского оборота. Такой контроль может быть *общим* или *специальным*.

Общий опосредованный контроль предполагает, что управомоченное лицо делегирует свое контрольное правомочие таким же участникам гражданского оборота, как и он.

При *опосредованном специальном контроле* управомоченное лицо привлекает для осуществления проверочной деятельности специально образованных участников гражданского оборота. Согласно ст. 749 ГК РФ заказчик в целях осуществления контроля и надзора за строительством и принятия от его имени решений во взаимоотношениях с подрядчиком может заключить самостоятельно без согласия подрядчика договор об оказании услуг такого рода с соответствующим инженером (инженерной организацией).

Участники корпорации имеют право требовать проведения проверки финансово-хозяйственной деятельности общества специально учрежденным для этих целей органом юридического лица – ревизионной комиссией (ревизором) общества или профессиональным аудитором (аудиторской организацией)¹.

Подробно непосредственный и опосредованный контроль участников корпоративных и обязательственных правоотношений за соблюдением своих законных интересов будет рассмотрен во второй и третьей главах данной работы.

Таким образом, субъектом контроля может являть участник гражданско-правового отношения, управомоченный на осуществление такой деятельности не только законом, но также договором или учредительным документом.

2. На любой стадии процесса реализации предоставленного лицу субъективного гражданского права возможны ситуации отклонения фактического состояния правоотношения от планируемого. Для своевременного получения информации о характере и содержании таких отклонений и принятия соответствующего решения, необходим контроль. *В зависимости от того, когда управомоченное лицо осуществляет действия по проверке соблюдения своих законных интересов и нормальной реализации*

¹ Пункт 3 ст. 85 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1); пункты 2 и 5 ст. 18 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 20, ст. 2321); статья 48 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7, ст. 785).

субъективного права, контроль делится на предварительный, текущий и заключительный (последующий).

Предварительный контроль осуществляется управомоченным лицом еще до фактического вступления в основное гражданско-правое отношение и по своей сути имеет абстрактный характер. Верификация направлена на выбор контрагента, оценку его благонадежности, что способствует обеспечению нормального развития будущего правоотношения, стабильности товарного оборота. Поскольку часто именно фигура контрагента предопределяет судьбу конкретного правоотношения. Преддоговорная верификация позволяет свести к минимуму возможность неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, создает информационную определенность участников товарного оборота.

Предварительный контроль направлен на формирование товарного оборота на основе договоров, которые еще до заключения и непосредственного регулирования правоотношения превентивно проверяются на предмет соответствия нормативным положениям, общеобязательным требованиям, интересам управомоченного лица. Проверка заключается в определении соответствия сообщенных сведений действительности или выяснении новых имеющих существенное значение обстоятельств.

Контроль представляет собой на данной стадии процесс активного информационного взаимодействия. По результатам контроля управомоченное лицо делает вывод о том, насколько в рамках будущего правоотношения будут соблюдены его интересы, и принимает решение о вступлении в гражданско-правое отношение на определенных условиях. Справедливо замечает В.Г. Голубцов: «Так устроен рынок – информированность является конкурентным преимуществом, способом минимизации рисков и возможностью предвидения потерь»¹.

¹ Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 510.

Исходя из этого можно предположить, что *предварительный контроль не является обычным процессом реализацией контрольного правомочия внутри основного субъективного гражданского права.*

Как правило, предварительный контроль осуществляется посредством визуального осмотра, ознакомления с различными базами данных и подлежащей обязательному раскрытию информацией, направления запросов. Средствами преддоговорного контроля также могут являться проведение обследований состояния имущества или здоровья личности, назначение экспертизы.

Бремя истребования и сбора информации лежит на управомоченном лице, исходя из собственного стремления определить достаточность и реальность предоставленных потенциальным контрагентом сведений. Участник товарного оборота должен проявлять достаточную степень добросовестности и осмотрительности при вступлении в правоотношение.

Полагаем, наряду с указанными преимуществами предварительного контроля необходимо обратить внимание и на негативные аспекты преддоговорной верификации. Так, лицо может отказаться заключать сделку на основе лишь субъективного гипотетического предположения о наличии или возникновении в будущем потенциальных препятствий для нормального развития правоотношения, достижения его цели.

Таким образом, суть преддоговорных отношений, с одной стороны, заключается в информационном обмене – контроле состояния системы, с которой придется войти в контакт, с другой стороны, – в согласовании условий этого контакта, то есть установлении правил, программы взаимодействия. Предварительный контроль – один из немногих случаев, когда контрольное правомочие реализуется в рамках организационного взаимодействия до вступления в основное правоотношение и направлено на обеспечение интереса, воплощенного в основном субъективном праве. Предшествующая заключению договора проверочная деятельность имеет своей целью предупреждение возможных неблагоприятных последствий при

вступлении в гражданское правоотношение, сокращение количества гражданских споров. Предварительный контроль не препятствует осуществлению проверки на последующих стадиях развития гражданского правоотношения.

Текущий контроль осуществляется управомоченным лицом непосредственно в ходе деятельности по реализации юридических прав и исполнению обязанностей в рамках конкретного гражданско-правового отношения. Такой контроль может быть как постоянным, так и периодическим, сплошным или выборочным. Текущий контроль представляет собой проверку деятельности контрагента на предмет соответствия заявленным в договоре (законе) требованиям, государственным стандартам или техническим условиям. Проверка может осуществляться по различным параметрам: сроки, качество выполняемой работы и используемых материалов, финансово-хозяйственное состояние, соблюдение целевого назначения и т.д. Важно подчеркнуть, что в отличие от публично-правового контроля контроль участника частного отношения за соблюдением своих законных интересов не имеет установленных приемов, методов, процедур.

В случае выявления каких-либо проблем, отклонений от намеченного плана вырабатывается способ их оперативного устранения. Так, специалисты, осуществляющие авторский надзор в строительстве, дают указания с необходимыми ссылками на действующие строительные нормы и правила, государственные стандарты, технические условия. При несвоевременном и некачественном выполнении данных указаний в обязательном порядке информируется заказчик¹. Согласно п. 3 ст. 748 ГК РФ подрядчик по договору строительного подряда обязан исполнять полученные в ходе строительства указания заказчика. За счет этого достигается координация и оптимизация деятельности, обеспечивается соблюдение законных интересов участника

¹ Приказ Министра России от 19 февраля 2016 г. № 98/пр «Об утверждении свода правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданского оборота. По итогам проведенной проверки уполномоченное лицо также может принять решение о прекращении дальнейшего правоотношения.

Текущий контроль направлен, в первую очередь, на выявление и устранение недостатков, обеспечение нормального развития гражданско-правового отношения, в конечном счете, удовлетворение обуславливающих само правоотношение потребностей. Когда же становится очевидным, что интересы кредитора нарушены, а недостатки устранены не будут, данные, полученные в ходе проверки, а также сам факт осуществления контрольных действий приобретают важное доказательственное значение. Согласно ст. 717 ГК РФ заказчик может в любое время отказаться от исполнения договора подряда, только в этом случае он уже будет обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением обязательственных отношений. В случае обращения подрядчика в суд с иском о немотивированном отказе заказчика от исполнения договора, анализ журнала контроля позволит правоприменителю вынести законное и обоснованное решение.

Возможность осуществлять текущий контроль деятельности должника, давать указания по исправлению недостатков, могущих привести к будущему нарушению интересов уполномоченного лица, превентивно отказаться от договора (правоотношения) является весьма разумной. Так, уполномоченный участник гражданско-правовых отношений не должен дожидаться формального факта правонарушения, чтобы иметь возможность отказаться от договора и требовать возмещения убытков.

Заключительный (последующий) контроль предполагает оценку результатов работы после того, как она выполнена. Либо сразу по завершении контролируемой деятельности, либо по истечении определенного периода времени фактически полученные результаты сравниваются с требуемыми.

Проведение заключительной проверки, составление и подписание акта приемки выполненных подрядных работ, отчета комиссионера и агента

выгодно обеим сторонам, поскольку позволяет сократить в дальнейшем количество судебных споров и облегчить процесс доказывания.

Заказчик обязан в сроки и в порядке, предусмотренными договором подряда, принять результаты выполненной подрядчиком работы. Согласно п. 2 ст. 720 ГК РФ заказчик, обнаруживший недостатки в работе при ее приемке, вправе ссылаться на них в случаях, если в удостоверяющем приемку документе были оговорены эти недостатки либо возможность последующего предъявления требования об их устранении. В силу п. 3 данной статьи заказчик, принявший работу без проверки, лишается права ссылаться на явные недостатки. Анализ материалов судебной практики также свидетельствует о том, что правоприменитель относит возникновение неблагоприятных последствий при подписании акта приемки выполненных работ без должного контроля к рискам самого заказчика¹.

Аналогичный подход законодателя отражен в гражданско-правовых нормах об отчете комиссионера и агента. Так, уполномоченное лицо по общему правилу имеет возможность осуществлять проверку представленного контрагентом отчета в течение 30 дней. Если в отведенный срок не заявлено каких-либо возражений или требований, отчет считается принятым. В правоприменительной практике данные нормы применяются судом, исходя из буквального содержания². Таким образом, формальный факт осуществления заключительного контроля влияет на решение вопроса о возможности предъявления претензий по качеству осуществляемой контрагентом деятельности.

¹ *Постановление* ФАС Уральского округа от 17 апреля 2015 г. № Ф09-1426/15 по делу № Ф71-8975/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Уральского округа от 16 марта 2015 г. № Ф09-10036/14 по делу № А47-13422/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 28 октября 2014 г. № Ф03-4515/2014 по делу № А73-12816/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 8 сентября 2009 г. по делу № Ф56-2575/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 10 сентября 2014 г. по делу № Ф53-24965/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О.В. Грабко, формулируя собственный подход к общему договорному гражданско-правовому контролю, реализуемому в зависимости от стадии развития обязательства, отмечает, что стороны могут быть заинтересованы в сохранении некоторой правовой связи и после прекращения обязательства. Автор указывает на сохранение за кредитором контрольных правомочий, ссылаясь на нормы, устанавливающие необходимость сохранения в тайне той или иной информации, доступ к которой был получен в результате участия в договорном отношении (ст. 771, 857, 1032 ГК РФ)¹.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что формы реализации контрольного правомочия, конкретные способы осуществления контроля различны в зависимости от стадии развития гражданско-правового отношения. Рассмотрев контроль на всех его этапах, можем заключить, что контроль имеет место как в имущественных и организационных относительных правоотношениях, так и в корпоративных отношениях. Контрольная деятельность осуществляется управомоченным лицом по поводу соответствия объекта, контрагента или его деятельности условиям конкретного правоотношения.

Контроль также может быть классифицирован исходя из способа его осуществления (документальный, фактический), вида правоотношения в котором он имеет место (обязательственный, корпоративный), времени осуществления (периодический, постоянный) и т.д. Однако подробно останавливаться на данных классификациях не имеет смысла, поскольку так или иначе все эти виды контроля будут освещены при анализе непосредственного и опосредованного контроля участника правоотношения во второй и третьей главах данной работы.

При исследовании вопроса контроля в гражданском праве мы не можем оставить без внимания определенный правовой эффект, возникающий при правомерном применении субъектом контроля гражданско-правовых мер воздействия. Любое действие в юридическом мире важно не само по себе, а

¹ Грабко О.В. Гражданско-правовой контроль по российскому праву: монография. М., 2019. С. 50–54.

из-за определенных правовых последствий, которые данное действие (событие) влечет или способно повлечь. Так, для нас заключенный договор важен не потому, что он заключен, а потому, что он порождает у сторон права и обязанности.

При осуществлении гражданско-правового контроля для управомоченного лица важна обратная связь, получение результатов верификации. Будучи выявленными отклонения в развитии правоотношения, достижения его цели становятся основанием для применения оперативных мер реагирования, привлечения контрагента к имущественной ответственности по гражданскому законодательству. За счет указанного воздействия реализуется, главным образом, координирующая функция гражданско-правового контроля. При этом согласимся с О.В. Грабко, который, выделяя специфические черты гражданско-правового контроля в российском праве, отмечает необоснованность включения в содержание контроля института привлечения к ответственности. Автор справедливо обращает внимание на различные признаки механизмов контроля и применения ответственности¹.

По итогам осуществления проверки (верификации) управомоченное лицо имеет возможность, во-первых, отказаться от заключения невыгодных для себя договоров, во-вторых, вовремя обнаружить и предупредить недостатки в работе, скоординировать деятельность контрагента, в-третьих, прекратить правоотношение, в которых терпит убытки, в-четвертых, доказать в суде правомерность и обоснованность своих действий. Перечисленные юридические последствия выходят за рамки деятельности участника товарного оборота по осуществлению контроля и представляют собой реакцию на полученную в ходе проверки (верификации) информацию – экономические санкции (организационные и имущественные),

¹ См.: Грабко О.В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля. С. 60–68.

являясь средствами стимулирования надлежащего поведения контрагента в правоотношении)¹.

Установив субъектов, объекты и определив концептуальные положения, касающиеся содержательной стороны контроля в гражданском праве, мы можем дать полноценное авторское определение контроля, отвечающего реалиям законодательства, правоприменительной практики. **Под контролем будем понимать деятельность участника гражданско-правового отношения, уполномоченного на его осуществление законом, учредительным документом и (или) договором, по проверке соответствия объекта, участника (потенциального участника) имущественного отношения и (или) действий контрагента условиям, предусмотренным законом, учредительным документом, договором, обычаям (в том числе, динамичным деловым обыкновениям) – в относительно определенных пределах разумности (экономической целесообразности) и добросовестности. Функциями контроля являются: превенция возможных негативных последствий, координация и оптимизация деятельности контрагента, а также устранение негативных последствий имущественного отношения (в том числе за счет применения экономических санкций).** Соответствующие позиции в доказательство тезиса будут приведены в дальнейших частях работы.

Учитывая, что термин «контроль» присущ скорее публичному праву, а в цивилистической науке употребляется как эквивалент «управления», и предвидя возможные упреки по этому поводу, заметим, что в гражданском (да и других отраслях) праве спокойно уживаются многозначные понятия. В качестве примера можно привести ссуду (заем, безвозмездное пользование), договор (сделка, правоотношение), да и само право (в его объективном и субъективном смысле). Полисемия предполагает наличие у слова (термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по

¹ См.: Слесарев В.Л. Экономические санкции в советском гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. С. 11.

смыслу и происхождению. Поэтому считаем оправданным использование данного термина в гражданском праве. Просто необходимо четко представлять о каком контроле идет речь.

Выработка законодателем терминологического аппарата упрощает понимание правовых явлений, в том числе неспециалистами. В значительной степени этому способствуют нормы-гlossарии. Однако введение термина в законодательство должно быть обусловлено практической необходимостью. Учитывая многоаспектность термина «контроль», его определение должно быть сформулировано в научной литературе.

§ 2. Принципы и пределы контроля участников гражданских правоотношений за соблюдением их законных интересов

Юридическая наука уделяет постоянное внимание изучению и систематизации принципов и пределов осуществления права. Разрабатываемые на этой основе рекомендации находят свое отражение в нормотворческой и правоприменительной деятельности, способствуют их согласованности. Поскольку нам удалось выделить особую правовую категорию контроля участника гражданско-правовых отношений за соблюдением его прав и интересов, следующим шагом необходимо определить принципы и пределы его осуществления, а также особенности проверочной деятельности в корпоративных и обязательственных отношениях.

Вопрос о принципах контроля и пределах осуществления проверочной деятельности оказался совершенно не исследован в цивилистике. Отсутствие системного доктринального исследования проблематики принципов и пределов гражданско-правового контроля приводит к тому, что в литературе высказываются предложения о реформировании законодательства в данной области без учета особенностей функционирования всего института.

Немногочисленные же теоретические изыскания по вопросу определения принципов контроля в гражданском праве вызывают определенные сомнения.

Стремление к выработке специальных принципов и пределов гражданско-правового контроля отражает исследовательское намерение раскрыть сущностные характеристики данного правового явления, что целесообразно как с теоретической, так и с практической точек зрения. Посредством установленных принципов и пределов осуществления гражданских прав выявляются недостатки в механизме правового регулирования, уточняются правовые нормы, регламентирующие гражданский оборот, совершенствуется правоприменительная практика. Созданию теоретической модели частноправового контроля и ее последующему развитию может способствовать сформированная система принципов и пределов реализации контрольного правомочия участника гражданского правоотношения.

В общей теории права и в цивилистической науке не выработано единое мнение по вопросу определения, содержания и наименования принципов права. Принципы обычно рассматриваются в качестве руководящих идей, основополагающих начал, исходных положений, первичных правил, отражающих объективные закономерности развития и потребности общества, определяющих сущность всей системы, отрасли или института права¹. Принципам осуществления прав и обязанностей присущи высшая императивность, универсальность и общезначимость².

В настоящей работе не ставится цель исследования множества взглядов, относящихся к теории правовых принципов. При всем обилии различных определений наиболее распространенным представляется подход, согласно

¹ *Теория государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 2002. С. 242; Танага А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 26–27; Ведяхин В.М. Понятие и классификация принципов права // Право и политика. 2002. № 4. С. 19–28; Вавилин Е.В. Понятие и функциональное назначение принципов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 86; Грибанов В.П. Принципы осуществления гражданских прав. Осуществление и защита гражданских права. М., 2000. С. 215.*

² *Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978. С. 11.*

которому принцип, состоит в том, что это определенная правовая идея, которая является общей и обязательной для всех норм, регулирующих общественные отношения. Подобная трактовка прослеживается практически в каждой дефиниции. Исследуя проблему принципов гражданско-правового контроля, будем придерживаться именно такого обобщенного взгляда на сущность правовых принципов.

Принципы права выполняют три основные функции: способствуют созданию единой и непротиворечивой системы норм права; при обнаружении пробелов при помощи аналогии права помогают преодолеть эти проблемы; ориентируют на системное толкование норм права¹. Принципы выступают как определенное правовое средство, с помощью которого развивается экономика в определенном, заданном направлении, в неких границах, а также существует и развивается законодательная и правоприменительная деятельность. В связи с чем В.В. Кулаков приходит к выводу, что принципы права адресованы самому государству в лице законодателя и правоприменительных органов, а не непосредственным участникам товарного оборота².

Принципы осуществления права представляют собой некие декларации, не создающие непосредственно прав и обязанностей, а указывающие принципиальное направление правового регулирования. Ряд авторов придерживается мнения, что для того, чтобы принцип права подлежал применению и был реализован, необходимо его закрепление в виде нормы права³. Мы же согласимся с теми учеными, которые считают, что нормативное закрепление принципов не является релевантной чертой⁴. В.П. Грибанов считал, что отождествление правового принципа с нормой права практически равнозначно отрицанию правовых принципов вообще⁵. По данному поводу

¹ Дерюгина Т.В. Принципы и пределы осуществления гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // ДНК Права. 2014. № 2. С. 18.

² Кулаков В.В. Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 187.

³ Березбя Н.В. Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 13.

⁴ Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 137.

⁵ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М., 2001. С. 216.

очень точным представляется замечание Е.В. Вавилина о том, что признать источником принципов лишь нормативный правовой акт означает «признать совершенство всей существующей правовой системы, что настойчиво опровергается судебной практикой»¹.

Как справедливо пишет О.А. Кузнецова, «...принципы права не только прямо содержатся в его нормах, но и выводятся из них»². Автор уточняет, что такие принципы не могут считаться нормами права, являя собой принципы-идеи. Последние выполняют наравне с нормами-принципами функцию совершенствования гражданского законодательства, однако не могут выступать нормативной основой правоприменения, не являясь источником права³. Соглашаясь с позицией ученого, добавим, что выведенные доктринальные принципы также способны оказывать благотворное влияние на правоприменительную практику, способствуя ее единообразию.

Интерес также представляет точка зрения, согласно которой «выражение отправных начал может производиться не только в законодательных актах. Существует и другой способ – через правоположения судебной практики»⁴.

Принципы-идеи, не обладающие статусом нормы права, могут быть выявлены путем анализа соответствующего законодательства и правоприменительной практики, а затем сформулированы в качестве доктринальных выводов. При этом необходимо учитывать позицию, изложенную А.А. Волосом, что принципы, прямо не закрепленные в форме правовых норм, должны соответствовать определенным признакам:

1. быть обоснованными судебной практикой;
2. быть рассчитанными на многократное применение;

¹ Вавилин Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов. 2012. С. 207.

² Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть закона. 2011. № 4. С. 89.

³ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 46–47.

⁴ Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 71.

3. их смысл и содержание должны вытекать и быть согласованными с основными принципами гражданского законодательства¹.

Таким образом, *принципы осуществления контроля – это основополагающие идеи, положения, содержащиеся в нормах права, а также выработанные судебной практикой, которые являются фундаментальными для отношений по поводу реализации контрольных правомочий участников гражданского оборота за соблюдением их законных интересов.*

Контрольные правоотношения, возникающие в рамках относительного гражданского правоотношения, опираются на такие исходные частноправовые принципы, как свобода договора, равенство, неприкосновенность собственности и т.д. Специальные принципы конкретизируют и дополняют общие принципы гражданского права. Причем чем мельче элемент правовой материи, тем конкретнее должны быть правовые постулаты. В связи с указанным определенные сомнения вызывают попытки сформулировать в литературе необоснованно абстрактные специальные принципы гражданского-правового контроля. Так, О.В. Грабко выделяет принцип эффективности контроля. Причем автор определяет данный принцип сразу через несколько и так довольно умозрительных категорий: «оптимальность», «целесообразность», «действенность», «результативность», «разумность»².

Чем шире сформулировано правило, тем сложнее его применение. При формулировке основополагающих идей, коими являются принципы, нельзя дублировать иные правовые понятия, поскольку это не способствует четкому уяснению субъектами контроля направлений их деятельности. Правовой принцип должен быть выражен определенными нормативными требованиями, иначе его реализация будет крайне затруднена.

¹ Волос А.А. Понятие принципов обязательственного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 164.

² Грабко О.В. Принципы гражданско-правового контроля // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 21.

Правовые принципы образуют единую систему, в которой все элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены. По справедливому замечанию О.А. Кузнецовой, вопрос систематизации принципов права имеет важное значение для понимания сущности гражданского права, для достижения правоприменительных целей гражданско-правового регулирования¹. Системность проявляется в возможности элементов эффективно взаимодействовать. Все принципы являются равнозначными, при этом каждый элемент выполняет отведенную ему функцию. В этом смысле система принципов представляет собой не просто перечень общих норм, а единое внутренне согласованное образование, обусловленное единым предметом правового регулирования. При реализации той или иной правовой нормы необходимо учитывать принципы всей системы, придающие ей единую направленность.

В своей совокупности выявленные правовые принципы применительно к рассматриваемому институту гражданско-правового контроля позволят раскрыть характер и природу регулируемых отношений, отразить специфику сформированной правовой системы. Это те специальные принципы, которые отличают контроль в частных отношениях от публично-правового контроля и надзора, уточняя основные начала гражданского законодательства применительно к рассматриваемой сфере. При их формулировании необходимо избегать любых приемов администрирования.

Анализ законодательства и правоприменительной практики в области реализации контрольных правомочий участников юридических лиц и обязательств позволил автору выделить следующие принципы контроля участника относительного гражданско-правового отношения.

1. *Принцип диспозитивности (инициативности) контроля.*

Принцип диспозитивности широко рассматривается в юридической литературе в качестве одного из основных отраслевых принципов гражданского права. Одновременно ученые-цивилисты подразумевают под

¹ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 51.

диспозитивностью и метод права. О.А. Кузнецова подчеркивает важность дифференциации данных категорий по содержательному аспекту, подразумевая под принципом диспозитивности наделение субъектов права совокупностью правовых возможностей¹. Ю.К. Толстой отмечал, что данный принцип означает «закрепление за гражданами и организациями юридически обеспеченной возможности по своему усмотрению распоряжаться принадлежащими им гражданскими правами...»².

Нормативное выражение данного принцип нашел в п. 2 ст. 1 ГК РФ и п. 1 ст. 9 ГК РФ. Согласно указанной норме граждане и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора.

Предвидя возможные упреки по поводу выделения данного принципа в качестве институционального, следует согласиться, что специальные принципы не должны дублировать отраслевые. В то же время диспозитивность является самой сутью частного права, а потому все гражданские правовые отношения необходимо рассматривать через призму этой категории.

Базовая идея правовой регламентации контроля в гражданско-правовых отношениях основана на необходимости формирования контрольных возможностей самими субъектами экономической деятельности. Пределы собственной компетенции в сфере необходимости установления контроля стороны отношения определяют сами. Законодатель предоставляет управомоченному на осуществление контроля лицу возможность приобретать контрольные правомочия или не приобретать, выбирать конкретный способ их приобретений, распоряжаться наличными контрольными правомочиями, прибегать или не прибегать к мерам защиты нарушенного правомочия,

¹ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 85–87.

² Толстой Ю.К. Принципы гражданского права. Правоведение. 1992. № 2. С. 50.

инициировать по результатам верификации применение соответствующих санкций или нет.

Управомоченное лицо, обладая сознательностью и свободой волеизъявления, самостоятельно принимает решение об осуществлении верификации (проверки) и ее способах. Законодатель исходит из необходимости и возможности лица оценить складывающуюся обстановку и позаботиться о соблюдении своих интересов в первую очередь самому, не перекладывая это на третьих лиц (контрагента, правозащитные органы). Вполне логично, учитывая, что реализация контрольного правомочия направлена на обеспечение соблюдения интересов управомоченного лица.

Еще на стадии заключения договора управомоченное лицо должно продумать и согласовать с контрагентом вопросы осуществления контроля. Участники гражданско-правовых отношений могут по собственному желанию предусмотреть в договоре условие об осуществлении контроля за соблюдением их законных интересов. Порядок осуществления верификации (проверки), по общему правилу, также остается на усмотрение сторон.

Согласно п. 1 ст. 474 ГК РФ проверка качества товара и ее порядок могут быть предусмотрены законом, иными правовыми актами, обязательными требованиями, установленными в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании, или договором купли-продажи. Обязательные требования к приемке товара устанавливаются техническими регламентами (абз. 25 ст. 2, п. 3 ст. 7 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»¹). Если приемка товара по качеству регулируется обязательными к применению нормативными правовыми актами, установление иных правил приемки в договоре не допускается. Сторонам лучше сделать ссылку в договоре на такой нормативный акт. Если договор купли-продажи не содержит такой ссылки на обязательный к применению при приемке товара документ, покупатель несет

¹ *Российская газета*. 2002. № 245.

риск невозможности доказать поставку товара ненадлежащего качества при нарушении порядка осуществления контроля¹.

Ряд нормативных правовых актов, регламентирующих порядок приемки и проверки товара по договору купли-продажи, может применяться сторонами только на добровольной основе. Пункт 14 Постановления Высшего Арбитражного суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки»² содержит разъяснение, что порядок приемки товаров по количеству и качеству, установленный Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утвержденной Постановлением Госарбитража СССР от 15 июня 1965 г. № П-6, и Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной Постановлением Госарбитража СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7, может применяться покупателем только в случаях, когда это предусмотрено договором поставки.

Контроль не является существенным условием. Отсутствие в договоре указания на согласование вопроса о контроле не влияет на действительность заключенного соглашения. Вместе с тем целесообразным представляется рекомендовать сторонам согласовать порядок, способы, время, место осуществления проверки во избежание возможных споров.

Несоответствие в тексте договора условия о контроле не должно лишать управомоченное лицо законной возможности осуществлять проверку. В такой ситуации могут быть применены нормативные требования, обычаи делового оборота или обычно применяемые условия в сходных правоотношениях. Ряд правовых норм содержит прямое указание на такую возможность (ч. 1, 2 ст.

¹ *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 15 мая 2006 г. по делу № А11-1305/2005-К1-5/98 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Уральского округа от 1 февраля 2007 г. № Ф09-260/07-С5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 3.

474 ГК РФ). Как правило, такой минимальный, гарантированный объем контроля включает визуальный осмотр, проверку работоспособности. Указанная правовая норма толкуется судами буквально, что подтверждается правоприменительной практикой¹. В противном случае создавалось бы положение худшее, чем предусматривает законодатель для соблюдения интересов слабой стороны правоотношения, что недопустимо.

Несогласование условия о контроле может повлечь возникновение споров по поводу времени осуществления проверки, отражения ее результатов, наступления юридических последствий для сторон. Однако ограничение, исключение на этом основании возможности лица контролировать соблюдение его прав представляется недопустимым, нарушающим баланс интересов сторон правоотношения. Поскольку участник гражданско-правовых отношений не проявляет инициативу в установлении договорных форм верификации, действуют нормативные правила, обычные условия.

Использование законодателем в тексте правовой нормы словосочетаний «обязан осуществить проверку» также не свидетельствует об императивности контроля.

Пункт 2 ст. 1031 предусматривает обязанность правообладателя по договору коммерческой концессии контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем. В юридической литературе отмечается, что если в тексте договора не предусмотрена данная обязанность, это не исключает право правообладателя контролировать качество производимых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг на предмет их соответствия качеству аналогичных товаров, работ или услуг, производимых, выполняемых или оказываемых непосредственно правообладателем².

¹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 30 июля 2009 г. по делу № А13-8196/2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лозовская С.О. Договор коммерческой концессии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5. С. 23.

Пункт 3 ст. 582 ГК РФ гласит, что юридическое лицо, принявшее пожертвование, для использования которого установлено определенное назначение, должно вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества. Делать из этой формулировки правовой нормы вывод, что в данных правоотношениях в обязательном порядке должен осуществляться контроль представляется неверным. Более того, суды исходят из того, что нельзя расценивать как нарушение условия о целевом использовании пожертвованного имущества тот факт, что одаряемый не представляет дарителю отчет об его использовании¹.

На наш взгляд, указанная норма обусловлена потребностями налогового учета, поскольку чаще возникают споры именно между организациями, в отношении которых оформлено пожертвование, и налоговыми органами. В случае если использование имущества, приобретенного за счет пожертвования, не соответствовало назначению целевого поступления, доход в виде стоимости полученного имущества должен быть включен в налоговую базу по налогу на прибыль на основании [п. 14 ст. 250](#) Налогового кодекса Российской Федерации². Данное обстоятельство подтверждается и тем, что законодатель считает необходимым закрепить не обязанность получателя пожертвования отчитываться об использовании пожертвованного имущества перед жертвователем, а обязанность обособленного учета.

Как видится, законодатель использует слово «обязан» или «должен», формулируя правовые нормы о контроле с целью подчеркнуть социальную значимость осуществляемого контроля в данных гражданско-правовых отношениях. Тем самым, с одной стороны, обеспечивается законный интерес управомоченного лица, с другой стороны, – защита прав третьих лиц, которые зачастую являются доверчивыми потребителями, что является проявлением публично-правовых начал в частных отношениях.

¹ Определение ВАС РФ от 18 февраля 2013 г. № ВАС-1175/13 по делу № А40-42066/12-11-389 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32, ст. 3340.

В доктрине гражданско-процессуального права принцип диспозитивности предполагает, что гражданские дела возбуждаются, развиваются, изменяются, переходят из одной стадии процесса в другую и прекращаются под влиянием, главным образом, *инициативы* участвующих в деле лиц¹. Поскольку контроль представляет собой явление процедурного характера, принцип диспозитивности контроля тесно связан с *инициативностью* участников гражданского правоотношения.

Юридическая инициатива означает признанную законом способность участников отношений собственными правовыми действиями устанавливать, изменять, прекращать гражданские права и обязанности. Инициативность контроля подразумевает, что контрольные правомочия реализуются посредством действий (активных или пассивных) самого управомоченного лица. Данный признак, по мнению А.Ю. Ильина и М.А. Моисеенко, отличает контрольную деятельность от надзорной².

Контролю в относительных гражданско-правовых отношениях, как правило, должно предшествовать определенное поведение управомоченного субъекта: например, направление контрагенту требования о необходимости предоставить имущество, информацию для осуществления верификации. Так, п. 1 ст. 91 Федерального закона Российской Федерации от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ предусматривает перечень документов, к которым общество обязано обеспечить доступ акционерам. Для того чтобы ознакомиться с документацией хозяйственного общества, его участник должен направить в адрес организации требование, содержащее конкретизированный перечень запрашиваемых документов, форму предоставления доступа к документам, в предусмотренных случаях – деловую цель, с которой запрашиваются соответствующие документы, указание на необходимость заверения копий

¹ См.: Сапожников С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. – 24 с.

² Ильин А.Ю., Моисеенко М.А. Правовая доктрина финансового контроля // Финансовое право. 2014. № 4. С. 17.

³ *Российская газета*. 1995. № 248.

документов и т.д.¹ Получению информации о зарегистрированных правах на жилое помещение, ограничениях прав и обременениях такого объекта должно предшествовать направление заинтересованным лицом соответствующего запроса в орган регистрации прав².

Обязанность контрагента (если она существует) при этом сводится к созданию благоприятных условий для реализации предоставленной субъекту гражданского оборота юридической возможности. Направление участнику корпорации информации о финансово-хозяйственной деятельности организации, выписки из амбулаторной карты страхуемого лица страховщику для оценки страхового риска, обеспечение доступа во все места производства строительно-монтажных работ сами по себе не удовлетворяют легитимного интереса лица в осуществлении контроля. При всех созданных подрядчиком условиях заказчик может осуществить приемку результатов подрядных работ без верификации.

Действия контрагента, таким образом, имеют лишь организационный, обеспечительный характер, создают предпосылку к нормальной реализации контрольного правомочия. Для того чтобы иметь точную информацию о состоянии правоотношения и соблюдении законных интересов его участников управомоченное лицо должно само либо посредством привлечения компетентных лиц (опосредованный контроль) осуществлять проверочные мероприятия.

На контрагента, по общему правилу, не может быть возложена обязанность осуществлять проверочные мероприятия. Пункт 8 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»³ содержит прямой запрет возлагать на участников

¹ Пункт 4–6 *Указания* Банка России от 28 июня 2019 г. № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со статьей 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Банка России. 2019. № 55.

² Пункт 1 ст. 62 *Федерального закона* от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. 2015. № 156.

³ *Российская газета*. 2013. № 80.

закупки обязанность подтверждать их соответствие установленным конкурсным требованиям. При предварительном контроле в силу свободы договора лицо и вовсе вправе отказаться предоставлять управомоченному лицу информацию, имущество для верификации.

В юридической литературе нашли отражение точки зрения ученых, высказывающихся за необходимость возложения обязанности производить проверку и предоставлять ее результаты заинтересованному лицу на контрагента, в том числе потенциального¹. Авторы при этом ссылаются на положительный пример зарубежных правовых систем, допускающих такой порядок осуществления контроля управомоченным лицом. Так, по законодательству Франции продавец до заключения соглашения в обязательном порядке предоставляет покупателю информацию о техническом состоянии приобретаемого жилого помещения, прилагая акты технической экспертизы. Непредставление результатов проверки к моменту подписания договора купли-продажи, позволяет покупателю отказаться от сделки, даже если был заключен предварительный договор². Важнейшей обязанностью потенциальных поставщиков, исполнителей по государственным контрактам в США является подтверждение своей способности исполнить обязательства по контракту в рамках квалификационных требований, предъявляемых государственными заказчиками³.

Возложение на контрагента обязанности подтверждать качество передаваемого по договору имущества должно быть серьезным образом обосновано. Так, продавец, занимающийся предпринимательской деятельностью, должен в наглядной и доступной форме довести до сведения

¹ Шевчук Д.Ф. Право покупателя жилого помещения на информацию // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 2. С. 168; Тасалов Ф.А. Контрактная система государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2016. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Журавлева А. Договор купли-продажи жилого помещения: основные риски и способы их минимизации // Жилищное право. 2014. № 4. С. 7–34.

³ Federal Acquisition Regulation System // Title 48 of the United States Code of Federal Regulations. URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/48>. (дата обращения: 20.11.2019).

покупателя-гражданина необходимую и достоверную информацию об изготовителе и реализуемых им товарах¹, что позволит последнему сделать правильный выбор. В данном случае такое законодательное решение оправдано, поскольку речь идет о безопасности жизни и здоровья неограниченного числа потребителей, которые не обладают (и не должны обладать) возможностями и знаниями для осуществления верификации подобного рода.

Управомоченное лицо должно самостоятельно позаботиться о надлежащем осуществлении верификации, должном оформлении самой проверки и ее результатов. Инициативность контроля также проявляется при применении управомоченным лицом по результатам проверки мер оперативного реагирования и имущественного воздействия.

Согласно п. 2 ст. 720 ГК РФ заказчик, обнаруживший недостатки в работе при ее приемке, вправе ссылаться на них в случае, если в акте либо ином документе, удостоверяющем приемку, были оговорены эти недостатки либо возможность последующего предъявления требования об их устранении.

Отсутствие инициативы управомоченного лица в применении по результатам проверки мер оперативного воздействия и гражданско-правовых санкций исключает реальный правоохранительный процесс².

Используемые законодателем методы правового регулирования контроля участника относительного гражданско-правового отношения за соблюдением его законных интересов направлены на стимулирование управомоченного лица к самостоятельному осуществлению проверки. Как видится, такой подход соответствует общему духу цивилистического права и избран, в том числе, как способ противодействия возможным мошенническим действиям со стороны контрагента. Полагаем, именно по этой причине законодатель с середины 2016 г. отказался от удостоверения регистрации возникновения и перехода прав на недвижимое имущество путем

¹ *Статья 8 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1996. № 8.*

² *Слесарев В.Л. Указ. соч. С. 12–13.*

выдачи собственнику свидетельства, подтверждающего его правосубъектность¹. Практика свидетельствует, что многими участниками гражданско-правовых отношений данное свидетельство воспринималось в качестве правоустанавливающего документа.

Еще одним существенным аспектом рассматриваемого принципа является недопустимость понуждения управомоченного лица к реальному осуществлению контроля, в том числе к его прекращению.

Таким образом, получение необходимого управомоченному на осуществление верификации (проверки) лицу результата зависит, прежде всего, от его инициативы и умения организовать контрольные отношения, вместе с тем не исключая, а предполагая известный риск.

2. Принцип минимального законодательного регулирования проверочной деятельности является продолжением принципа диспозитивности (инициативности) и воплощением саморегулирующей идеи гражданско-правового контроля.

Наделяя участников указанной группы обязательств контрольными полномочиями, законодатель использует различные приемы юридической техники. Так, юридическая возможность лица осуществлять предварительный контроль за соблюдением его законных интересов может быть прямо зафиксирована в кодифицированном законе. Пункт 2 ст. 495 ГК РФ предусматривает право покупателя до заключения договора розничной купли-продажи осмотреть товар, потребовать проведения в его присутствии проверки свойств или демонстрации использования товара, если это не исключено ввиду характера товара и не противоречит правилам, принятым в розничной торговле.

Контрольные полномочия могут следовать из иных правовых норм, например, предусматривающих ответственность стороны обязательства

¹ *Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2016. № 151. Во вступившем в силу с 1 января 2017 года Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» данных подход сохранен (ст. 28).*

за обнаруженные в дальнейшем дефекты. Так, согласно п. 2 ст. 612 ГК РФ арендодатель не отвечает за недостатки сданного в аренду имущества, которые были оговорены при заключении договора аренды, были заранее известны арендатору или должны были быть обнаружены арендатором во время осмотра имущества или проверки его исправности при заключении договора или при передаче имущества в аренду.

Помимо ГК РФ нормы о контроле получили распространение в иных законах и подзаконных нормативных правовых актах. Так, законодатель наделяет контрольными полномочиями на преддоговорной стадии заказчика по государственному контракту. Часть 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ устанавливает единые требования к участникам закупки. Проверку соответствия потенциальных контрагентов указанным требованиям осуществляет специально формируемый заказчиком орган – комиссия по осуществлению закупок.

Законодатель, как правило, не вмешивается в организацию и реализацию контрольных полномочий, не устанавливая четко формализованные сроки, порядок и методы проведения контроля, виды проверочных мероприятий, оставляя эти вопросы, а также закрепление результатов верификации на согласование сторонам правоотношения. В отличие от публично-правового контроля, который является нормативно стандартизированным.

Вместе с тем не бывает правил без исключений. В отдельных правоотношениях законодатель счел необходимым вмешаться в урегулирование контрольной деятельности. Принципы, несмотря на их фундаментальный характер, тоже могут быть подвергнуты определенным исключениям. Как справедливо отмечал О.С. Иоффе, «всякий

¹ *Российская газета*. 2013. № 80.

принцип, каким бы общим он не был, не лишается своего значения и тогда, когда он терпит те или иные исключения...»¹.

Так, ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривают перечень информации, с которой участники организации имеют возможность ознакомиться, порядок предоставления документов и их копий, а также основания для отказа в доступе к таким сведениям. Это связано с необходимостью предупреждения возможных злоупотреблений как со стороны управомоченного на осуществление проверки лица, так и его контрагента.

Вместе с тем п. 13 указанной статьи содержит уточнение, что законодательно установленные правила относительно условий, порядка, сроков предоставления информации акционерам, «пороговых» значений участия в капитале, необходимых для получения доступа к определенным перечням документов общества, могут быть изменены и уточнены уставом общества.

Зачастую право на проверку следует скорее из принципа равенства сторон гражданских отношений, чем прямых нормативных положений. Отсутствие указания на наделение лица контрольными полномочиями не должно препятствовать осуществлению верификации в связи с обычными условиями или по аналогии права. Вместе с тем такое законодательное упущение способно привести к нежелательному обременению одной из сторон правоотношения.

3. Принцип возложения рисков неосуществления контроля на управомоченное лицо. Предоставляя участнику гражданского отношения юридическую возможность осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов, законодатель и правоприменитель ставят наступление правовых последствий в случае выявления нарушения или угрозы нарушения этих законных интересов в зависимость от того

¹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву: монография. Л., 1955. С. 29.

действовал ли субъект верификации добросовестно и осмотрительно, произвел ли проверку надлежащим образом.

Согласно п. 3 ст. 720 ГК РФ заказчик, принявший работу без проверки, лишается права ссылаться на недостатки работы, которые могли быть установлены при обычном способе ее приемки. Аналогичные положения, исключающие возможность в дальнейшем предъявлять контрагенту претензии по поводу явных недостатков, содержат нормы о договоре аренды (п. 2 ст. 612 ГК РФ) и ссуды (п. 3 ст. 693 ГК РФ).

Таким образом, на управомоченное лицо ложится в дальнейшем бремя доказывания осуществления контроля надлежащим образом, дабы иметь возможность заявить претензии контрагенту.

Исключение составляют случаи, когда управомоченное на осуществление контроля лицо не знало и не должно было знать о существующих недостатках. Иногда данную норму формулируют следующим образом: «не знал и не мог знать» (п. 2 ст. 698 ГК РФ). Полагаем, использование последнего варианта является менее удачным, поскольку могут возникнуть споры, когда ответчик будет ссылаться на то, что истец мог сделать обследование скрытых недостатков или узнать об их существовании из других источников (друзья, родственники и т.п.).

Невозможность предвидения неблагоприятных последствий ставит лицо в позицию добросовестного приобретателя и не является основанием для ограничения права на заявление претензий. Как отмечает И.Д. Кузьмина, такой «субъективный» подход к определению понятия добросовестности и ее правового значения предполагает отождествление добросовестного поведения с невиновным¹.

Анализ материалов судебной практики также свидетельствует, что правоприменитель относит возникновение неблагоприятных последствий при отказе от контроля к рискам самого заказчика, поскольку тот должен

¹ Кузьмина И.Д. Правоприменительное значение добросовестности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1. Т. 10. С. 43.

действовать с должной мерой заботливости и осмотрительности¹. Отсутствие у лица инициативы в осуществлении проверки исключает возможность ссылаться в дальнейшем на неизвестность тех или иных существенных обстоятельств, которые могли быть выявлены в ходе осуществления контроля (явные недостатки помещения, обременение имущества залогом и т.д.).

Вступление в правоотношение, приемка товара, результатов выполненных работ без заявления претензий к качеству подтверждает не только сам факт проверки, но и удовлетворенность ее результатами. Такое общее установление следует считать *презумпцией надлежащего качества* объекта контроля, принятого стороной без замечаний. Добросовестность обязывает обладателя правомочия избегать явлений полярной природы – излишнего доверия и его полного отсутствия. Контрольное правомочие приобретается в составе субъективного права и должно быть направлено не только на обеспечение баланса интересов сторон правоотношения, но и всего имущественного оборота.

Можно предположить, что правовые нормы и правоприменительная практика, подтверждающие существование данной презумпции являются архаизмом, пережитком прошлого, когда для фиксации факта обнаружения недостатков необходимо было отразить этот факт в документе однозначным образом. С развитием технологий доказать определенное состояние товара на момент его передачи можно посредством фото-, видеосъемки на камеру телефона, которые есть, за редким исключением, у каждого.

Вместе с тем такой подход законодателя и правоприменителя отражает реалии современной действительности. Фиксация недостатков, в том числе посредством технических устройств не предполагает в обязательном порядке неудовлетворенность управомоченного на осуществление контроля лица

¹ *Постановление* ФАС Уральского округа от 17 апреля 2015 г. № Ф09-1426/15 по делу № Ф71-8975/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Уральского округа от 16 марта 2015 г. № Ф09-10036/14 по делу № А47-13422/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 28 октября 2014 г. № Ф03-4515/2014 по делу № А73-12816/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

качеством товара (работы, услуги), его заинтересованность в предъявлении в дальнейшем по этому поводу претензий контрагенту. Достаточность данного факта без вербального выражения претензии со стороны контролирующего лица оставляет его контрагента в состоянии правовой неопределенности.

Еще одним аргументом в пользу необходимости вербально выразить свое отношение к качеству товара (работы, услуги) является невозможность в противном случае доподлинно установить тот сформированный в сознании контролирующего субъекта образ, с которым он верифицирует конкретный объект материального мира.

Управомоченное лицо, обладая свободой волеизъявления, принимает решение об осуществлении проверки и ее способах. Добросовестность субъекта гражданского правоотношения предполагает такое состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой им юридической цели¹. Осуществление надлежащего контроля выступает неким условием добросовестности управомоченного субъекта.

Такой подход законодателя и правоприменителя объясняется тем, что помимо существующих в рамках правоотношения обязанностей реальность так же требует наряду с этим осуществления принадлежащих лицу прав надлежащим образом. Контрольное правомочие приобретает комплексно в составе основного субъективного права и направлено на обеспечение баланса интересов сторон правоотношения и, в итоге, всего имущественного оборота. Добросовестность обязывает субъекта правомочия осознавать свои действия, предвидеть и предотвращать их вредоносные последствия.

4. Принцип равенства и соблюдения баланса интересов сторон правоотношения. Традиционно принцип формального равенства означает, что все субъекты гражданского права обладают одинаковыми юридическими

¹ Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 81.

возможностями и на их действия по общему правилу распространяются одни и те же гражданско-правовые нормы. Назначение исследуемого принципа состоит, прежде всего, в том, чтобы исключить подчиненность одного участника гражданских правоотношений другому. В цивилистической доктрине обоснованно признается существование отношений власти и подчинения. При этом уточняется, что метод правового регулирования остается неизменным и не может содержать в себе элементы метода публично-правовых отраслей¹.

Реализуя контрольные полномочия, участники товарного оборота не имеют никакой установленной власти по отношению друг к другу, что отличает гражданско-правовой контроль от публичного. Вопрос власти в контрольных отношениях не стоит вовсе, речь не идет об установлении господства, управлении. Следствием данного принципа О.В. Грабко небезосновательно считает установление гражданско-правового контроля в форме права, а не обязанности².

Равенство в первую очередь подразумевает независимость контрагентов, связанных конкретным правоотношением. При этом объем контрольных полномочий у различных управомоченных субъектов по отношению к одному общему контрагенту может быть различным и зависеть от индивидуальной правоспособности лица. Так, например, в корпоративных отношениях характер и объем информации об обществе, с которой может ознакомиться участник, зависит от количества принадлежащей ему доли в уставном капитале.

Серьезной проблемой для Российской Федерации является отсутствие выработанного механизма согласования интересов участников товарного оборота. Учеными отмечается прослеживающаяся в законодательном процессе тенденция принятия во внимание интересов какого-либо одного

¹ Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 184.

² См.: Грабко О.В. Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля. С. 60–68.

субъекта (или государства, или производителя, или предпринимателя, или потребителя)¹.

По мнению Ю.В. Романца, когда один из участников правоотношения экономически сильнее или юридически грамотнее другого, он может недобросовестно воспользоваться этим и диктовать свою волю последнему². При таком положении не может быть и речи о равенстве участников, а гражданское правоотношение теряет свою ценность. Задача гражданского права заключается в «выравнивании» участников имущественного оборота. В силу данного обстоятельства более слабая в правоотношении сторона должна располагать дополнительными средствами защиты ее законных интересов. Однако справедливость подобного обоснования предоставления участнику договора возможности осуществлять контроль вызывает некоторые сомнения.

Определяя признаки слабой стороны в договоре, А.В. Улянов отмечает, что принимать в расчет только экономическое положение участников обязательства не верно. Учитывая, что при конструировании договорных моделей законодатель предоставляет контрагентам различный объем прав, обязанностей и ответственности, автор полагает, что слабость является скорее характеристикой юридического положения субъекта гражданского правоотношения³. Такой подход представляется практически верным и применимым к обоснованию необходимости наделения субъекта гражданского правоотношения контрольными правомочиями.

Предположим, что законодатель и правоприменитель исходят из необходимости предоставления экономически слабому участнику обязательства дополнительных правовых средств защиты его законных интересов. Конституционный суд Российской Федерации в своей практике

¹ *Примак Т.К., Зайцев О.В.* Принцип диспозитивности как основа развития экономических отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2014. № 3. С. 128.

² *Романец Ю.В.* Принцип справедливого равенства субъектов правоотношения между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 47.

³ *Улянов А.В.* Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 115.

признавал слабой, экономически зависимой стороной потребителя¹, гражданина-вкладчика², гражданина в правоотношениях с субъектами публичной власти³, работника⁴. Однако в некоторых договорных правоотношениях контрольными полномочиями наделены сразу обе стороны. Так, в момент передачи имущества по договору аренды недвижимости арендатор имеет возможность проверить состояние помещения, исправность работы имущества, его соответствие указанному в договоре назначению. Выявленные недостатки отражаются в документе, подтверждающем передачу недвижимого имущества. В ходе дальнейшего развития правоотношения арендодатель вправе контролировать использование арендатором помещения в соответствии с условиями договора и назначением, поддержание имущества в исправном состоянии.

Экономическое положение сторон остается прежним и после передачи арендуемого имущества, однако закон предусматривает дифференциацию. Арендатор уполномочен на осуществление предварительного контроля, а арендодатель – текущего. Можно заключить, что законодатель предоставляет дополнительные гарантии соблюдения законных интересов участникам аренды в зависимости от стадии развития обязательства. *Это объясняется тем, что на различных этапах правоотношения у контрагентов разный объем прав, обязанностей и ответственности. Риски, связанные с недостижением основной цели договора, распределяются между сторонами неравномерно. Таким образом, предоставление участнику гражданско-правового отношения возможности осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов напрямую коррелирует*

¹ *Определение* КС РФ от 24 сентября 2013 г. № 1254-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение* КС РФ от 20 марта 2014 № 608-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* КС РФ от 23 февраля 1999 г. № 4-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Определение* КС РФ от 18 сентября 2014 г. № 1817-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Определение* КС РФ от 29 мая 2014 г. № 1093-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Определение* КС РФ от 17 февраля 2015 г. № 237-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с юридическим положением субъекта, определяемым природой обязательства.

Представляется, что необходимость наделения управомоченного лица контрольными полномочиями связана с целью обязательства, на достижение которой и направлено заключение договора. Так, Р.О. Халфина полагает, что «права и обязанности, принимаемые на себя каждой из сторон, как правило, различны, но они должны быть взаимно согласованы, должны в своей совокупности дать единый правовой результат»¹.

При этом стоит особо отметить, что гражданско-правовой контроль осуществляется в интересах как контролирующего лица, так и подконтрольного лица. Так, Э.А. Гурова отмечает, что обязанность контролирующей стороны проверить соответствие исполненного условия сделки – обязанность по договору поставки осмотреть передаваемый товар (п. 1 ст. 515 ГК РФ), проверить количество и качество принятого товара и его соответствие сведениям, указанным в транспортных и сопроводительных документах (п. 2, 3 ст. 513 ГК РФ), обязанность комитента по осмотру имущества, приобретенного для него комиссионером (ст. 1000 ГК РФ) – имеет своей целью оказание помощи контрагенту в скорейшем и надлежащем исполнении обязательства².

Наделяя участника обязательственного отношения контрольными полномочиями, законодатель «уравновешивает» возможности сторон для реализации их законных интересов. Таким образом обеспечивается баланс интересов, обоюдное достижение цели договора.

5. Принцип соразмерности и экономической целесообразности контроля означает, что управомоченный субъект должен рационально и экономично действовать в рамках правоотношения, учитывая интересы контрагента.

¹ Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1952. С. 50.

² См.: Гурова Э.А. Проявление кредиторских обязанностей в различных договорных обязательствах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 35–38.

Действительно, с одной стороны, экономичность реализации управомоченным лицом контрольных правомочий является целиком и полностью его частным интересом. С другой стороны, экономичность или неэкономичность контроля напрямую может отражаться и на интересе контрагента. Это может иметь место в случае, если от потенциального контрагента при верификации требуется предоставить подтверждающую целесообразность вступления в правоотношение справку (отчет), оформляющую результаты дорогостоящего предварительного исследования. Например, когда страховщики требуют от страхователя пройти генетическое тестирование, направленное на поиск мутаций, способных вызвать определенные заболевания. Причем предоставление результатов указанных тестов страховым организациям таит в себе угрозу отказа в заключении договора личного страхования либо завышения суммы страхового взноса на основании данных о потенциальной склонности к тому или иному заболеванию.

Данный принцип выражает необходимость осуществления надлежащего контроля при оптимальных затратах ресурсов (имущественных потерь, времени, репутационных убытков). Оптимальность следует понимать в смысле не столько снижения затрат на проведение верификационных мероприятий, сколько возможности принятия по их результатам наиболее эффективных решений. Целесообразность рассматривается с точки зрения рационального соотношения трудоемкости и стоимости того или иного вида проверки, увеличения достоверности и практической пользы получаемых результатов.

Любые гражданско-правовые отношения (пожалуй, за исключением деликтных) основаны на связанности контрагентов, доверии. В силу своей правовой природы гражданско-правовой контроль также основан на доверии к контрагенту, добросовестность и разумность которого предполагается. Как справедливо отмечается в литературе, «контроль доверяющих и недоверяющих – явления, схожие лишь формой, но не содержанием,

не сутью. Контроль, основанный на доверии, дозирован, устремлен к максимальной исходной формализации своих форм, критериев»¹.

Установление контроля не должно влечь необоснованные расходы или убытки как у самого контролирующего лица, так и, в первую очередь, у контролируемого. Наличие у одного из контрагентов контрольных правомочий не должно вторгаться в сферу экономической безопасности подконтрольного субъекта. Контрольные меры как средство самоорганизации должны служить средством экономической стабильности, обеспечивая баланс интересов участников гражданских отношений.

б. Принцип защиты прав третьих лиц. Степень контроля зависит от характера правоотношения (возмездности, направленности), в котором он устанавливается. При этом в тех отношениях, которые связаны с повышенными рисками для третьей стороны, законодатель считает необходимым вмешиваться в организацию контроля, устанавливая нормативные требования к качеству товара, процедуре верификации, порядку и срокам заявления претензий.

Еще раз стоит обратить внимание на то, что выделенные принципы осуществления участником гражданско-правового отношения контроля за соблюдением его законных интересов не могут претендовать на закрепление в законодательстве в виде принципов-норм. Подобные базовые положения в юридической литературе поименованы как принципы-идеи, квазипринципы, которые не будучи изначально закреплены в ч. 1 ст. 1 ГК РФ в качестве основных начал гражданского законодательства, функционально им соответствуют, являются продолжением основных начал гражданского законодательства по сфере своего действия².

В рамках осуществления гражданских прав принципы играют первостепенную, фундаментальную роль, выполняя регулятивную функцию и формируя общую направленность поведения лица. Вместе с тем всякое

¹ Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. С. 173.

² Рыженков А.Я. Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М., 2015. С. 14.

поведение управомоченного субъекта должно иметь четко определенные границы, предоставляя равные возможности сторонам при осуществлении ими гражданских прав. При отсутствии таковых право превращается в свою противоположность – в произвол, и тем самым вообще перестает быть правом¹.

Законодатель, предоставляя участнику гражданского правоотношения конкретную юридическую возможность, определяет и пределы ее реализации, устанавливая их в правовых нормах с целью формирования установки для направления деятельности в общественно-полезное русло.

подавляющее большинство норм в структуре гражданского права имеют предоставительно-обязывающий или управомачивающий характер. Однако свобода осуществления юридических возможностей, предоставленных субъектам гражданского права, не может быть безграничной. Преобладание дозволений для участников гражданского оборота уравнивается установлением в законодательстве ряда запретов с целью определения рамок законности их поведения. С.С. Алексеев отмечал, что запреты выражаются «в юридических обязанностях пассивного содержания, то есть в обязанностях воздержаться от совершения действий известного рода...»².

В доктрине гражданского права не сформировалось единое мнение относительно вопроса пределов осуществления гражданских прав. В научной литературе можно встретить точку зрения, что понятия «принцип права» и «предел осуществления права» тождественны, т.е. предположительно и те и другие универсальны и фундаментальны³. Вместе с тем также обозначена позиция, согласно которой недопустимо смешивать эти понятия. Авторы в качестве аргумента приводят следующий довод: отождествление пределов с

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 22.

² Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 54.

³ См.: Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2001. С. 89.

принципами права открывает простор для формулирования генеральных идей на основе любой правовой нормы, что не допустимо¹.

К справедливому выводу, на наш взгляд, приходит Т.В. Дерюгина, заключая, что общее сходство принципов и пределов в том, что и те и другие в разной мере оказывают влияние на формирование модели поведения. Однако принципы формируют общую направленность такого поведения, а пределы устанавливают конкретную модель поведения управомоченного субъекта. Нормы, содержащие пределы права, более конкретны по своему содержанию. При этом и те и другие стимулируют правомерное поведение управомоченного лица².

Среди авторов, рассматривающих проблему пределов осуществления права, можно выделить тех, кто ограничивает систему пределов целью права. По мнению О.С. Иоффе: «...под пределами осуществления гражданских прав нужно понимать пределы, вытекающие из их целевого назначения»³. Аналогичную точку зрения высказывала М.В. Самойлова⁴. С.Н. Братусь отмечал, что пределы осуществления любого права всегда являются отчасти политически мотивированными⁵, что, как ни печально, подтверждает и современная история.

В научной литературе под пределами прав понимают границы признаваемой и защищаемой законом свободы деятельности субъектов⁶. При этом выделяют пределы содержания права и пределы осуществления права. Авторы по-разному соотносят эти категории. Одни ученые разделяют данные понятия⁷, другие считают, что границы субъективного гражданского права

¹ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом (монография). М.2007. С. 41–42.

² Дерюгина Т.В. Принципы и пределы осуществления гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий. С. 20.

³ Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. С. 311.

⁴ Самойлова М.В. Осуществление права личной собственности граждан СССР // Вопросы гражданского права и процесса. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 37.

⁵ См.: Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.

⁶ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 72.

⁷ Братусь С.Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав. С. 33; Грибанов В.П. Пределы защиты и осуществления гражданских прав. С. 44–45.

одновременно являются и пределами его осуществления¹. На сложность разграничения пределов права и пределов осуществления права обратил внимание С.Т. Максименко: «На деле очень трудно определить, что является пределами самого права, а что – ставит границы его осуществлению»². Однако поскольку данный вопрос является предметом отдельного научного интереса, мы остановимся на общих представлениях о *пределах как неких границах, установленных для реализации правомочия, являющихся сдерживающими стимулами в общественном поведении субъектов гражданских правоотношений*.

Независимо от юридико-технического способа оформления контрольных возможностей («право» или «обязанность»), наличие контрольных правоотношений между контрагентами предусматривает для каждого из них некие рамки, выступающие ориентиром правомерного поведения при реализации юридических возможностей. Действие может считаться правомерным, если оно не выходит за пределы, установленные управомочивающей нормой, определяющей исходный объем субъективного права, так и совокупностью обязывающих и запрещающих правовых норм, ограничивающих это право.

Пределы как границы осуществления права требуют своего обозначения. Условно можно считать, что установление пределов осуществления права – это также установление способов осуществления. Как правило, законодатель идет по пути закрепления запрета для субъекта права совершать определенные действия. Таким образом, пределы показывают, что нельзя делать, обозначают границы деятельности лица по реализации предоставленной юридической возможности.

1. Говоря о пределах осуществления контроля, в первую очередь следует сказать о ***запрете злоупотреблять контрольными правомочиями***.

¹ Емельянов В. Запрет злоупотребления гражданскими правами // Законность. 1999. № 10. С. 54; Емельянов В.И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 56; Пашин В.М. Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. О.Ю. Шиловцова. М., 2003. Вып. 7. С. 42.

² Гражданское право России: Учебник / Под ред. З.И. Цыбуленко. М., 2000. Ч. 1. С. 247.

Наделяя участника гражданского правоотношения контрольными полномочиями, законодатель предоставляет ему значительную свободу поведения, обеспечивающую превращение возможности в действительность. При наличии определенных гарантий осуществления контроля, должна также обеспечиваться защита законных интересов контрагента, которые могут быть затронуты при реализации юридических возможностей управомоченным лицом.

Однако на вопрос, где проходят границы между правомерной реализацией субъективного права, заведомо недобросовестным осуществлением гражданских прав и противоправным поведением лица, сам законодатель ответа не дает.

В юридической науке категория «злоупотребление правом» является дискуссионной. Некоторые авторы, в том числе противники теории злоупотребления, придерживаются мнения, что осуществление права не может быть противоправным, а следовательно и злоупотреблением. Подобные действия, называемые злоупотреблением, они связывают с выходом лица за границу своего права, отождествляя их с противоправными¹.

В.И. Емельянов определяет злоупотребление гражданским правом как «нарушение управомоченным лицом установленной законом или договором обязанности осуществлять субъективное гражданское право в интересах другого лица в непредвидимых условиях»².

А.П. Белов как злоупотребление правом рассматривает все действия, выходящие за пределы гражданского права³. М.М. Агарков сводит их к поведению с исключительной целью причинить вред другому лицу⁴. Другие

¹ *Малеин Н.С.* Закон, ответственность и злоупотребление правом // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 29–30.

² *Емельянов В.И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. С. 56.

³ *Белов А.П.* Злоупотребление правом во внешнеэкономической деятельности // Право и экономика. 2000. № 3. С. 56.

⁴ *Агарков М.М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 6. С. 436.

авторы нередко сводят проблемы пределов осуществления гражданских прав к проблеме осуществления права в соответствии с его назначением¹.

В.П. Грибанов отмечал, что «о злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права»².

В той или иной мере признавая теоретическую обоснованность приведенных подходов к пониманию сущности злоупотребления правом, необходимо отметить их невысокую практическую функциональность. Законодательно невозможно описать все способы злоупотребления правом. Участники правоотношения активно использовали, используют и будут использовать пробелы в гражданском законе, недостатки легальных дефиниций, противоречия правовых норм, преследуя собственные цели, не совпадающие с целями контрагентов и третьих лиц.

Что касается гражданско-правового контроля, то следуя его саморегулирующей природе, законодатель не устанавливает в нормативных правовых актах внятного образца поведения сторон правоотношения при осуществлении проверки, которому было бы необходимо следовать. *Реакцией цивилизованного общества, не могущего жестко зафиксировать границы между реализацией субъективного права и правонарушением, является установление «буферной» зоны путем введения категории «злоупотребление правом». Однако ее использование создает значительный простор для правовой интерпретации происходящего, увеличивает роль судебного усмотрения.*

Необходимо понимать, что злоупотребление правом связано не с содержанием субъективного права, а в первую очередь, с процессом

¹ Кабанова И.Е. Злоупотребление правом на получение информации // Гражданское право. 2013. № 2. С. 24.

² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2001. С. 46.

его реализации. Когда действия лица не соотносятся с принадлежащим ему правом, о злоупотреблении говорить не приходится.

О злоупотреблении речь может идти тогда, когда управомоченное лицо, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые данное право составляют, использует недобросовестные и неразумные формы его реализации, чем причиняет или может причинить определенный вред как контрагенту, так и обществу в целом. Это и будет злоупотребление правом, о котором идет речь в ст. 10 ГК РФ.

Задача современного исследователя, занимающегося проблемами злоупотребления правом, заключается в очерчивании контура «буферной зоны» с учетом происходящих изменений в обществе и общественном сознании, уровня развития техники и информационных технологий. Конечно, на основании проводимых научных разработок полностью исключить случаи злоупотребления – невозможно, но свести их к минимуму – посильная задача, стоящая перед цивилистикой.

2. Запрет вмешательства в хозяйственную деятельность контролируемого лица следует из принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и тесно связан с основополагающим принципом равенства участников гражданско-правовых отношений. Данный предел осуществления контроля в гражданском праве наглядно отличает его от контроля в публичных отношениях, где одна сторона находится во властном подчинении у другой, а воля подконтрольного лица формируется другим субъектом.

При осуществлении контроля управомоченному лицу надлежит правильно определять границы реализации своего правомочия, чтобы, с одной стороны, не оставить без реагирования выявленные недостатки, а с другой – не вмешиваться в хозяйственную деятельность контрагента и не подменять органы управления, хозяйственных руководителей и т.п.

Сложность возникает по причине того, что в гражданском законодательстве, доктрине и правоприменительной практике отсутствует единое понимание таких терминологических единиц, как «чужая самостоятельность», «хозяйственная деятельность»¹, в связи с чем бывает затруднительно определить грань между хозяйственной самостоятельной деятельностью и деятельностью, составляющей предмет контроля.

Исследования в области интерпретации права и его интерполяции, под которой понимается «умышленное или неосторожное искажение, подмена изначальных смыслов изданных юридических норм, а также формирование незапланированных законодателем правовых последствий, которые происходят в процессе реализации и действия права»², не теряют свою актуальность. Иллюстрируя значительную по своим масштабам и глубине интерполяцию права, являющуюся наблюдаемым фактом действительности, В.А. Болдырев ставит вопрос о границах предпринимательской деятельности и целях указания основного и дополнительных видов экономической деятельности в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД)³ в публичном реестре (ЕГРИП, ЕГРЮЛ)⁴. Так, возможность продолжения осуществления разрешенной экономической деятельности в период борьбы с новой коронавирусной инфекцией (COVID-19) оказалась тесно связана с использованием властями данных официальных классификаторов и публичных реестров, а также

¹ См.: *Салтыков К.Г.* Интерпретация термина «хозяйственная деятельность» в российском законодательстве и правоприменительной практике // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2015. № 12. С. 80–87; *Черепанов М.М., Пугачев А.В.* Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // *Прокурорский надзор*. 2017. № 1. С. 92; *Грабко О.В.* Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2018. № 3. С. 45.

² *Головкин Р.Б.* Интерполяция смыслов юридических норм в процессе правового регулирования // *Правовая наука в XXI веке: Международный сборник научных трудов*. Выпуск 4. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владимирский филиал / отв. ред. Д.А. Зыков. Владимир, 2014. С. 13.

³ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: *Болдырев В.А.* Ограничения свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2020. № 9. С. 62–74.

самостоятельной интерпретацией административными органами указанных сведений.

В связи с указанными обстоятельствами В.А. Болдырев подчеркивает важность и высокую актуальность обеспечения достоверности и «информативности» публичных реестров для решения задач в информационном обществе¹. Отмечая оправданность отступления от формальностей и ориентацию на фактическое положение дел чрезвычайным характером имевших место обстоятельств, автор делает справедливый вывод, что на длительной дистанции результатом принятых государством правовых мер (практика ведения квазиреестров работающих предпринимателей) для ограничения свободы экономической деятельности с целью борьбы с эпидемией могут стать сложности статистического наблюдения. Предпринимательское сообщество фактически стимулирует к заявлению необоснованно длинного списка видов осуществляемой деятельности, к декларированию в качестве основного вида деятельности – активности, могущей считаться ценной для общества в любое время, в том числе в период социальных либо природных катаклизмов. Алгоритмизация, систематизация и компьютеризация неизбежно подталкивают к вопросу о том, что делать можно, а чего делать нельзя. Вместе с тем чрезмерное увлечение инструментарием статистического наблюдения и контроля для целей управления экономическими процессами представляет определенную опасность.

Пункт 1 ст. 715 ГК РФ предусматривает общий запрет на вмешательство в деятельность подрядчика. Наряду с этим в п. 1 ст. 748 этого же закона законодатель вводит новое производное, устанавливая запрет на вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Позиция законодателя, использующего разную терминологию, является несколько непонятной и оставляет широкий простор для усмотрения

¹ См.: Болдырев В.А. Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 10. С. 52–60.

как ученым, так и правоприменителю. На наш взгляд, законодатель использовал данное уточнение без какой-либо юридической подоплеки, поскольку далее в тексте нормы отсутствуют какие-либо уточнения особенностей такого вида деятельности. По справедливому замечанию Р.Б. Куличева, такое уточнение не влечет правовых различий в видах деятельности подрядчика¹. Вместе с тем полагаем для большей ясности законодателю необходимо придерживаться однообразной терминологии.

Слово «хозяйственный» имеет следующее значение: относящийся к ведению хозяйства, к экономической, производной стороне дела². То есть с точки зрения логического толкования запрет вмешательства в хозяйственную деятельность подконтрольного субъекта означает запрет выполнять действия, относящиеся к управлению организацией, ведению хозяйства или текущей, эффективной экономической деятельности контрагента (т.е. вместо этого управомоченного лица), не предусмотренные в качестве правового средства контроля. Аналогичный подход законодателя наблюдаем при установлении общего правила размежевания функций публичной власти с хозяйственной деятельностью³. Вместе с тем в юридической литературе отмечается, что на практике встречаются случаи передачи хозяйствующим субъектам самых различных функций публичной власти, в том числе контрольных и надзорных, и даже создание для этого специальных субъектов⁴. Причем правоприменительную практику по применению нормы антимонопольного законодательства о запрете выполнения хозяйствующими субъектами функций публичной власти нельзя назвать однозначной и системной⁵.

¹ *Куличев Р.Б.* Контроль в сфере подрядных работ для государственных нужд (виды, порядок и особенности осуществления) // *Право и экономика.* 2014. № 5. С. 19–24.

² *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 866.

³ *Часть 3 статьи 15* Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // *Собрание законодательства РФ.* 2006. № 31. Ст. 3434.

⁴ *Болдырев В.А.* Хозяйствующие субъекты и функции публичной власти // *Право и экономика.* 2010. № 3. С. 13.

⁵ *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 24 марта 2009 г. № Ф04-1611/2009 (2703-А70-31) по делу № А70-4042/32-2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 05 марта 2009 г. № А58-4897/08-Ф02-656/09 по делу № А58-4897/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Исходя из назначения и природы гражданско-правового контроля, управомоченное на осуществление верификации лицо не вправе принимать какие-либо самостоятельные меры, направленные на прямое устранение обнаруженных отклонений. Суть проверочной деятельности, в первую очередь, заключается в превентивном выявлении возможных недостатков и факторов, препятствующих достижению цели правоотношения. На основании полученной информации управомоченное лицо имеет возможность требовать от контрагента устранения обнаруженных отклонений или принять юридически значимое решение (например, об одностороннем отказе от исполнения обязательства).

Пределом влияния управомоченного лица будет указание в фиксирующем факт верификации документе результатов проверки, требования устранить выявленные недостатки для достижения обозначенного в договоре или желаемого субъектом результата правоотношения. Определение порядка действий контролируемого лица, самих действий, совершение которых, по мнению управомоченного субъекта, необходимо, выходит за рамки гражданско-правового контроля и должно признаваться произвольным вмешательством в хозяйственную деятельность контрагента. Лицо, осуществляющее гражданско-правовой контроль, не уполномочено совершать действия, относящиеся к хозяйственной деятельности контролируемых лиц вместо них.

Внесение указаний по фактам, не носящим характера отклонений от заранее оговоренных или установленных условий сделки, препятствующих достижению цели правоотношения, необходимо также рассматривать как нарушение рассматриваемого предела осуществления гражданско-правового контроля.

Отсутствие формулировки данного предела может явиться серьезной проблемой и привести к тому, что на практике возникнет мнение о допустимости такого рода вмешательства при реализации контрольных

правомочиях, что способно вызвать негативные последствия и подменить метод правового регулирования гражданско-правовых отношений.

Действие данного правового предела осуществления контроля может быть ограничено установлением различных преимущественных прав, обусловленных необходимостью обеспечения здоровья, прав и свобод неограниченного числа третьих лиц, безопасности населения и государства. Речь в таком случае не будет идти о произвольном вмешательстве, поскольку данные изъятия будут предусмотрены законом с целью сбалансированности частных и публичных интересов.

Можно выделить два аспекта запрета вмешиваться в хозяйственную деятельность контролируемого лица: материальный и процессуальный.

Во-первых, проверка в рамках правоотношения может быть направлена как на установление соблюдения интересов управомоченного лица, так и на определение соответствия фактического поведения контрагента идеальному, предусмотренному законом или договором (материальная составляющая). Например, при осуществлении гражданско-правового контроля при даче согласия на совершение сделки или иного юридически значимого действия, согласия на вмешательство в сферу материальных благ контролирующее лицо не столько проверяет соответствие такого действия требованиям закона, сколько соответствие своим собственным интересам.

В цивилистической доктрине имеет место представление о «праве контроля», под которым понимается возможность односторонним волеизъявлением разрешить или запретить лицу совершить определенное юридическое действие (как правило, совершить сделку), как о самостоятельном секундарном праве¹. Среди прочих особенностей таких прав выделяют принудительное правовое последствие, обязанность претерпевания которого установлена для другого лица². Мы уже отмечали

¹ См., например: *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 92.

² *Кравченко А.А.* Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

ранее в работе, что такой контроль (в значении доминации) связан с управлением, проявлением власти одного субъекта гражданского правоотношения над другим и не рассматривается нами в данном исследовании. Принятие управомоченным лицом решения о согласии на совершении сделки в приведенном нами примере осуществляется по результатам проверочной деятельности и лежит уже за рамками собственно осуществления контроля (в значении верификации). В связи с используемыми в праве многозначными понятиями еще раз подчеркнем важность того, чтобы специалисты имели четкое представление, о чем идет речь в конкретном случае.

О.В. Грабко отмечает, что контроль заказчиком дополнительных вопросов, кроме тех, которые перечислены в законе или договоре строительного подряда, может быть квалифицирован как вмешательство в самостоятельную деятельность подрядчика¹.

Согласно п. 3 ст. 845 ГК РФ банк не вправе определять и контролировать направление использования денежных средств клиента. В юридической литературе справедливо отмечается, что «кредитные организации не состоят в отношениях подчиненности со своими клиентами и не вправе вмешиваться в их оперативную или административно-хозяйственную деятельность»².

Появление этой нормы в ГК РФ, которая впервые была установлена в гражданском праве на законодательном уровне Основами гражданского законодательства Союза ССР, обусловлено тем, что ранее действовавшее законодательство наделяло Госбанк СССР и другие банки контрольными функциями довольно широкого спектра, чем государственные банки активно пользовались, зачастую вмешиваясь в хозяйственную деятельность организаций. В условиях тотальной государственной собственности в народном хозяйстве такое положение дел не было удивительным, ибо государство являлось как бы собственником как имущества организаций,

¹ Грабко О.В. Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда. С. 45.

² Гейвандов Я.А. Основы правового регулирования банковской системы в Российской Федерации // Государство и право. 1997. № 6. С. 88.

так и банка. Произошедшие изменения в политике и экономике в корне изменили существующую ранее ситуацию, так что банки и их клиенты стали равноправными партнерами в гражданском обороте и не находятся в подчинении друг друга¹.

Аналогично в корпоративных отношениях установлены ограничения доступа к документам, отражающим финансово-хозяйственную деятельность общества, в зависимости от объема корпоративных прав, т.е. принадлежащих участнику акций (доли в уставном капитале).

Во-вторых, субъектом контроля должен быть соблюден предусмотренный порядок самой верификации и разрешения спорной ситуации, т.е. могут использоваться только легальные средства контроля (процессуальная составляющая). Применение уполномоченным лицом неоговоренного в законе или договоре средства реагирования может быть рассмотрено как вмешательство в хозяйственную деятельность контролируемого субъекта.

Так, помимо соответствия установленному «имущественному цензу» для получения сведений об акционерном обществе, предусмотренных п. 2 ст. 91 Закона об акционерных обществах, в требовании о ее предоставлении участник хозяйственного общества должен определять предмет своего требования, конкретизировав перечень и виды запрашиваемой информации или документов², и указать деловую цель, в соответствии с которой он запрашивает информацию ([п. 4 ст. 91](#)). Таким образом, акционер должен предварительно обосновать свой информационный интерес перед обществом, в противном случае в контроле ему может быть отказано.

При наличии оснований только определенное лицо может заявить претензии контрагенту по результатам проверки. Пункт 7 ст. 49 Закона

¹ Сарбаши С.В. Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебной практики. М. 1999. С. 50–51.

² Пункт 4 *Информационного письма* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.01.2011 № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

об акционерных обществах предусматривает возможность участника корпорации обжаловать принятое общим собранием акционеров решение в судебном порядке, если он не принимал участие в общем собрании акционеров или голосовал против принятия такого решения.

3. В качестве временного предела¹ можно выделить *разумный срок осуществления контроля*. Данный предел относится как к непосредственно верификации, так и к заявлению претензий по результатам проверки.

По мнению профессора Е.А. Суханова, «осуществление субъективных прав имеет временные границы. Законодательством устанавливаются сроки, в течение которых может быть осуществлено или защищено то или иное право»². Представляется, что такой подход разумен и обоснован. В противном случае возможность участника правоотношения осуществлять проверку, заявлять претензии по поводу явных недостатков спустя неограниченное время после исполнения обязательства создавала бы чрезмерно длительную ситуацию правовой неопределенности как для контрагента, так и для самого управомоченного лица.

Общие нормы о купле-продаже подразумевают, что покупатель обязан известить продавца о нарушении условий договора купли-продажи о товаре в срок, предусмотренный законом, иными правовыми актами или договором, а если такой срок не установлен, *в разумный срок* после того, как нарушение должно было быть обнаружено (п. 1 ст. 483 ГК РФ).

Нормы о выборке товара также предусматривают *разумный срок* для осуществления верификации полученного товара покупателем, если такой срок не был предусмотрен договором поставки (п. 2 ст. 510 ГК РФ).

Если покупатель в разумный срок не уведомляет продавца о недостатках переданного товара и не заявляет требования об их устранении, такой товар считается принятым и у покупателя возникает соответствующая обязанность его оплатить. Данный вывод подтверждается правоприменительной

¹ Дерюгина Т.В. К вопросу о соотношении понятий «пределы содержания права» и «пределы осуществления права» // Философия права. 2009. № 3. С. 20.

² См.: Суханов Е.А. Гражданское право. В 2 т. М., 2003. Т. 1. 527 с.

практикой. По делу установлено, что покупателем товар был принят в ином ассортименте, чем было оговорено в договоре купли-продажи. При этом получатель в разумный срок не заявил претензий и не сообщил о своем отказе от товара. Суд заключил, что товары считаются принятыми, в связи с чем покупатель обязан оплатить переданный товар в ином ассортименте¹.

Пользование товаром на протяжении длительного времени без направления претензий продавцу должно быть расценено в качестве подтверждения, что выявленные недостатки товара не препятствовали его нормальному использованию. Отказ покупателя оплачивать товар со ссылкой на определенные отклонения от условий договора в такой ситуации является недобросовестным поведением. Так, суд обоснованно не принял во внимание ссылки ответчика на неисполнение продавцом обязанности по передаче технической документации на трактор, поскольку покупатель, приняв спорное имущество без возражений и используя его на протяжении двух лет, каких-либо претензий по поводу отсутствия относящихся к транспортному средству документов, как того требуют правила ст. 464 ГК РФ, не заявлял².

Понятие разумного срока является оценочным, в связи с чем на практике возникают споры о признании того или иного временного периода разумным сроком. Используемая законодателем формулировка оставляет огромное пространство для судебного усмотрения, что мы и наблюдаем на практике.

Так правоприменитель пришел к выводу, что направление должнику сообщения о ненадлежащем качестве, переданного по договору купли-продажи сухого цельного молока спустя четыре месяца после его передачи, нельзя расценивать как уведомление продавца в разумный срок³. По другим делам суды признавали направленным в неразумный срок уведомление

¹ *Постановление* ФАС Московского округа от 23 января 2009 г. № КГ-А40/13137-08 по делу № А40-13325/08-96-81 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ФАС Дальневосточного округа от 21 февраля 2011 г. № Ф03-9859/2010 по делу № А73-3663/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ФАС Поволжского округа от 30 октября 2012 по делу № А57-7295/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

продавца о недостатках спустя полгода¹, год². ФАС Северо-Западного округа заключил, что нельзя считать направлением уведомления в разумный срок спустя двадцати дней после принятия товара³.

Представляется, что отсутствие законодательно определенного четкого срока для уведомления о выявленных недостатках товара порождает правовые неудобства для обеих сторон правоотношения. Покупатель рискует оказаться лишенным возможности требовать удовлетворить его претензии по поводу ненадлежащего качества переданного товара. Продавец находится длительное время в состоянии неопределенности, когда покупатель может заявить об одностороннем отказе от договора в связи с обнаруженными недостатками.

Арбитражный суд Центрального округа постановил, если договором поставки не определен срок выборки товара, то в качестве разумного согласно положениям п. 2 ст. 314 ГК РФ должен быть признан семидневный срок исполнения обязанности принять товар, в том числе осуществить верификацию⁴. Аналогичные выводы относительно срока исполнения обязательства в отсутствие договорной согласованности данного вопроса изложены в иных судебных решениях⁵. Полагаем данная правоприменительная позиция может быть взята за основу при решении вопроса о разумности срока контроля в обязательственных правоотношениях.

Указание Банка России от 28 июня 2019 г. № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» содержит положение, касающееся процедуры получения информации о деятельности корпорации, согласно

¹ *Постановление* ФАС Уральского округа от 11 сентября 2007 № Ф09-7346/07-С5 по делу № А71-233/2005-Г29 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 05.07.2011 по делу № А56-36714/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 29.09.2010 по делу № А56-93491/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 06 декабря 2016 г. № Ф10-4539,16 по делу № А23-6748/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Решение* Арбитражного суда города Москвы от 02 февраля 2021 г. № А40-123231/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

которому «ознакомление правомочного лица с документами общества осуществляется *в рабочее время, установленное в обществе*»¹.

Выступая в качестве фундаментальных начал, выявленные специальные принципы и пределы пронизывают все нормы, регулирующие отношения по поводу реализации контрольных правомочий участника гражданского оборота за соблюдением его законных интересов. Они характеризуют сущностные особенности контроля, те специфические черты, которые ему свойственны, наиболее явно отграничивая частноправовой контроль от контроля в публичном праве.

Установленная система принципов и пределов осуществления контроля позволит выявить пробелы в правовом регулировании проверочной деятельности в корпоративных и обязательственных отношениях, используя аналогию права выработать предложения по законодательному реформированию, дать практические рекомендации для обеих сторон правоотношения при осуществлении контроля.

¹ Пункт 22 Указания Банка России от 28 июня 2019 г. № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Банка России. 2019. № 55.

ГЛАВА 2. КОНТРОЛЬНЫЕ ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

§ 1. Непосредственный контроль участников юридических лиц

В связи с участием в корпорации ее участники приобретают корпоративные права и обязанности в отношении создаваемого ими юридического лица, в том числе возможность осуществлять текущий контроль за соблюдением своих интересов.

В корпоративном праве контроль традиционно признается неотъемлемой частью корпоративного управления¹. Давая определение корпоративному контролю, ряд авторов, на наш взгляд, отождествляет его с управлением². Так И.С. Шиткина считает, что «контролировать деятельность корпорации — значит иметь возможность определять ее стратегию, политику, выбор долгосрочных целей и программ, иметь решающее влияние³. В указанных случаях контролирующее лицо не проверяет поведение контролируемого лица (контрагента) на предмет соответствия его фактического воплощения требуемому, а осуществляет экономическую власть над ним.

Такой подход исходит из представления о том, что право на контроль производно от обладания акциями (долями в уставном капитале), т.е. собственно участия в коммерческой организации. Чем больше у участника акций (чем большей долей в уставном капитале он владеет), тем больше возможностей в осуществлении корпоративного контроля он имеет. В случае утраты лицом акций помимо своей воли применяется «восстановление корпоративного контроля»⁴. Данный способ защиты предполагает восстановление у акционера или участника общества с ограниченной

1 См., например: *Симонов А.Г.* Указ. соч. С. 192.

2 *Андреев В.Д., Черемцанов С.В.* Указ. соч. С. 7–10; *Кирилловых А.А.* Указ. соч. С. 19.

3 *Шиткина И.С.* Указ. соч. С. 339.

4 *Постановления Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 года № 1176/08, от 10 июня 2008 года № 5539/08* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ответственностью такого же участия, которое было у него до нарушения субъективного права¹. Из этого следует, что принадлежность определенной части уставного капитала (акции, доли) соответствует определенной части корпоративного контроля.

Г. Манн ввел термин «рынок корпоративного контроля», где акционеры продают право корпоративного контроля². Таким способом одна хозяйственная организация приобретает права управления ресурсами другой организации. Согласно праву Германии корпорации имеют возможность заключить организационное соглашение о доминации (*Beherrschungsvertrag, domination agreement*) и соглашение о передаче прибыли (*Gewinnabfuhrungsvertrag, profittransfer agreement*). Такой контракт о контроле должен быть одобрен на общем собрании зависимой компании не менее чем 75 % голосов. Причем контролирующее предприятие имеет возможность осуществить свои права голоса как акционера зависимой компании, даже если оно имеет мажоритарный интерес в ней. По такому соглашению о доминации контролирующая компания имеет право давать зависимой компании обязательные к исполнению указания, в том числе в ущерб интересам зависимого предприятия³.

Исходя из такого понимания природы корпоративного контроля в доктрине контролирующими лицами (участниками, должностными лицами, органами общества) наряду с аффилированными, признаются лица, определяющие поведение общества, т.е. осуществляющие управление корпорацией⁴. Как видится, именно в связи с таким же пониманием природы контроля в корпорациях налоговыми органами аффилированность и иная

1 Филиппова С.Ю. Восстановление корпоративного контроля; общий риск через общего контрагента // Хозяйство и право. 2013. № 4. С. 47–48.

2 Manne H.G. Mergers and the Market for Corporate Control // The Journal of Political Economy. 1965. № 2. P. 110. [Электронный ресурс] // URL: <http://are.berkeley.edu/~cmantinori/prclass/Manne.pdf>.

3 См. подробнее: Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран. М., 2010. С. 146–159.

4 См., например: Михалев К.А. Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 4, 8, 15–16; Тужилова-Орданская Е.М. Снятие корпоративной вуали: теория и практика // Власть закона. 2014. № 3. С. 72–81.

согласованность действий компаний-налогоплательщиков является главным аргументом для их объединения в один производственный комплекс для целей налогообложения, о чем делают вывод А.В. Волков и О.Е. Блинков, анализируя соответствующую правоприменительную практику¹. А.О. Иншакова, рассуждая о корпоративных конфликтах в обществах, противопоставляет контролирующих участников миноритарным².

Нормативное определение контролирующего лица, данное в ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³, свидетельствует об аналогичных взглядах законодателя на данный вопрос. Такой же подход наблюдается в праве зарубежных стран. Например, согласно § 19 (3) Акта об акционерных обществах 1965 г. Германии (Aktiengesetz, AktG), если каждая из взаимно участвующих компаний удерживает какой-либо мажоритарный интерес в другой компании или может осуществить, прямо или косвенно, контролирующее влияние на другую компанию, каждая из компаний понимается как контролирующая и зависимая компания⁴.

Признавая обоснованность и практическую целесообразность обозначенного подхода к пониманию корпоративного контроля, отметим, что термин «контроль» в таком контексте несет некую негативную окраску. Недаром «корпоративный контроль» и «контролирующие лица» употребляются в рамках рассмотрения вопросов о корпоративных конфликтах, зависимости юридических лиц или нарушении прав кредиторов хозяйственного общества. Осуществление контроля в корпорации у данных авторов ассоциируется с принятием или угрозой принятия контролирующими лицами юридически значимых решений, не учитывающих интересов миноритарных участников и кредиторов корпорации, с властным произволом.

1 Волков А.В., Блинков О.Е. Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 273–274.

2 Иншакова А.О. Субъективное корпоративное право на выплату дивиденда в законодательстве РФ и ЕС // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3. С. 39, 40.

3 Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17, ст. 1918.

4 *German Stock Corporation Act (Aktiengesetz)*. English translation as at September 18, 2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nortonrosefulbright.com/files/german-stock-corporation-act-109100.pdf>

Если рассматривать контроль в рамках обозначенной нами выше управленческой концепции, складывается впечатление, что возможность осуществлять контроль реально предоставлена только участникам корпорации, владеющим определенной частью уставного капитала (акцией, долей), которая позволяет принимать или влиять на принятие управленческих решений в обществе. При таком подходе термин «контроль» выступает в значении «доминации» одного субъекта гражданско-правового отношения над другим. Однако возможность осуществления контроля не предполагает в обязательном порядке управленческую деятельность. Например, получив информацию о финансово-хозяйственной деятельности общества, акционер может принять решение о продаже акций и соответственно прекращении статуса участника корпорации, если найдется тот, кто купит эти акции, что будет проявлением общей правоспособности лица, а не права на участие в управлении обществом.

Миноритарный акционер, если его мнение не совпадает с мнением большинства участников общего собрания акционеров по какому-либо вопросу, не способен повлиять на принятие управленческого решения. Вряд ли в таком случае его можно назвать контролирующим лицом. Однако, принимая участие в общем собрании акционеров, он имеет возможность контролировать сам процесс заседания, соответствие процедур голосования и подведения итогов регламенту, принятому в конкретном обществе. Ознакомление с мнением мажоритарных акционеров по тому или иному вопросу, позицией органов управления общества также является проявлением определенного контроля со стороны акционера. Таким образом, каждый участник корпорации является субъектом контроля в том или ином объеме.

Само по себе предоставление всем участникам корпорации контрольных правомочий не является реальной гарантией равных возможностей каждого акционера. Реальный правовой статус владельца акций зависит от аккумуляции определенного количества акций и соответственно

корпоративных прав, на что обращает внимание Г.Н. Шевченко¹. Возможность осуществлять контроль за деятельностью общества определяется величиной пакетов акций, принадлежащих каждому акционеру, умением миноритариев консолидировать свои усилия. Это не является нарушением прав меньшинства, поскольку действует принцип приоритета целей компании, которые определяются по большинству голосов ее участников.

Объем контрольного правомочия и, как следствие, возможная глубина верификационной активности в корпоративных отношениях напрямую коррелирует как с качественной (тип ценных бумаг), так и с количественной (число имеющихся у акционера акций) характеристикой субъективного корпоративного права. Такой подход разумен, поскольку участники корпорации объединяются в общество в первую очередь для достижения общей цели, а не собственных частных интересов.

Зависимость объема контрольного правомочия от количества и качества принадлежащих участнику акций (доли в уставном капитале) обеспечивает каждому члену корпорации возможность реализовывать свое право на информацию независимо от структуры управления, и одновременно предоставляет лицу, в чьих руках сосредоточен капитал, решающим образом определять судьбу корпорации. Представляется, что контрольное правомочие предоставляется участнику корпоративных отношений в том объеме, которое должно быть необходимым и достаточным для беспрепятственного осуществления субъектом своих прав и законных интересов.

Осуществляя непосредственный текущий контроль, акционер выступает как лицо внешнее, верифицируя соблюдение своих законных интересов. Таким образом, контроль будет внешним по отношению к непосредственной деятельности корпорации. Указанное обстоятельство связано с идеей

¹ Шевченко Г.Н. Акция как корпоративная ценная бумага // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 40.

противостояния сторон корпоративных отношений, что соотносится с этимологией слова «контроль»¹.

Одним из основных контрольных правомочий, вытекающих из особых правоотношений организации и ее участника, является юридическая возможность управомоченного лица в случаях и порядке, которые предусмотрены законом и учредительными документами, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией². Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»³ (далее – Закон об акционерных обществах) предусматривает такое право акционера. Указанному праву участника организации корреспондирует обязанность корпорации по раскрытию и представлению соответствующей информации, опосредуя взаимодействие между акционером и акционерным обществом.

Прежде чем перейти к более глубокому анализу права участника хозяйственного сообщества на информацию, стоит отметить, что в доктрине гражданского права отношения, обеспечивающие должное информирование контрагента, называют информационными⁴, иногда – организационно-информационными правоотношениями⁵. Можно встретить различные авторские точки зрения на понятие информационных правоотношений. Например, Т.Ш. Иззатов под указанными правоотношениями понимает целевое перераспределение информации между членами общества⁶. Автор

1 Свиридова М.Н. Указ. соч. С. 165.

2 *Статья 65.2* «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301); пункт 3 ст. 8 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 145); пункт 1 ст. 8 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 20, ст. 2321); пункт 1 ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7, ст. 785).

3 *Собрание* законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

4 См.: Кузнецова Н.Г. Преддоговорное информационное правоотношение, складывающееся при приобретении мобильных приложений // *Электронное приложение к российскому юридическому журналу*. 2018. № 4. С. 94–103.

5 См.: *Настин П.С.* Информация как объект организационно-информационных правоотношений в деятельности хозяйственных обществ // *Бизнес, менеджмент и право*. 2014. № 1. С. 100–104.

6 *Иззатов Т.Ш.* Механизм реализации конституционного права граждан на информацию в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 11.

акцентирует внимание на том, что при этом формы представления информации могут быть различными.

В качестве примера нетривиальных воззрений на вопрос предоставления информации в частных отношениях более подробно рассмотрим концепцию, изложенную В.А. Беловым. Определяя информационное правоотношение, ученый справедливо указывает, что информация в рамках такого взаимодействия участников товарного оборота предоставляется, дабы заинтересованный субъект мог определить свое дальнейшее поведение сообразно поступившим сведениям¹. Вместе с тем отмечается, что отношения информационного обеспечения могут воплощаться в иных, смежных с информационными правоотношениями гражданско-правовых формах. По мнению автора, наиболее распространенными среди таковых являются кредиторские обязанности, в рамках которых информация предоставляется должнику в обязательстве для обеспечения надлежащего исполнения, и информационные правомочия, как элементы корпоративной правоспособности.

Рассматривая право участника хозяйственного общества на информацию о деятельности последнего в соответствии с указанной концепцией, мы склонны не признавать в достаточной степени убедительной аргументацию автора при разграничении обычного информационного правоотношения, рассматриваемого автором применительно реализации потребительского правомочия, и взаимодействия по воплощению права на информацию, как элемента корпоративной правоспособности. Не до конца понятно, в чем В.А. Белов видит принципиальную особенность организационного взаимодействия внутри хозяйственного общества, отмечая, что всякий и каждый, даже самый пассивный член корпорации, вправе ожидать предоставления одинакового для всех минимального объема

¹ Белов В.А. Гражданское право в 4 т. Том IV в 2 кн. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Книга 2. Иные (не являющиеся обязательственными) гражданско-правовые формы: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 155–157.

информации о жизни общества (например, сообщение об общем собрании участников), что обеспечивается законопослушным поведением корпорации.

Анализируя изложенные В.А. Беловым взгляды, приходим к выводу, что все отличие сводится ученым к размерам системы, в рамках которой осуществляется реализация информационного правомочия: меньшей, ограниченной рамками корпорации, и большей – всего потребительского сообщества. Хотя автор указывает на то, что в информационном правоотношении ожидание информации является правом исключительно конкретного лица по поводу определенной информации. Ученый заключает: «Пожалуй, это лучшее доказательство того, что ожидание данным конкретным лицом известной индивидуальной информации принципиально не способно облекаться в ту же правовую форму, что и ожидание всяким и каждым информации, относящейся ко всем ним в одинаковой мере...»¹. При этом, как мы уже отмечали, в качестве яркого примера информационного правоотношения рассматривается реализация права ожидания информации потребительского назначения.

Используя логику рассуждений, примененную В.А. Беловым, заметим, что всякий и каждый потребитель, в том числе потенциальный, вправе ожидать, что законопослушным предпринимателем, предлагающим заключить публичный договор по поводу передачи товара, производства работы или оказания услуги неопределенному кругу лиц, перед ним будет раскрыта нормативно определенная единая информация (об изготовителе, назначении, условиях эксплуатации и т.д.). Впрочем, данные обстоятельства отмечаются и самим ученым². Тогда можно предположить, что право потребителя на информацию о товаре должно являться ничем иным как элементом общей гражданской правоспособности.

Мы же склонны рассматривать право участника хозяйственного общества в качестве контрольного правомочия, реализуемого в рамках

1 Белов В.А. Указ. соч. С. 158.

2 Белов В.А. Указ. соч. С. 158–162.

организационного взаимодействия между корпорацией и ее членом, выступающими при этом как условно противоположные стороны. Предоставление указанного права направлено на обеспечение, в первую очередь, личного, а не корпоративного интереса. В противном случае, было бы сложно объяснить, зачем ограничивать реализацию контрольного правомочия миноритарных акционеров, если любые их действия априори предполагать осуществляемыми в интересах общества.

Далее рассмотрим особенности осуществления текущего контроля управомоченным участником корпорации на примере акционерного общества.

По справедливому замечанию А.В. Габова, институт предоставления информации акционеру в самом общем виде является отражением идеи о праве участия акционера в управлении обществом¹. Право акционера на информацию напрямую связано с его правовым статусом и возникает по отношению к конкретной корпорации с момента приобретения соответствующих акций и утрачивается вместе с прекращением статуса участника общества.

Ценно замечание А.И. Хаснутдинова, рассуждающего о правовой природе составляющих содержание акции субъективных прав и отмечающего непоследовательность в определении момента возникновения отдельных субъективных прав у члена хозяйственного общества. «Иногда наличие или отсутствие права подменяется вопросом о возможности его реализации, – пишет автор. – Это, разумеется, правильно, но по этой причине нельзя отрицать наличие таких обязательственных прав в упомянутом комплексе, определяющем правовой статус акционера»².

Таким образом, контрольное правомочие акционера входит в состав субъективного корпоративного права лица (единого права членства), являясь дополнительной юридической возможностью. Прекращение субъективного

1 *Габов А.В.* Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру // *Правоприменение.* 2020. Т. 4. № 3. С. 106.

2 *Хаснутдинов А.И.* Ценные бумаги (правовой аспект): учебное пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. С. 32–33.

права (прекращение членства в организации) влечет прекращение и входящего в его структуру контрольного правомочия.

Вопрос о природе права на информацию является дискуссионным и широко обсуждается в научной литературе. Исследователи, как правило, либо отстаивают самостоятельность права на информацию, либо рассматривают его в качестве составной части одного из основных прав акционера. Так Е.В. Иванова указывает, что право на информацию является составляющим права на управление обществом¹. В.Н. Барабанщиков полагает, что право на участие в управлении реализуется при получении акционером информации о деятельности общества лишь в косвенной форме². Э.М. Романова считает, что право на информацию носит организационный характер и обеспечивает реализацию иных прав акционера³.

Д.И. Ломакин утверждает, что данное право имеет двоякое значение: «Во-первых, получение информации о деятельности общества, о его должностных лицах служит гарантией защиты иных прав акционера. Во-вторых, обладание информацией позволяет акционеру наиболее целесообразно осуществлять свои права. Без получения информации осуществление некоторых прав акционера будет весьма затруднительно или просто невозможно»⁴.

Рациональное зерно есть в каждой из приведенных позиций. *Однако, на наш взгляд, право участника корпорации на информацию обеспечивает возможность с его стороны осуществлять контроль хозяйственной и иной деятельности общества. Контроль, осуществляемый управомоченным лицом, направлен не только на обеспечение эффективного управления, но и на соблюдение иных корпоративных прав и законных интересов участника*

1 Иванова Е.В. Злоупотребление правом акционера на получение информации об акционерном обществе // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 166.

2 Барабанщиков В.Н. О праве акционеров на участие в управлении акционерным обществом // Журнал правовых и экономических исследований. 2009. № 2. С.29.

3 Романова Э.М. Право акционера на информацию по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 13–14.

4 Ломакин Д.В. Право акционера на информацию как неимущественное право // Законодательство. 2013. № 1. С. 15-24. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/company/garant-press/lawm/440177> (дата обращения: 11.04.2015).

хозяйственного общества, а также третьих лиц. Согласимся с Р.С. Кравченко, отмечающим значение права акционера на информацию, в том, что указанная юридическая возможность служит гарантией надлежащего осуществления иных прав акционера¹.

Оставление акционера в неведении относительно предстоящего общего собрания скорее всего помещает ему реализовать право на управление обществом, т.е. будет препятствовать принятию участия в работе органа юридического лица. С другой стороны, наличие соответствующей информации у акционера само по себе не говорит об управлении обществом: данные о месте и времени проведения собрания, вопросах, вынесенных на повестку, позволяют оценить значимость предстоящего события, его влияние на интересы акционера. На основе такого анализа он принимает решение о личном участии в собрании.

В большей мере возможность контролировать деятельность хозяйственного общества проявляется, когда его участник запрашивает документы или их копии, необходимые ему для анализа финансового состояния организации, характера совершаемых им сделок. Это позволяет, главным образом, создать предпосылки для защиты собственных интересов: своевременно оспорить решение органов управления общества, сделать выводы о перспективах его развития, принять решение о продаже акций, доли в уставном капитале.

Иногда участники хозяйственного общества ввиду своей неискушенности в корпоративном праве, отсутствия достаточной информации теряют контроль над деятельностью органов управления. Это приводит к злоупотреблениям, таким как «разводнение» уставного капитала, «выдавливание» миноритарных акционеров, банкротство, ущемляющим не

¹ *Кравченко Р.С.* Обеспечение и защита прав акционеров на информацию в процессе корпоративного управления (сравнительно-правовой анализ российского и англо-американского опыта): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16.

только права акционеров, но и государственные интересы, что вызывает огромный общественный резонанс¹.

Правоприменитель придерживается аналогичного мнения о природе права на информацию, приходя к выводу о том, что *отказ в предоставлении акционерам истребуемых документов лишает последних возможности контролировать хозяйственную деятельность акционерного общества*². При этом в судебных актах речь о невозможности участвовать в управлении делами общества не идет.

Реализация управомоченным субъектом контрольных правомочий не должна влечь ситуацию установления экономических преимуществ для носителя контрольных возможностей, положения лидерства, доминирования по отношению к контролируемому лицу, обязанности одной стороны подчиняться решениям другой.

Анализируя корпоративное законодательство, приходим к выводу, что право на информацию может быть реализовано участником хозяйственного общества следующими основными способами.

Первый – путем ознакомления с опубликованной информацией, раскрытие которой осуществляется обществом в обязательном порядке согласно Закону об акционерных обществах, актам Минфина России и Банка России, а также ранее принятым актам Федеральной службы по финансовым рынкам (ФСФР России).

Второй – в случае, когда общество предоставляет информацию в соответствии с законодательством при отсутствии требования о предоставлении таковой со стороны участника (например, при направлении материалов лицам, имеющим право на участие в общем собрании акционеров, при подготовке к проведению общего собрания).

1 Кравченко Р.С. Указ. соч. С. 3.

2 Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 июля 2014 г. по делу № А43-20234/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2014 г. по делу № А43-20234/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2014 г. по делу № А33-19388/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Третий – при выражении участником желания ознакомиться с документами (получить их копии), перечень и категории которых отражены в направленном обществу требовании.

Информация может предоставляться как конкретным лицам (в случае получения от акционера запроса на ознакомление с тем или иным документом общества, сообщения всем членам корпорации информации, касающейся предстоящего общего собрания акционеров). При этом Э.М. Романова справедливо отмечает, что «круг адресатов информации, связанной с управлением обществом, не может быть сведен к субъектам, включенным в списки лиц, имеющих право на участие в общем собрании акционеров, так как в число адресатов включаются также номинальные держатели акций, зарегистрированные в реестре»¹. Надлежащим уведомлением собственников акций, находящихся в номинальном держании, о предстоящем общем собрании является направление сообщения номинальному держателю. Как видим, вопрос транспарентности (прозрачности) корпоративных отношений и вопрос эффективного обмена информацией между хозяйственным обществом и его членами тесно взаимосвязаны.

Так называемая безадресная информация предоставляется широкому кругу лиц (если сообщение о проведении общего собрания доводится посредством опубликования в определенном уставом общества печатном издании, размещения на установленном обществом сайте).

Из приведенных способов видно, что в зависимости от характера поведения участника организации на практике, он, реализуя свое субъективное право, выступает либо как пассивное, либо как активное лицо. Так в первом случае получение акционером информации обусловлено, главным образом, действиями акционерного общества. Иная ситуация имеет место, когда получение акционером соответствующей информации возможно после выражения инициативы с его стороны – направления требования в адрес акционерного общества.

¹ Романова Э.М. Указ. соч. С. 23.

Разный характер поведения управомоченного лица, предшествующего непосредственной проверке, привел к отстаиванию в юридической литературе мнения о том, что направление уведомления (сообщения) и предоставление информации участнику общества представляют собой разные правовые явления. Автор делает такой вывод на том основании, что обязанность общества направить уведомление конкретным лицам не связана с какими-либо действиями указанных лиц, а обусловлена наступлением определенных обстоятельств¹. С указанной позицией можно согласиться лишь в части. Обязанность общества информировать ее участников о предстоящем общем собрании акционеров также следует из нормативных положений закона, просто не требует от управомоченных на осуществление контроля лиц совершения дополнительных инициативных действий.

Надлежащая верификация осуществляется посредством инициативных действий самого управомоченного лица. Обязанность общества при этом сводится к созданию благоприятных условий для реализации предоставленных акционеру контрольных правомочий. Направление участнику корпорации информации о предстоящем общем собрании акционеров или предоставление возможности ознакомиться с документами, отражающими финансово-хозяйственную деятельность организации, сами по себе не удовлетворяют легитимного интереса лица в осуществлении контроля, только создают предпосылку к его нормальному осуществлению.

Необходимо различать такие самостоятельные действия, как, например, направление информации корпорацией, формальное получение информации, ее изучение управомоченным лицом. Так информация о предстоящем общем собрании участников хозяйственного общества может быть надлежащим образом доведена до сведения акционеров (путем направления заказных писем по сообщенным адресам), что будет также представлять пассивную реализацию контрольного правомочия. Вместе с тем, реально акционер может

¹ Шевченко О.М. Предоставление и раскрытие информации акционерным обществом в связи с проведением общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 34.

не получить доступ к такой информации по различным причинам (сменил место жительства и не сообщил актуальный адрес, уехал в длительную командировку или отпуск). В таком случае интерес участника общества, обеспечиваемый предоставлением ему контрольного правомочия, не будет удовлетворен, а добросовестное поведение корпорации лишь было направлено на реальное воплощение возможности, заключенной в контрольном правомочии.

Праву участника корпорации на получение информации корреспондирует обязанность общества по предоставлению этой информации. Реализация акционером своего права в пассивной форме становится возможной в результате совершения обществом одномоментных действий (опубликования информации, рассылки материалов при подготовке к общему собранию) и предоставления (раскрытия) ограниченного объема информации.

Стоит отметить смену за последнее время ориентации законодательного регулирования раскрытия российскими эмитентами ценных бумаг такой значимой информации с максимальной информационной открытости на дифференцированный подход в связи с введением возможности ограниченного (по составу и (или) объему) раскрытия информации¹. Данное явление стало предметом цивилистических исследований. Ученые отмечают, что произошедший пересмотр политики в данной сфере обусловлен перманентной составляющей современных экономических отношений – практикой введения санкций в отношении отдельных категорий физических и юридических лиц других государств, а также персональных ограничительных мер в отношении указанных лиц, в том числе исключительно из соображений внешней политики, – и являет собой несколько запоздалые и не до конца системные контрмеры российской правовой системы².

1 *Статья 92.2.* Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Рос. газета. 1995. 29 дек.

2 См.: *Габов А.В., Шансугова М.Д.* Санкции как фактор развития правового регулирования раскрытия информации российскими эмитентами // Государство и право. 2020. № 11. С. 72–83.

Несмотря на то, что указанные изменения в законодательстве были, в первую очередь, определены необходимостью обеспечения публичных интересов, они оказали значительное влияние на сферу интересов частных, в том числе при осуществлении контроля участниками корпорации.

В зарубежной правовой доктрине отмечается, что юридически каждая компания является отдельной организацией, однако они могут быть связаны либо со своими акционерами, директорами, либо иными лицами на основании договоров¹. Наличие у корпорации разных по своему характеру правовых связей, вынуждает констатировать, что в огромном количестве случаев *de jure* самостоятельный субъект права (хозяйственное общество) *de facto* может не являться экономически самостоятельным. Указанное обстоятельство позволяет ученым рассуждать об аффилированности как способе координации современной экономической деятельности, при котором в отношениях одно лицо формально действует как самостоятельный субъект права, но фактически его деятельность определяется другим лицом (интересами это лица), оказывающим влияние на первого в силу различных оснований². В связи с этим справедливо отмечает А.В. Ефимов, что получение целостного представления о конкретном юридическом лице невозможно без учета связей, в которых оно состоит³.

Рассуждая о возможности и последствиях влияния на решения, принимаемые юридическим лицом, А.В. Габов затрагивает вопрос обусловленного экономической зависимостью хозяйственного общества риска для его миноритарных участников⁴. Суть такого риска ученый видит в невозможности оценить реальное финансово-экономическое положение корпорации и описывает следующим образом: миноритарные акционеры

1 *Dine J., Koutsias M.* Company Law. 8th Edition. Palgrave, 2014. P. 259.

2 Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. С. 105. (автор части – А.В. Габов).

3 *Ефимов А.В.* Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 18.

4 *Габов А.В.* Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 92.

будут выступать в своих действиях и решениях с позиций восприятия поведения юридического лица как основанного на автономии воли, направленного на достижение собственных целей акционерного общества. Вместе с тем реальные цели, продиктованные волей третьей стороны и неизвестные миноритариям, могут выступать в противоречие с собственными интересами формально независимого юридического лица.

Когда же акционер реализует свое право в активной форме и совершает инициативные действия, направленные на получение информации, общество обязано в соответствии с п. 1 ст. 91 Закона об акционерных обществах обеспечить ему доступ к широкому перечню документов. Данный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен уставом, внутренними документами общества, решениями общего собрания акционеров, совета директоров (наблюдательного совета), органов управления общества, а также правовыми актами Российской Федерации. Действия обязанной стороны правоотношения, таким образом, имеют лить организационный, обеспечительный характер.

Рассуждая об интересе акционера в информации о реальном финансово-экономическом положении хозяйственного общества нельзя не упомянуть о конструкции номинального держания ценных бумаг. Номинальное владение ценными бумагами является весьма действенным и широко используемым инструментом, уменьшающим прозрачность активов в российской юрисдикции¹. Данная правовая конструкция призвана обеспечить конфиденциальность информации о бенефициарах организации, если реальный собственник акций не хочет, чтобы его личность была известна как самому акционерному обществу, так и третьим лицам. В.А. Болдырев и В.Н. Лисица обращают внимание на то, что цели, которые преследуют бенефициары, стремящиеся к конфиденциальности, различны и далеко не всегда связаны с прямым нарушением или обходом норм публичного права, а

1 См.: *Boldyrev V.A., Lisitsa V.N., Khasnutdinov A.I. Analysis of nominal holding of securities and nominee service: legal constructions for the service of capital // Journal of Engineering, Management, & Applied Science & Technologies. 2018. Vol. 9. No. 6. P. 537–548.*

могут быть обусловлены правилами из сферы действия объективного частного права¹.

Г.Н. Шевченко подчеркивает возможность появления целого ряда звеньев отношений номинального держания: «Возможны ситуации, когда владелец ценных бумаг заключает с депозитарием договор, поручая последнему ведение учета своих бумаг. Депозитарий открывает на имя владельца ценных бумаг в своем учетном регистре специальный счет депо. Поэтому в реестре владельцев ценных бумаг указывается уже не владелец ценных бумаг, а депозитарий, выступающий в качестве номинального держателя. Причем таких депозитариев – номинальных держателей может быть достаточно много, образуя цепочку номинальных держателей»². Понять в таких условиях, кто является конечным выгодоприобретателем практически не представляется возможным.

Отмечая, что фигура номинального держателя плохо вписывается в систему российского частного права, неизбежно конфликтуя с идеей приобретения прав и обязанностей под собственным именем, В.А. Болдырев и В.Н. Лисица вместе с тем отрицательно высказываются о целесообразности упразднения модели номинального держания, сопряженного с непомерно высоким риском увеличения оттока капитала в те юрисдикции, где выше гарантируемая конфиденциальность для бенефициариев корпорации³.

М.М. Прошунин считает, что «...информацию о бенефициарных владельцах можно было бы разместить на информационном портале Федеральной налоговой службы России, обеспечивающей ведение единого государственного реестра юридических лиц»⁴. Автор выступает за увеличение прозрачности корпоративных отношений в целях надлежащего финансового

1 Болдырев В.А., Лисица В.Н. Прозрачность корпоративных отношений: правовая природа обеспечивающих ее норм // Право и экономика. 2020. № 1. С. 8.

2 Шевченко Г. Бездокументарные ценные бумаги в российском гражданском праве // Бизнес, менеджмент и право. 2015. № 1. С. 100.

3 Болдырев В.А., Лисица В.Н. Номинальное держание ценных бумаг – конструкция, уменьшающая прозрачность корпоративных отношений // Право и экономика. 2019. № 11. С. 46.

4 Прошунин М.М. Финансовый мониторинг как обязательное условие обеспечения финансовой безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 142.

контроля (мониторинга). Однако справедливое замечание на этот счет делают В.А. Болдырев и В.Н. Лисица, уточняющие, что в случае создания такого ресурса, доступ к нему следует делать ограниченным по параметрам субъектного состава, имеющего право доступа к такой информации, и основания доступа к указанным сведениям¹. Как видится, такое решение отражает в первую очередь необходимость обеспечения публичных интересов в сфере борьбы с легализацией доходов и доступа к соответствующей информации заинтересованных органов, и все равно не призвано удовлетворить интерес рядового акционера.

Анализируя корпоративное законодательство в части наделения участников корпорации контрольными полномочиями, можно обратить внимание, что наряду с правом акционера на информацию об обществе нормативно закреплены ограничения доступа к определенной информации, что представляет собой пределы (материальные и процедурные) осуществления непосредственного контроля в указанных отношениях.

Стоит согласиться с А.В. Габовым, что идея целесообразности ограничения в определенных случаях возможности осуществить контроль лежит в основе регулирования предоставления информации акционерам. Автор отмечает развитие указанной идеи еще в первоначальной редакции Закона об акционерных обществах². Возможность установления ограничений на получение информации имела развитие еще в русских дореволюционных правовых исследованиях, в которых делались выводы о необходимости установления ограничения для доступа акционеров к книгам акционерного общества на основе идеи хозяйственного интереса³.

Первое, о чем следует упомянуть в рамках пределов осуществления непосредственного контроля участником акционерного общества, это дифференцированный подход законодателя к вопросу доступа участника

1 Болдырев В.А., Лисица В.Н. Прозрачность корпоративных отношений: правовая природа обеспечивающих ее норм // Право и экономика. 2020. № 1. С. 8.

2 Габов А.В. Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру. С. 109.

3 См.: Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 444–445.

корпорации к определенной информации. Так п. 5 ст. 91 Закона об акционерных обществах обеспечивает право ознакомления с протоколами заседаний коллегиального исполнительного органа общества и документами бухгалтерского учета акционера (акционеров), имеющего не менее чем 25 процентов голосующих акций общества. Указанное правило не является императивным, уставом общества может быть предусмотрено условие о владении меньшим пакетом акций (п. 6 ст. 91).

Можно заключить, что наличие у акционера четверти всего пакета акций и более предоставляет ему практически неограниченный доступ к документам корпорации. В.А. Болдырев и В.Н. Лисица справедливо обращают внимание на то, что значительные контрольные правомочия указанных лиц хоть и не обеспечивают им возможность принимать нужные решения по большинству вопросов, связанных с управлением коммерческой организацией, могут существенно влиять на решения, принимаемые органами хозяйствующего общества¹.

Как видится, именно содержание корпоративного законодательства оказало непосредственное влияние на законодательство о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма, определив количественный критерий контроля над организацией. Так Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»² вводится понятие бенефициарного владельца, под которым понимается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом – юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента. Вместе с тем согласимся с А.В. Габовым, что сам по себе факт владения указанным пакетом акций на

1 См.: Болдырев В.А., Лисица В.Н. Прозрачность корпоративных отношений в офшорных юрисдикциях: правовое регулирование и правоприменение // Право и экономика. 2019. № 12. С. 52.

2 *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

практике не может совершенно определенно свидетельствовать о том, что такой участник контролирует юридическое лицо¹.

В связи с принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»² появился особый режим осуществления контроля для акционеров, владеющих пакетом акций от 1 до 25 процентов голосующих акций. Данный режим ограничил возможность осуществления контроля для миноритариев в отношении гражданско-правовых договоров юридического лица, которые в указанных целях Верховный суд Российской Федерации отнес к бухгалтерским документам³.

Установление пороговых значений владения акциями для доступа к информации об акционерном обществе объясняется представлением законодателя о том, что большая степень имущественного участия в корпорации должна обеспечивать заинтересованность члена общества в успешном развитии бизнеса и корпоративных отношений. Отсюда предполагается отсутствие у акционера умысла в причинении ущерба юридическому лицу, в том числе посредством недобросовестной реализации контрольных правомочий или использования полученной в ходе контроля информации.

Помимо количественного условия закон устанавливает качественный предел контроля по критерию государственного участия. Так наличие у члена общества по отношению к указанной корпорации специального права на участие в управлении («золотая акция») гарантирует представителям

¹ *Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. С. 111. (автор части – Габов А.В.).*

² *Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. 2017. № 172.*

³ *Пункт 30 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2017), утвержденный Президиумом ВС РФ 12 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».*

Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования доступ ко всем документам общества.

К процессуальным пределам осуществления непосредственного контроля участником корпорации можно отнести семидневный срок, исчисляемый с момента инициативного требования акционера об обеспечении ему возможности осуществить проверку, в течение которого общество должно предоставить затребованные документы.

Также в соответствии с нормативными положениями статьи 91 Закона об акционерных обществах к определенным процедурным ограничениям при реализации участником общества контрольных правомочий следует отнести форму предоставления информации (оригиналы или копии документов) и место ознакомления (помещение исполнительного органа общества).

Можно отметить наметившуюся тенденцию выравнивания баланса интересов участников корпоративных правоотношений. Предоставляя управомоченной стороне возможность осуществления контроля за соблюдением ее законных интересов, законодатель делает попытки предусмотреть действенный механизм защиты контролируемой стороны от произвольного вмешательства в хозяйственную самостоятельность и злоупотребления контрольными правомочиями.

До недавнего времени от акционера не требовалось обосновывать значимость запрашиваемой у общества информации для его (акционера) экономической деятельности. Законодательство не предусматривало императивных правил относительно периодичности направления требования об ознакомлении с документами корпорации, предоставлении копий документов. Не был определен объем информации, с которым участник имеет право ознакомиться. В результате реформирования корпоративного законодательства пределы реализации права на информацию получили свое дальнейшее развитие. Можно наблюдать в новой редакции Закона об акционерных обществах нормативное оформление института деловой цели,

установление оснований для отказа в предоставлении информации об обществе.

Теперь в требовании миноритарного акционера (владеющего менее 25% акций) о предоставлении доступа к информации о деятельности общества должна быть однозначно указана деловая цель, в связи с которой участник запрашивает соответствующие документы. Понятие «деловая цель» является оценочным, что не смогло нивелировать его нормативное определение в п. 7 ст. 91 Закона об акционерных обществах. Так корпорация будет самостоятельно определять, является ли указанный в требовании о предоставлении информации законный интерес акционера необходимым и достаточным для реализации предоставленных ему прав.

Участник общества должен доказать экономическую и юридическую обоснованность, либо иную разумную необходимость в получении доступа к документам о деятельности корпорации. Явное несоответствие состава и содержания запрашиваемых сведений указанной в запросе деловой цели являются основанием для отказа в предоставлении акционеру информации (пп. 4 п. 8 ст. 91), о чем свидетельствует правоприменительная практика¹. Причем акционер должен указать вполне конкретную, достижимую цель, не используя абстрактные формулировки при указании деловой цели. Так арбитражный суд, отменяя решение по делу, отметил, что недопустимо принимать во внимание факт формального сообщения цели запроса документов, посчитав таковым указание на необходимость оценки управленческих решений, принятых органами управления общества, на предмет соответствия интересам общества и акционеров².

Законодатель счел необходимым привести случаи, когда деловая цель определено не может считаться обоснованной и разумной для реализации контрольных правомочий миноритарным участником общества. Указанный

1 *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 июля 2019 г. №А03-2876/2019 по делу № А59-6823/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2020 г. № Ф07-16498/2019 по делу № А56-48872/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечень не является закрытым и может быть дополнен Уставом общества. Определенные сомнения вызывает такое основание, как наличие у общества сведений о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о недобросовестности акционера. Не совсем понятно должна ли указанная недобросовестность в поведении члена общества проявиться при реализации им контрольных возможностей в данный момент или общество может ссылаться на недобросовестность в действиях лица, определенно установленную при осуществлении контроля акционером ранее? Или же такая недобросовестность может (должна) относиться к намерениям акционера по использованию полученной информации? Или же может быть вовсе безотносительной к требованию о предоставлении доступа к документам?

Полагаем, используемые законодательные формулировки касательно «деловой цели», с которой акционер запрашивает документы, допускают высокую степень субъективного усмотрения акционерного общества при решении вопроса о предоставлении доступа к соответствующей информации и как следствие могут повлечь рост судебных споров по данному вопросу.

Интерес представляет анализ складывающейся правоприменительной практики в данной сфере. Так из материалов дела следует, что истец-член совета директоров общества, которому на праве собственности принадлежит 11% голосующих акций, направил в адрес общества требование о предоставлении ему надлежащим образом заверенных копий документов за период времени с 01.01.2013 по 05.12.2017. Корпорация отказала, ему в реализации права на информацию, мотивировав такое решение отсутствием в запросе о предоставлении документов указания на преследуемую участником деловую цель. Удовлетворяя исковое заявление, арбитражный суд указал, что член коллегиального органа управления имеет безусловное право на доступ к информации о деятельности общества, не доказывая при этом свой

материальный и правовой интерес в получении требуемых документов. Указанное решение вышестоящим судом оставлено без изменений¹.

Ни Гражданским кодексом Российской Федерации, ни корпоративным законодательством не предусмотрен порядок предоставления информации члену коллегиального органа управления корпорации. Правоприменитель исходил из того, что член совета директоров общества при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должен действовать в интересах общества, добросовестно и разумно. Однако такое обоснование вряд ли объективно. Согласно действующему законодательству, предполагается добросовестность всех участников товарного оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ).

Считаем, преследуемая акционером-членом совета директоров при получении доступа к информации об обществе цель имеет как раз существенное значение в рассмотренной ситуации. Принципиальную оценку должен получить тот правовой статус, в связи с которым лицо реализует свое право на информацию. Другими словами, необходимо исходить из того, требуется ли указанная информация в связи с правами и обязанностями лица, порождаемыми членством в выборном органе общества, или же участием лица в обществе как рядового акционера. Уполномоченное лицо должно доказать, что запрашиваемая информация и документы необходимы для принятия взвешенного и обоснованного решения по вопросам повестки дня заседания совета директоров или для исполнения им своих непосредственных обязанностей. Обоснованность данного вывода также подтверждается правоприменительной практикой².

Указанные изменения привели к существенному сокращению контрольных возможностей миноритарных акционеров, что нашло отражение в правоприменительной практике³. Интересный факт отмечает А.В. Габов,

1 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 марта 2019 г. № Ф04-699/2019 по делу № А45-37514/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08 мая 2018 г. № Ф05-5534/2018 по делу № А40-157551/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Определение ВС РФ от 10 июля 2018 г. № 307-АД18-976 по делу № 56-27290/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указывая, что такое развитие законодательства идет на фоне документов политико-правового, концептуального и рекомендательного характера, которые в части права акционера на информацию декларируют противоположное. На лицо явный разрыв между провозглашаемыми декларациями и конкретными средствами правового регулирования¹. Представляется, что обеспечить баланс интересов мажоритарных акционеров, миноритариев и менеджмента в указанной связи призвана обязанность общества по публичному раскрытию информации.

С одной стороны, необоснованный отказ корпорации в предоставлении акционеру информации о деятельности общества, в том числе игнорирование и оставление соответствующего запроса без ответа, свидетельствует о воспрепятствовании общества в осуществлении надлежащего текущего контроля. Акционер может обратиться в суд с требованием об обязанности корпорации предоставить доступ к запрашиваемым документам, что обеспечивает реализацию контрольных возможностей. Сложилась широкая правоприменительная практика удовлетворения указанных исковых требований².

Дополнительной гарантией реализации контрольных правомочий участника корпорации также является возможность привлечения общества к административной ответственности за непредоставление информации в соответствии со ст. 15.19 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации³. В юридической литературе отмечается, что данная возможность используется на практике в условиях корпоративных конфликтов как противодействие поведению менеджмента компании,

1 *Габов А.В.* Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру. С. 117.

2 *Постановление* Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 января 2021 г. № Ф08-11627/2020 по делу № А63-6784/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 25 ноября 2019 г. № Ф05-20440/2019 по делу № А41-508/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.

стремящегося ограничить акционеров (особенно миноритариев) в доступе в определенным документам¹.

С другой стороны, в целях обеспечения баланса интересов акционеров, третьих лиц и самого общества, отказ участнику общества в осуществлении контроля посредством получения доступа к документам, является обоснованным решением, если с точки зрения акционерного общества в действиях присутствуют признаки злоупотребления контрольными полномочиями.

Злоупотребление правом со стороны акционера может иметь место только при совершении им активных волевых действий, направленных на получение информации, а именно в процессе подготовки соответствующего заявления, его направления в адрес акционерного общества, последующего ознакомления с документами или получения копий этих документов.

Принимая информацию, раскрываемую обществом в обязательном порядке или направляемую акционеру без выражения соответствующего требования с его стороны, участник реализует свое право в пассивной форме. Если при этом данную информацию он будет использовать, чтобы каким-либо образом навредить обществу, то это будет свидетельствовать скорее о противоправном поведении лица, а не о злоупотреблении правом.

Исходя из анализа законодательства об акционерных обществах и судебной практики по корпоративным спорам, связанным с реализацией акционером возможности получения информации о юридическом лице, можно выделить типичные ситуации злоупотребления участником данной корпорации своим субъективным правом.

Злоупотребление в периодичности направления требований о предоставлении информации. О злоупотреблении в периодичности (частоте) направления требований можно говорить, когда акционер неоднократно в течение относительно короткого промежутка времени направляет в адрес

¹ См.: Крылов В.Г. Практические аспекты реализации некоторых прав миноритарными акционерами непубличных акционерных обществ // Гражданское право. 2019. № 1. С.10–14.

акционерного общества запросы об ознакомлении с одними и теми же (или различными) документами или предоставлении их копий, при условии, что истребование всей информации можно было осуществить одновременно. У акционерного общества соответственно направленным запросам возникает обязанность предоставить документы в течение указанного в требовании или установленного п. 2 ст. 91 Закона об АО семидневного срока.

Недобросовестные акционеры направляют требования так часто, что акционерное общество не успевает подготавливать запрашиваемые документы или их копии для ознакомления. Реальная причина частого направления свидетельствует о стремлении дестабилизировать работу общества, создать условия, способные отрицательно повлиять на хозяйственную деятельность общества.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в своем Информационном письме¹ уточняет, что недобросовестному участнику хозяйственного общества может быть отказано в удовлетворении требования о предоставлении информации, если будет доказано, что его право на информацию обществом не нарушено. Об этом могут свидетельствовать, в частности, следующие обстоятельства: неоднократное заявление требований о предоставлении одних и тех же документов и (или) их копий при условии, что первое из таких требований было надлежащим образом удовлетворено обществом.

В 2017 году законодатель прямо предусмотрел в пп. 2 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах право акционерного общества отказать участнику в доступе к информации и документам, если последний обратился к обществу с требованием о повторном предоставлении информации в течение трех лет. Указанное право возникает у общества при условии, что впервые направленный запрос был удовлетворен надлежащим образом.

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.

Если же акционер направляет в адрес общества запросы о предоставлении разной информации, формально он действует в рамках своего субъективного права (поскольку законодателем не оговорено как часто акционер может направлять запросы). Такое поведение способно дестабилизировать деятельность акционерного общества, нанести ему ущерб. Данное обстоятельство учитывается в судебной практике, формирующейся на уровне окружных арбитражных судов.

Так, арбитражный суд кассационной инстанции установив, что акционер неоднократно направлял в адрес общества требования о предоставлении ему для ознакомления различных документов общества (пять запросов поступили в акционерное общество в течение 16 дней) направил дело на новое рассмотрение и указал на необходимость дать оценку факту неоднократного обращения акционера к обществу в течение относительно короткого промежутка времени с требованиями о предоставлении различной информации¹. Соответственно арбитражный суд первой инстанции вынужден определить, вызван ли запрос информации значимыми для акционера обстоятельствами, либо такие требования вызваны исключительно намерением дестабилизировать работу общества путем создания оснований для привлечения его к административной ответственности за неисполнение требований по каждому отдельному запросу (при возможности истребования всей информации единовременно).

Следует понимать, что даже если такие действия акционера, направленные на получение информации, будут признаны судом выходящими за рамки допустимой реализации права, цель недобросовестного участника все равно оказывается достигнутой, поскольку нормальный ход работы общества был нарушен (понесены расходы на подготовку части информации, судебные издержки), сложилась напряженная внутрикорпоративная атмосфера.

¹ *Постановление* ФАС Поволжского округа от 27 декабря 2013 г. по делу № А55-5450/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, решение суда о том, что юридическое лицо может не предоставлять информацию, во-первых, не накладывает на акционера запрета в дальнейшем продолжать недобросовестную деятельность в отношении акционерного общества, во-вторых, по факту не компенсирует понесенные обществом убытки. Поэтому необходимо нормативное установление пределов реализации акционером права на информацию, которые бы не допускали (минимизировали) подобного рода злоупотребления с его стороны.

Представляется целесообразным определить на законодательном уровне периодичность, с которой акционер имеет право запрашивать у общества информацию. Учитывая, что одной из целей истребования у общества определенных документов и их копий для ознакомления выступают интересы реализации участниками права на управление делами, необходимо исходить из того, как часто должны проводиться заседания общего собрания акционеров.

Поскольку годовое собрание акционеров является обязательным, можно считать рациональным установление правила о возможности требовать ознакомления с документами один раз в год. Нужна также оговорка, что при направлении более частых запросов, акционер должен мотивировать свое требование, указав интересы, которые могут быть нарушены в случае непредоставления документов или их копий.

Злоупотребление по объему запрашиваемой информации. При данном виде злоупотребления возможно несколько вариантов: когда акционер запрашивает копии документов за большой промежуток времени (в том числе без указания их реквизитов), и когда направляет в адрес общества требование об ознакомлении с документами, содержащими коммерческую тайну (ноу-хау). Рассмотрим оба случая.

Перечень документов, с которыми акционер имеет право ознакомиться (ст. 89, 91 Закона об акционерных обществах), является весьма обширным и может быть предусмотрен помимо законодательства уставом общества, его

внутренними документами, подзаконными нормативными правовыми актами. Согласно п. 2 ст. 89 данного закона общество обязано хранить документы по месту нахождения его исполнительного органа в порядке и в течение сроков, которые установлены Банком России.

Такие сроки, согласно сохраняющему силу Положению о порядке и сроках хранения документов акционерных обществ, утвержденному ФКЦБ РФ (сейчас это структура Банка России)¹, для разных документов являются различными. Отдельные виды документов, например, годовые отчеты, юридическое лицо обязано хранить постоянно. В связи с этим, объем документов, с которыми акционер имеет право ознакомиться, является колоссальным, и большинство документов (при условии длительного существования общества) хранятся в архиве.

Налицо объективная сложность выполнения обществом своей обязанности по предоставлению акционеру запрашиваемой информации, поскольку оно в отведенный семидневный срок должно не только успеть найти необходимые документы, но и доставить их в место ознакомления, сделать запрашиваемые копии.

В таком случае, как указал Президиум ВАС РФ в Информационном письме от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики применения рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»², оценивая соблюдение обществом срока исполнения обязанности по предоставлению копий запрошенных документов, следует принимать во внимание объективные возможности общества по его соблюдению, а также то, что реализация права участника на информацию путем предъявления требования о предоставлении

¹ Постановление ФКЦБ РФ от 16 июля 2003 г. № 03-33/пс «Об утверждении Положения о порядке и сроках хранения документов акционерных обществ» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.

копий документов не должна приводить к приостановлению или существенному затруднению деятельности общества.

До июля 2017 года действовало правило, указанное в настоящем решении Президиума ВАС РФ, что с момента приобретения статуса участника хозяйственного общества лицо может требовать предоставления документов общества независимо от даты составления этих документов, в том числе за период деятельности хозяйственного общества, в течение которого данное лицо не являлось его участником.

Недобросовестные акционеры, пользуясь предоставленной им возможностью, действуя формально в рамках своего законного права, запрашивали документы и их копии, датированные с момента создания общества. В такой ситуации не представлялось возможным вести речь о том, что интерес акционера в получении информации связан с реализацией его права на участие в управлении обществом или принятием экономически-оправданных решений. Такие действия акционера скорее всего свидетельствовали об иных намерениях с его стороны, что нашло отражение в правоприменительной практике указанного периода¹.

Установление относительных временных границ от даты изготовления документов до даты запроса, является объективно оправданным решением законодателя. Подобные временные пределы направлены на сокращение числа злоупотреблений со стороны акционеров, не препятствуя реализации интересов акционера, связанных с его участием в управлении обществом.

Суды в большинстве случаев удовлетворяли иски акционеров о предоставлении информации в части истребования копий документов, датированных последними пятью годами². Именно в течение пяти лет общество обязано хранить большинство документов согласно Положению о

1 *Постановление* ФАС Московского округа от 25 сентября 2013 г. по делу № А40-138678/12-134-1063 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 9 марта 2011 г. по делу № А45-25123/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* ФАС Московского округа от 6 марта 2012 г. по делу № А41-21750/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

порядке и сроках хранения документов акционерных обществ. Законодатель пошел по иному пути и установил соответствующее ограничение, исходя из общего срока исковой давности.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ установил право хозяйственного общества отказать участнику в предоставлении документа, если документ относится к прошлым периодам деятельности общества (более трех лет до момента обращения с требованием), за исключением информации о сделках, исполнение по которым осуществляется на момент обращения акционера с требованием.

Кроме того, законодатель предусмотрел возможность сократить объем запрашиваемой акционером информации до периода владения участником акциями соответствующего акционерного общества (пп. 6 п. 8 ст. 91 Закона об акционерных обществах). Данный правовой статус в указанный в запросе временной период в пределах общего трехлетнего срока должен быть подтвержден акционером посредством справки по его лицевому счету, открытому в реестре акционеров общества, или счету депо, открытому в депозитарии. Исключение составляет информация по сделкам, исполнение по которым осуществляется в период владения акциями общества.

Ссылаясь на указанные правовые нормы, Арбитражный суд Поволжского округа обоснованно отказал в удовлетворении искового заявления акционера, являющегося участником хозяйственного общества с ноября 2018 года, об обязанности предоставить ему всю информацию о деятельности корпорации с момента ее создания, т.е. с октября 1993 года².

Интересно, что данное ограничение в реализации управомоченным лицом контрольных возможностей можно обойти, объединившись с другими участниками общества, которые обладали необходимым статусом акционеров

¹ Российская газета. 2017. № 172.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19 февраля 2020 г. № Ф06-57690/2020 по делу № А49-2895/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в интересующий период времени. Правоприменитель удовлетворяет иски, содержащие такие требования¹.

Когда речь идет о требовании акционера предоставить ему для ознакомления документы (их копии), содержащие коммерческую тайну, хозяйственные общества неохотно исполняют подобные запросы, поскольку всегда есть опасность того, что акционер умышленно разгласит полученную информацию, использует ее сам или будет ненадлежащим образом охранять. Такое поведение способно нанести неопределимый ущерб хозяйственному обществу (например, в случае разглашения секрета производства), как следствие нередко возникают споры, по которым суды выносят две категории решений.

Первая категория судебных актов – об оставлении иска без удовлетворения в связи с существованием доказательств прецедентов разглашения коммерческой тайны данным акционером или того, что акционер является прямым конкурентом общества (аффилированным лицом), а истребуемая им информация является конфиденциальной, относится к конкурентной сфере и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам акционерного общества².

Вторая категория судебных актов – о предоставлении информации, содержащей коммерческую тайну, когда у общества нет доказательств о намерении акционера нанести ему вред³. Именно вторая ситуация и таит в себе возможность злоупотребления со стороны акционера.

Право на отнесение информации к сведениям, составляющим коммерческую тайну, и на определение ее перечня и состава принадлежит обладателю такой информации⁴. Участники хозяйственного общества обязаны

1 *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 июля 2018 г. № Ф03-3014/2018 по делу № А51-22982/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* ФАС Московского округа от 13 марта 2013 г. по делу № А40-24803/12-137-222 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Постановление* ФАС Московского округа от 2 августа 2011 г. № КГ-А40/6870-11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Пункт 1 ст. 4 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (*Российская газета*. 2004. № 166).

не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности общества (п. 2 ст. 67 ГК РФ). Позиция высшего органа экономического правосудия сводится к *рекомендации*: прежде чем передать соответствующие документы и (или) их копии, общество может потребовать выдачи расписки, в которой участник подтверждает, что предупрежден о конфиденциальности получаемой информации и об обязанности ее сохранять¹.

Подобные меры являются малоэффективными, поскольку не предупреждают недобросовестное поведение со стороны акционера. Ни кодифицированное гражданское законодательство, ни Закон об акционерных обществах не ставит обязанность сохранения акционером коммерческой тайны в зависимости от выдачи им такой расписки. Но гораздо важнее, что в случае нарушения акционером взятой на себя обязанности не разглашать коммерческую тайну, например секрет производства, сложно оценить те убытки, которые он при этом наносит обществу и которые должен возместить согласно ст. 1472 ГК РФ, не говоря уже об объективной сложности доказывания того, что именно данный акционер разгласил коммерческую тайну.

Возникает также вопрос: распространяется ли обязанность по неразглашению конфиденциальной информации о деятельности общества на выбывшего участника общества? Ответ на этот вопрос отсутствует в законодательстве о хозяйственных обществах. С позиции логики с момента выхода участника из общества его права прекращаются, а следовательно, и обязанности тоже.

М.В. Кардашова предлагает обязать участника общества не разглашать информацию, в отношении которой установлено требование об обеспечении конфиденциальности, и после выхода из общества². При этом непонятно в

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.

² Кардашова М.В. Указ. соч. С. 49.

течение какого времени будет актуально существование такой обязанности у бывшего участника.

Наличие у миноритарного акционера, возможности требовать предоставления информации, содержащей коммерческую тайну, не имеет под собой разумной основы. Для контроля хозяйственной деятельности общества, анализа существующего экономического положения общества или перспектив его развития знать тонкости содержания секрета производства (ноу-хау) совсем не обязательно. *Именно поэтому в Закон об акционерных обществах целесообразно внести правило, согласно которому правом доступа к информации, содержащей коммерческую тайну, обладают акционеры (акционер), имеющие в совокупности не менее 50 процентов голосующих акций общества. В случае принятия решения о предоставлении акционеру, владеющему менее 50 процентов голосующих акций для ознакомления документов (их копий), содержащих такую информацию, она должна быть исключена из текста документа.*

Такой подход позволит иметь доступ к конфиденциальной информации только акционерам, обладающим возможностью оказывать решающее воздействие на принятие всех управленческих решений в обществе. Они будут в первую очередь заботиться о благополучии и экономическом процветании хозяйствующего субъекта. Они же и сегодня могут опосредованно ознакомиться с ноу-хау через назначенного им руководителя организации.

Злоупотребление по предлагаемому (испрашиваемому) месту ознакомления. Согласно п. 11 ст. 91 Закона об акционерных обществах истребуемые документы должны быть предъявлены акционеру для ознакомления в помещении исполнительного органа общества. Именно по месту нахождения постоянно действующего исполнительного органа общества осуществляется его государственная регистрация, а в случае отсутствия постоянно действующего исполнительного органа – по месту нахождения иного органа или лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица (п. 2 ст. 54 ГК РФ). Такой адрес отражается в Едином

государственном реестре юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) и предназначен для целей осуществления связи с юридическим лицом (пп. «в» п. 1 ст. 5 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹).

Согласно п. 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 61 от 30 июля 2013 г. «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица»² адрес, указанный в ЕГРЮЛ, может отличаться от адреса, по которому осуществляется непосредственная деятельность юридического лица, в том числе хозяйственная (производственный цех, торговая точка и т.п.). А регистрация может быть осуществлена по адресу жилого объекта недвижимости, если названный адрес является адресом места жительства учредителя (участника) или лица, имеющего право действовать от имени юридического лица без доверенности, что подтверждает сложившаяся в последние годы практика³.

Тем самым законодатель, указывая в Законе об акционерных обществах в качестве места ознакомления с документами помещения исполнительного органа общества, создает предпосылки для злоупотреблений правом со стороны акционеров, поскольку помещение исполнительного органа часто оказывается не приспособленным для подобных процедур и имеет своей главной функциональной целью поддержание связи с юридическим лицом (направление корреспонденции по указанному адресу и т.д.).

В условиях быстроменяющейся обстановки на рынке, акционерное общество должно адекватно реагировать – менять места осуществления своей хозяйственной деятельности, расположение офисов по работе с клиентами и места размещения административного персонала; при этом адрес места

1 *Федеральный закон* от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I), ст. 3431.

2 *Постановление* Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Письмо* Минфина РФ от 3 декабря 2008 г. № 03-01-11/5-159 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нахождения исполнительного органа целесообразно оставить тем же (при смене адреса общество несет риски последствий неполучения значимых сообщений).

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ в статью 54 ГК РФ «Наименование, место нахождения и адрес юридического лица» были внесены изменения, согласно которым «место нахождения юридического лица определяется местом его государственной регистрации на территории Российской Федерации *путем указания наименования населенного пункта (муниципального образования)*». Такие изменения были продиктованы практикой частой смены адреса исполнительного органа общества внутри муниципального образования.

На наш взгляд, новый подход к пониманию места нахождения юридического лица способствует предотвращению вынужденных значительных временных и материальных затрат со стороны акционерного общества, связанных с аккумулированием всей необходимой информации в помещении исполнительного органа.

Целесообразно предоставить акционеру возможность ознакомиться с документами в любом указанном акционерным обществом помещении по месту нахождения юридического лица, т.е. в пределах населенного пункта, где находится единоличный исполнительный орган. Информация о таких помещениях должна быть доступна для всех акционеров общества (например, опубликована в сети интернет на официальном сайте акционерного общества).

Злоупотребление по сроку ознакомления. Как мы уже отмечали ранее согласно ст. 91 Закона об акционерных обществах, общество должно в течение семи дней с момента направления требования предоставить акционеру возможность ознакомиться с документами в помещении исполнительного органа или подготовить копии запрашиваемых документов. В ней же указано, что дополнительные требования к порядку предоставления документов, а

также к порядку предоставления копий таких документов устанавливаются нормативными актами Банка России.

Однако в нормативных актах Банка России процессу ознакомления акционера с документами уделено недостаточное внимание. Фактически Указание Банка России от 28 июня 2019 г. № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со статьей 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» содержит единственное положение, касающееся собственно процедуры, согласно которому «ознакомление правомочного лица с документами акционерного общества осуществляется в рабочее время, установленное в таком акционерном обществе»¹.

Вопрос технического оснащения помещения, где будет проходить ознакомление – это отдельная сторона вопроса. На наш взгляд, общество должно самостоятельно позаботиться о наличии средств безопасности (например, камер видеонаблюдения, оборудования, ограничивающего непосредственный контакт акционера с ценными бумагами на предъявителя, которые бы исключили возможность их порчи или уничтожения) и какие-либо нормативные предписания в данной сфере не обязательны, хотя могут быть оговорены на уровне подзаконного акта.

Поскольку законодательно не регламентировано, как долго акционер может знакомиться с интересующими его документами, срок в силу здравого смысла должен зависеть от их количества и объема. При этом сложно дать точную оценку действиям акционера, который не торопится закончить изучение документов, в период, когда общество обязано предоставить их контролирующим органам (например, налоговым).

Любой процесс: гражданский, арбитражный, уголовный строится на признании принципа разумности сроков производства, в том числе при ознакомлении участников процесса с материалами по делу. Такими же

¹ Вестник Банка России. 2019. № 55.

разумными, на наш взгляд, должны быть сроки, в течение которых акционер может знакомиться с предоставленными ему документами.

Мы уже указали выше, что документы для ознакомления должны быть предоставлены акционеру в течение всего рабочего дня акционерного общества. Однако учитывая нормальные человеческие способности, трудовую занятость, семейные обязанности и другие факторы, придется сделать вывод, что акционер вряд ли сможет присутствовать в помещении общества «от звонка до звонка» и непрерывно работать с запрошенными документами. Неизбежно возникает ситуация, когда акционер знакомится с такими документами не один день.

Целесообразно установить правило: «Срок на ознакомление определяется с учетом объема предоставляемых акционеру документов. Данный срок должен быть в письменной форме сообщен акционеру до ознакомления и может быть продлен по его письменному требованию. По иску акционера, заявившего письменное требование о продлении, которое не было удовлетворено, данный срок может быть установлен судом».

Цихоцкий А.В. признает, что право не может характеризоваться качеством «беспробельности», если рассматривать его (право) с позиций нормативистской теории права, отождествляющей право с законодательством¹. Предлагаемые изменения, направленные на предупреждение злоупотреблений со стороны акционеров при реализации права на информацию, призваны сузить область судебного усмотрения, а значит, в конечном итоге – уменьшить число поводов для применения норм о злоупотреблении, то есть перевести недобросовестные действия в категорию явно незаконных (противоречащих объективному праву).

Указанные предложения могут приобрести юридико-техническое оформление в виде внесения органичных дополнений в статью 91

¹ Цихоцкий А.В. Преодоление пробелов в праве посредством аналогии // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 85.

Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» «Предоставление обществом информации акционерам».

Таким образом, непосредственный контроль участника хозяйственного общества может осуществляться как до приобретения правовой связи с корпорацией (предварительный контроль), так и в статусе участника корпорации (текущий контроль). Объем контрольного правомочия и, как следствие, возможная глубина верификационной активности в корпоративных отношениях коррелируют с количественной и качественной характеристикой субъективного корпоративного права управомоченного лица.

Законодатель достаточно подробно регулирует процедурные моменты реализации контрольных правомочий, связанных с участием лица в корпорации, что направлено на обеспечение баланса интересов самого управомоченного лица, других акционеров, менеджмента и третьих лиц, вступающих в правоотношения с организацией.

§ 2. Опосредованный контроль участников юридических лиц

Посредством системы корпоративных отношений, складывающихся между хозяйствующим обществом и его членами, осуществляется формирование корпоративной воли, обособленной от ее участников и обеспечивающей баланс их интересов. Обладание необходимой информацией о хозяйственном обществе имеет существенное значение для правильной и реальной оценки его деятельности акционером, принятии на этой основе юридически значимых решений. По справедливому замечанию П.С. Настина, «...недостаток такой информации позволяет должностным лицам корпоративной организации игнорировать интересы этого участника, преследуя собственные корыстные цели»¹.

¹ *Настин П.С.* Корпоративные информационные правоотношения в деятельности хозяйственных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 4.

Осуществляя текущий контроль в корпоративных отношениях управомоченное лицо может делегировать свое контрольное правомочие иным участникам гражданского оборота с целью осуществления более эффективного и полного контроля. Опосредованный контроль обеспечивает информационную прозрачность процесса управления, что позволяет своевременно выявлять и минимизировать имущественные и коммерческие риски акционера, связанные с участием в корпорации.

При *опосредованном специальном контроле* проверочная деятельность осуществляется специально образованными участниками гражданского оборота: органами юридического лица (общее собрание участников корпорации, наблюдательный совет, ревизионная комиссия), аудитором.

Высшим органом управления акционерного общества является общее собрание акционеров. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» относит к компетенции общего собрания в том числе изменение устава общества, увеличение (уменьшение) уставного капитала, распределение прибыли, одобрении крупной сделки и сделки, в совершении которой имеется заинтересованность (п. 1 ст. 48). Важнейшим правом управомоченного участника корпоративных отношений, направленным на осуществление контроля за соблюдением его законных интересов, является право на участие в работе общего собрания акционеров. Законодатель буквально формулирует данную юридическую возможность в ст. 51 указанного закона. В связи с участием в общем собрании акционеров участникам предоставляется широкий перечень информации, отражающей хозяйственную деятельность корпорации за предшествующий общему собранию год (п. 3 ст. 52).

Важным вопросом для установления правомочности общего собрания необходимо наличие кворума. В соответствии со ст. 58 Закона об акционерных обществах в собрании должны принять участие акционеры, обладающие в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций данного общества. Большинство рассматриваемых на собрании вопросов

принимается большинством от присутствующих на собрании голосов. Некоторые особо важные для общества вопросы принимаются квалифицированным большинством голосов присутствующих на собрании членов корпорации.

На любом этапе подготовки и проведения общего собрания акционеров могут возникнуть ситуации отклонения от установленных правил, что позволит в дальнейшем акционеру требовать признания недействительным принятого на общем собрании решения или подтверждения его ничтожности. Так согласно п. 7 ст. 49 Федерального закона «Об акционерных обществах» участник корпорации вправе обжаловать принятое с нарушениями решение общего собрания акционеров в судебном порядке.

Для реализации указанной возможности акционер не должен принимать участие в деятельности высшего органа общества при принятии им обжалуемого решения или должен был проголосовать против такого решения, а также данным решением должны быть нарушены права и (или) законные интересы истца. Вместе с тем суд принимает во внимание расстановку сил в обществе, а именно мог ли голос миноритарного акционера повлиять на результаты голосования на общем собрании. Таким образом вероятность удовлетворения такого иска миноритарного акционера является очень низкой.

Заявление о признании недействительным решения общего собрания акционеров может быть подано в суд *в течение трех месяцев* со дня, когда акционер узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным.

По общему правилу, предусмотренный срок обжалования решения собрания участников хозяйственного общества в случае его пропуска восстановлению не подлежит. Вполне обоснованно, учитывая, что нормативно не определены единые правовые последствия недействительности таких решений, а правоприменительная практика в данной сфере неоднозначная, что создает ситуацию повышенного риска как для самих акционеров, так для

контрагентов общества. Признание недействительности решения общего собрания акционеров ставит под сомнение легитимность действий (сделок), совершенных на его основании. Затрагивая вопрос распределения рисков признания законности таких действий (сделок), согласимся со мнением К.С. Пологутиной и Т.В. Шепель, что, учитывая внутренний характер решения общего собрания, в отношениях с третьими лицами следует отдавать приоритет защите контрагента¹.

Участники корпорации имеют право требовать проведения проверки финансово-хозяйственной деятельности общества специально учрежденным для этих целей органом юридического лица – ревизионной комиссией (ревизором) общества или профессиональным аудитором (аудиторской организацией), не связанным имущественными интересами с обществом, членами совета директоров (наблюдательного совета), лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа общества, членами коллегиального исполнительного органа общества и участниками общества².

Переходя к контролю, осуществляемому советом директоров (наблюдательным советом), необходимо отметить, что данный орган общества занимает промежуточное положение между общим собранием акционеров, принимающим наиболее важные стратегические решения, и исполнительным органом акционерного общества, реализующим «тактическое», текущее управление.

По мнению ученых-цивилистов, главным недостатком российской системы корпоративных отношений является сосредоточение у одного органа корпорации (совета директоров или наблюдательного совета) одновременно функций контроля и управления, что является препятствием для обеспечения

¹ Пологутина К.С., Шепель Т.В. Проблемы правовой регламентации последствий признания решения собрания недействительным // *Юридическая наука и практика*. 2018. Т. 14. № 1. С. 38.

² Пункт 3 ст. 85 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (*Собрание* законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 1); пункты 2 и 5 ст. 18 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» (*Собрание* законодательства Российской Федерации. 1996. № 20, ст. 2321); статья 48 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (*Собрание* законодательства Российской Федерации. 1998. № 7, ст. 785).

баланса интересов акционеров и корпорации¹. Согласимся с такой позицией, поскольку контроль в гражданско-правовом отношении предполагает, что управомоченный субъект не может вмешиваться в хозяйственную деятельность контролируемого лица. Вместе с тем большинство нормативно установленных полномочий совета директоров (наблюдательного совета) следует отнести к управленческим.

На указанный недостаток обращает внимание и Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации². В связи с чем предлагается закрепить более чёткую структуру органов акционерного общества с ясным разделением функций управления и контроля, в том числе посредством запрета совмещать должности в наблюдательном совете и правлении хозяйственного общества (п. 4.1.9).

Анализ корпоративного законодательства позволяет выделить основные направления контроля, осуществляемого советом директоров (наблюдательным советом) акционерного общества. Во-первых, это проверка руководства текущей деятельностью акционерного общества, осуществляемого исполнительным органом общества. Так п. 1 ст. 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает обязанность исполнительных органов общества отчитываться перед советом директоров (наблюдательным советом). Согласно п. 2 ст. 70 протокол заседания коллегиального исполнительного органа корпорации (правления, дирекции) предоставляется членам совета директоров (наблюдательного совета).

Во-вторых, это полномочия, связанные с одобрением крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Например, рассматриваемым законом предусмотрена процедура раскрытия совету директоров (наблюдательному совету) информации о заинтересованности в совершении обществом сделок в

1 *Дмитриев О.М.* Корпоративные нормы как основа деятельности органов управления юридических лиц // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3. С. 145.

2 *Одобрённая* решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

соответствии со ст. 81 лицами, имеющими заинтересованность в совершении таких сделок (ст. 82). Пунктом 3 ст. 83 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусмотрено, что на сделку, в совершении которой имеется заинтересованность, может требоваться предварительное получение согласия совета директоров (наблюдательного совета) общества.

В-третьих, это контрольные полномочия, обусловленные взаимодействием совета директоров (наблюдательного совета) с ревизионной комиссией (ревизором) и аудиторской организации (аудитора) общества. Так в соответствии с п. 1 ст. 65 Федерального закона «Об акционерных обществах» к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) относится определение размера оплаты услуг аудитора и дача рекомендаций по поводу размера выплачиваемых членам ревизионной комиссии общества вознаграждений и компенсаций. Кроме того, совет директоров (наблюдательный совет) вправе требовать проведения проверки финансово-хозяйственной деятельности общества ревизионной комиссией (ревизором) (п. 3 ст. 85).

Ввиду ограниченности объема диссертационного исследования в данном параграфе мы сосредоточим свое внимание на *общем опосредованном контроле* в корпоративных отношениях, когда управомоченный субъект делегирует свое контрольное полномочие таким же участникам гражданского оборота, как и он.

Даже небольшой объем участия в обществе позволяет акционеру реализовывать контрольные полномочия. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» устанавливает, что владельцы акций определенного типа обладают одинаковым объемом прав. Однако общий объем прав зависит от количества принадлежащих лицу акций.

В мировой и российской практике для коллективного осуществления корпоративных прав используются акционерные соглашения (англ. *shareholder's agreement*). Ученый дореволюционного периода П.П. Цитович по этому поводу отмечал: «Права акционера двоякого рода: одни принадлежат

ему в одиночку без всякого отношения с другими акционерами, другие принадлежат лишь в совокупности с другими акционерами: права первого рода могут быть осуществлены каждым акционером независимо от воли других акционеров, права второго рода могут быть осуществлены только вместе с другими»¹. Можно согласиться с позицией Д.В. Ломакина по поводу того, что такие соглашения между участниками хозяйствующих обществ по российскому праву не рожают новые корпоративные права, а лишь организуют распределение уже существующих у акционеров прав в указанном объеме².

Такая возможность предоставлена участникам корпорации как способ перераспределения корпоративного контроля, его консолидации с целью соблюдения баланса интересов в корпорации. В.Г. Крылов отмечает, что иногда сам факт заключения акционерами корпоративного соглашения (об этом следует уведомить других членов общества) побуждает других акционеров идти на переговоры с объединившими свои силы участниками³.

Соглашениям между участниками корпораций свойственны все возможности и преимущества договорного регулирования. До легализации указанных институтов в литературе велась активная научная дискуссия по поводу правомочности заключения акционерных соглашений, которые использовались акционерами крупных корпораций для перераспределения возможностей корпоративного контроля.

Статья 67.2 ГК РФ предоставляет участникам хозяйственного общества возможность заключать корпоративные договоры (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), предусматривающие порядок согласованного осуществления принадлежащих им прав или обязанность воздержаться от их реализации. Законодатель прямо назвал среди таких прав, по поводу особенностей

1 Цитович П.П. Учебник торгового права. Вып. первый. Киев; СПб., 1891. С. 150.

2 Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства// Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 8. С. 6.

3 См.: Крылов В.Г. Указ. соч. С.10–14.

реализации которых члены корпорации могут заключить договор, возможность голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, осуществлять иные действия по управлению, приобретать или отчуждать доли в уставном капитале (акции) по определённой цене или при наступлении определенных обстоятельств.

Корпоративное законодательство содержит аналогичные положения. Согласно п. 1 ст. 32 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» под акционерным соглашением понимается договор об осуществлении удостоверенных акциями прав и (или) об особенностях осуществления прав на акции. Что касается перечисления прав участников корпорации, порядок осуществления которых может стать предметом акционерного соглашения, то по сравнению с Гражданским кодексом Российской Федерации законодатель уточнил, что акционеры могут согласовывать осуществление и иных действий, связанных с деятельностью, реорганизацией и ликвидацией общества. О.А. Серова приходит к выводу, что заключение акционерного соглашения выступает средством индивидуализации правового положения отдельных групп членов корпорации¹.

Указанное позволяет предположить, что акционеры могут заключить соглашение в том числе по поводу осуществления принадлежащих им контрольных правомочий. В юридической литературе прямо указывается, что регулировать вопросы реализации акционером права на информацию допускается посредством заключения акционерного соглашения. Причем автор отмечает предпочтительность такого подхода к решению вопроса во избежание злоупотреблений субъективным правом².

Вывод о возможности объединения участников хозяйственного общества с целью получения информации о деятельности корпорации позволяют также сделать формулировки правовых норм статьи 91

¹ Серова О.А. Общее собрание участников в коммерческих корпорациях (сравнительно-правовой анализ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12.С. 24.

² Кабанова И.Е. Указ. соч. С. 25.

Федерального закона «Об акционерных обществах», регламентирующей порядок и условия предоставления обществом информации акционерам. Так пункт 2 указанной статьи содержит перечень информации, к которой может получить доступ *акционер (акционеры)*, владеющий не менее чем одним процентом голосующих акций. Пункт 4 обязывает *акционера (акционеров)*, владеющего менее чем четвертью уставного капитала, указывать деловую цель, в связи с которой запрашиваются определенные документы у хозяйственного общества. Пункт 5 статьи 91 расширяет список предоставляемых для ознакомления сведений о деятельности корпорации для *акционера (акционеров)*, обладающего не менее чем 25 процентами акций. Пункт 8 содержит позволяющие обществу отказать в доступе к информации условия, к которым в том числе относится размещение электронной версии запрашиваемого документа на сайте корпорации на момент предъявления *акционером (акционерами)* советующего требования.

Таким образом не оставляет сомнений возможность нескольких участников акционерного общества определять свои совместные действия, реализуя право на получение информации о деятельности корпорации, посредством акционерного соглашения. Указанный договор позволяет акционерам объединять волю и усилия для достижения цели при осуществлении удостоверенных акциями прав. Условие может считаться согласованным при выражении воли сторон, позволяющем вполне определенно установить предмет верификации, до необходимой степени конкретизации перечня и видов запрашиваемой информации или документов.

Представляется, что для исключения в дальнейшем споров акционерам следует предусмотреть в тексте соглашения правило о письменном согласовании формы и способа осуществления контроля, деловой цели, которую преследуют данные участники корпорации при проверке финансово-хозяйственной деятельности общества. При этом в юридической литературе справедливо отмечается, что акционерным соглашением не может быть ограничено право акционера на получение информации по сравнению с

законодательными актами¹. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения вытекающих из соглашения обязательств по осуществлению контроля акционерным соглашением может быть предусмотрено наступление ответственности сторон.

Вместе с тем непонятно стоит ли рассматривать акционерное соглашение как объединение различных пакетов акций, удостоверяющих те самые акционерные права, для установления особого порядка реализации которых и заключается договор между участниками хозяйственного общества? Подразумевается ли при этом консолидация объема корпоративных прав? Согласно п. 5 ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» право доступа к документам бухгалтерского учета и протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа дает обладание не менее чем 25% акций. Другими словами, будет ли иметь правовое значение для целей осуществления контроля, что совместно стороны акционерного соглашения обладают более чем 25% голосующих акций?

С одной стороны, кажется, что в подобных вопросах нет никакого смысла. Зачем еще предусматривать возможность объединиться с другим участником хозяйственного общества на основании акционерного соглашения при реализации права на информацию, как ни для получения дополнительных преимуществ, достижения цели контроля, которые без такого объединения недостижимы? В том числе получив право распоряжаться в совокупности необходимым пакетом акций корпорации, дающим возможность осуществлять воплощенные в этих акциях права. Ученые-правоведы также отмечают, что акционеры дополнительно регулируют свои отношения посредством заключения акционерных соглашений ввиду недостаточной гибкости российского корпоративного законодательства, существенно ограничивающего возможности членов корпораций².

¹ Кабанова И.Е. Указ. соч. С. 25.

² См.: Вавулин Д.А., Федотов В.Н. Правовые основы акционерного соглашения // Право и экономика, 2009. № 8. С. 21–24. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Справедливость такого вывода до реформирования корпоративного законодательства¹ не вызывала никаких сомнений. Пункт 1 статьи 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» прямо предусматривал обязанность общества предоставить доступ к определенному перечню документов, отражающих хозяйственную деятельность корпорации, акционеру или акционерам, обладающим *в совокупности* не менее 25% голосующих акций.

В юридической литературе того периода прямо высказывалось мнение о том, что право на информацию может быть реализовано акционером как самостоятельно, так и посредством консолидации доли участия в хозяйственном обществе. Э.М. Романова отмечала, что «субъектами права на информацию, предоставление которой ставится в зависимость от прохождения имущественного барьера, могут быть акционеры, обладающие установленным количеством голосующих акций как единолично, так и в совокупности»².

Позиция законодателя и ученых находит подтверждение в соответствующей правоприменительной практике³. Так из материалов дела следует, что акционерное общество отказало группе участников данного общества в предоставлении конкретных документов, мотивируя отказ тем, что на момент направления запроса и исполнения указанного в нем требования ни один из акционеров в указанной группе не владел 25% акций. За непредоставление акционерам, владеющим в совокупности более чем 25% голосующих акций, общество было привлечено к административной ответственности по ч.1 ст.15.19 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, назначено наказание в виде штрафа в размере 500 000 рублей. Арбитражный суд Московского округа отказал в

1 *Федеральный закон* от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // *Рос. газета*. 2017. № 172.

2 *Романова Э.М.* Указ. соч. С. 21.

3 *Постановление* Президиума ВАС РФ от 22 мая 2012 г. № 16803/11 по делу № А40-43149/11-121-290 // *Вестник ВАС РФ*. 2012. № 10.

удовлетворении кассационной жалобы акционерного общества на действия административного органа. Правоприменитель исходил из того, что поскольку участники хозяйственного общества имеют право совместно обратиться к обществу с требованием о предоставлении информации, то необходимое количество акций для реализации контрольного правомочия должно определяться исходя из суммы принадлежащих членам корпорации акций в совокупности¹.

По указанному делу суд также отклонил довод акционерного общества об отсутствии обязанности предоставить информацию акционерам, поскольку последние не представили ни акционерное соглашение, ни иной документ, подписанный непосредственно участниками общества и подтверждающий согласование их воли. Правоприменитель обратил внимание на отсутствие у общества оснований для неисполнения соответствующего требования его участников, поскольку надлежащим выражением воли акционеров следует признать совместное заявление о предоставлении информации о деятельности корпорации.

С принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»², установившего новый порядок предоставления информации участникам хозяйственных обществ, вопрос о возможности консолидации объема корпоративных прав акционеров для целей осуществления контроля требует, на наш взгляд, нового анализа.

Начнем с того, что изменилась формулировка нормативного правила о возможности осуществления акционерами совместного информационного контроля. Теперь п. 5 ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» предусматривает право доступа к документам бухгалтерского

1 *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2017 г. по делу № А40-162324/16-148-972 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Федеральный закон* от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // *Российская газета*. 2017. № 172.

учета акционера (акционеров), владеющего не менее чем 25% акций. Предыдущая редакция, как мы уже отмечали, содержала требование о наличии у акционеров (акционера) в совокупности не менее 25% акций общества. Таким образом законодатель исключил из текста закона прямое указание на возможность сложения принадлежащих участникам долей в капитале общества для целей совместной реализации права на информацию. Возникает вопрос о причинах внесенных поправок. Подразумевает ли новая формулировка также возможность консолидации корпоративных прав, тем самым расширяя контрольные возможности миноритарных акционеров, или исключает ее?

Справедливости ради заметим, что пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ указывает на то, что законопроект был рожден в целях защиты прав акционеров на информацию о деятельности хозяйствующего общества, обеспечения прозрачности корпоративных отношений. Авторы отмечают практику необоснованных отказов участникам хозяйственных обществ в предоставлении доступа к документам корпорации. А первоначальный вариант законопроекта предусматривал возможность объединения пакетов акций участников хозяйственного общества при осуществлении контроля. Однако после прохождения процедур чтений и правок текст итогового варианта законопроекта, принятого в качестве закона, свидетельствовал о том, что вектор информационной реформы в корпоративном законодательстве изменил свое направление. Можно с уверенностью заключить, что действующая редакция Федерального закона «Об акционерных обществах» существенно ограничила возможности миноритариев в получении доступа к документам корпорации.

¹ *Первое* название законопроекта – проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизмов реализации прав участников хозяйственных обществ на информацию». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558976-5>. (дата обращения: 01.05.2021).

Несмотря на внесение изменений в текст рассматриваемого закона, правоприменитель также продолжает использовать старую формулировку правовой нормы. Так Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала в определении по делу со ссылкой на п. 5 ст. 91 Федерального закона «Об акционерных обществах», что получить доступ к бухгалтерской отчетности хозяйственного общества и протоколам заседаний коллегиального исполнительного органа вправе акционеры (акционер), имеющие в совокупности не менее 25% голосующих акций¹. Аналогичная формулировка встречается в многочисленных судебных решениях².

Представляет, что акционерное соглашение все еще рассматривается как легитимный способ преодоления установленных пределов реализации участником хозяйственного общества права на информацию и среди ученых. В литературе можно встретить рекомендации миноритарным участникам хозяйственных обществ заключать акционерные соглашения с целью защиты корпоративных права, в том числе по поводу обмена информацией³. Однако справедливость таких категоричных рассуждений вызывает определенные сомнения.

Особое значение соглашение между участниками хозяйственного общества имеет в условиях корпоративного конфликта. С одной стороны, акционерное соглашение для целей осуществления контроля может являться средством преодоления недобросовестного поведения менеджмента компании, блокирующего доступ члена общества к определенной информации.

1 *Определение* Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2020 г. по делу № 305-ЭС20-4519, А40-144859/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 5 ноября 2019 г. № Ф05-19024/2019 по делу № А40-207684/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 февраля 2020 № Ф03-6150/2019 по делу № А51-9236/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 8 февраля 2019 г. № Ф07-3/2019 по делу № А26-6829/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Саликов Д.А. Право акционера на информацию: новеллы законодательства // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 4. С. 111.

С другой стороны, может потенциально таить в себе угрозу злоупотребления контрольными полномочиями.

Как видится, акционер, получивший обоснованный отказ в предоставлении информации в связи с нарушением установленных законодательством процедурных правил реализации контрольных полномочий (запрос одних и тех же документов в течение 3 лет, требование обеспечить доступ к информации о деятельности общества за период, когда он не являлся акционером) может использовать акционерное соглашение для преодоления установленных ограничений, направленных на обеспечение баланса интересов и защиту контролируемой стороны от произвольного вмешательства в хозяйственную самостоятельность и злоупотребления контрольными полномочиями. Указанный вывод подтверждается правоприменительной практикой¹.

В запросе о предоставлении доступа к документам корпорации миноритарный акционер (акционеры), имеющий в собственности менее 25% акций компании, должен указать деловую цель, с которой он истребует у общества соответствующую информацию. Объединив же на основании корпоративного договора имеющиеся пакеты акций до установленной пороговой совокупной доли участия в корпорации, акционеры уже не будут обязаны обосновывать свой законный интерес в получении сведений о деятельности компании. Тем самым исключается возможность акционерного общества оценить степень риска в связи с предоставлением своим участникам запрашиваемой информации. В том случае, когда интересы хозяйственного общества, мажоритарных акционеров и миноритариев противоположны, такое акционерное соглашение может создать преимущество для удовлетворения интересов миноритарных акционеров, иной раз в ущерб интересам всей корпорации.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 июля 2018 г. № Ф03-3014/2018 по делу № А51-22982/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В большинстве случаев злоупотребление правом происходит со стороны миноритарных акционеров, на что обращает внимание Е.В. Чернокальцева. Злоупотребление правом мажоритарными акционерами, по мнению ученого, выражается, как правило, в действиях самого акционерного общества¹. Нельзя, конечно, однозначно утверждать, что, если заключение акционерного соглашения позволяет миноритарным акционерам не обосновывать свой интерес в получении соответствующей информации, то такой договор участников хозяйственного общества однозначно направлен против интересов корпорации. Вместе с тем любая концепция правового регулирования должна быть в первую очередь непротиворечивой. Ограничение миноритариев в ознакомлении с документами, отражающими финансово-хозяйственную деятельность общества, с одновременным предоставлением контрольных правомочий мажоритариям имеет целью не допустить злоупотреблений со стороны первых, поскольку такие действия негативно отражаются на интересах всей корпорации.

Считаем, практику преодоления миноритарными акционерами установленных законодательных или локальных пределов для доступа к информации о деятельности общества на основании заключенного соглашения следует признать порочной.

Полагаем, главным аргументом против должен выступить не тот факт, что акционерное соглашение не рождает никаких новых прав у его участников, которых бы не существовало у них (акционеров) по-отдельности. Все же предусмотренные пороговые значения для доступа к информации устанавливаются не само контрольное правомочие, а условия его реализации. Вместе с тем участники хозяйственного общества не должны иметь возможность в документе, являющемся обязательным лишь для его сторон, устанавливать иные условия реализации права на информацию в противовес закону или уставу компании. В первую очередь это будет противоречить

¹ Чернокальцева Е.В. Злоупотребление правом акционерами: понятие и формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Спб., 2011. С. 4.

направленности реформы корпоративного законодательства, предусмотревшей ужесточенные требования к порядку и основаниям доступа к сведениям о хозяйственной деятельности общества, призванной сократить случаи злоупотреблений со стороны миноритарных акционеров при реализации информационных прав.

Таким образом, опосредованный контроль участников корпораций может быть общим или специальным. Общий опосредованный контроль предполагает, что акционер реализует свое контрольное правомочие, делегируя его таким же участникам товарного оборота, как и он. Делегирование контрольных правомочий одними участниками корпорации другим – не должно влечь увеличение объема предоставленных законом контрольных полномочий.

При опосредованном специальном контроле проверочная деятельность осуществляется специально образованными участниками гражданского оборота: органами юридического лица (общее собрание участников корпорации, наблюдательный совет, ревизионная комиссия) и аудитором. Необходимость в привлечении для осуществления контроля третьих лиц продиктована потребностью управомоченного лица в обладании определенными профессиональными знаниями, навыками со стороны контролирующего лица для производства полной и эффективной проверки деятельности корпорации. Специально образованные для этих целей контролирующие лица участвуют в отношении в качестве самостоятельных субъектов, наделяются самостоятельными правами и обязанностями.

ГЛАВА 3. КОНТРОЛЬНЫЕ ПРАВОМОЧИЯ УЧАСТНИКОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Непосредственный контроль участников обязательств

Договор выступает основной формой активности участников гражданско-правовых отношений, занимает главенствующее место среди оснований возникновения субъективных прав и обязанностей. Договорные обязательства – классический пример относительных гражданско-правовых отношений. Именно в IV разделе ГК РФ «Отдельные виды обязательств» законодатель чаще всего употребляет термин «контроль» и его производные.

Установление благоприятных для активной экономической деятельности условий рынка, провозглашение действующим ГК РФ принципа свободы договора, расширение системы договорных моделей имеет и негативные последствия. Нестабильность гражданско-правовых договоров и, как следствие, гражданского оборота является одной из проблем российского гражданского права. Недействительными, незаключенными признается большое количество сделок. Е.В. Богданов отмечает, что в условиях конкуренции, экономической несвободы и неравенства участники гражданского оборота вступают в договорные отношения не как партнеры, а как противники, антагонисты: продавец намерен продать товар подороже, а покупатель – купить подешевле¹. Каждый из участников договора склонен ставить свои собственные интересы выше интересов контрагента. Выработать действенные правовые механизмы удовлетворения законных интересов всех участников гражданско-правовых отношений и является задачей цивилистической науки.

Стоит признать, что договорное право не всегда дает участнику обязательственного правоотношения адекватные средства защиты против

¹ Богданов Е.В. Проблемы нестабильности гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 45.

недобросовестного поведения контрагента. Когда субъект вынужден прибегать к средствам защиты своих нарушенных или оспоренных субъективных прав, теряется вся ценность гражданского правоотношения. Зачастую необходимость в защите возникает, когда цель правоотношения уже вовсе недостижима. Поэтому особенно важно разрабатывать не столько средства защиты, сколь правовые средства, направленные на обеспечение нормального развития правоотношения, достижения цели обязательства и удовлетворение законных интересов его участников. В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации также говорится о необходимости проведения на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора с целью обеспечения стабильности гражданского оборота и исключения защиты интересов его недобросовестных участников (п. 7.1)¹.

В связи с указанными обстоятельствами определение особенностей контроля в обязательствах, принципов и пределов его осуществления приобретает особое значение. *Контроль, с одной стороны, направлен на обеспечение соблюдения законных интересов управомоченного лица и нормального развития правоотношения, с другой, позволяет своевременно установить факт нарушения, инициировать защиту нарушенного субъективного права.*

Понятие договора можно рассматривать с трех точек зрения: как основание возникновения правоотношения; как само правоотношение, возникшее из этого основания и, наконец, как форму, которую соответствующее правоотношение принимает. Следует согласиться с О.С. Иоффе, что для всестороннего ознакомления с сущностью договора, он должен быть изучен во всех своих ипостасях². Нас же в ходе исследования интересует, главным образом, порожаемое договором правоотношение,

¹ *Одобрена* решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2008 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

² *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 2002. С. 75.

особенности его содержания. Объем и характер контроля зависят от природы субъективного права, на соблюдение которого и направленно предоставленное лицу контрольное правомочие. Таким образом, для того чтобы выяснить особенности реализации контрольных правомочий управомоченным лицом, как элемента определенного субъективного права, необходимо отталкивать от системы более высокого порядка, составной частью которой и является защищаемое субъективное право – обязательства. Предстоит выяснить, насколько будет иметь свои особенности контроль, осуществляемый в конкретном виде обязательства. *Права и обязанности контрагентов зависят от конкретного договорного типа, поэтому выявлять закономерности осуществления участниками сделки контроля за соблюдением их интересов, на наш взгляд, необходимо исходя из системы договоров.*

В философской литературе система определяется как целостное множество взаимосвязанных элементов. Исследование того или иного объекта как системы предполагает, во-первых, наличие множества элементов, рассматриваемых в качестве единиц анализа; во-вторых, взаимосвязанность этих элементов с обязательным присутствием системообразующих связей, обеспечивающих целостность системы; в-третьих, иерархичность строения, выражающуюся в понимании этой системы как элемента системы более высокого уровня¹.

Построение накопленных знаний по системным принципам способствует глубокому и всестороннему изучению объективной действительности во взаимосвязи всех ее элементов. Правильно выстроенная система позволяет обнаружить наиболее значимые сходства и различия между ее элементами, механизмы функционирования всей системы. Данное утверждение справедливо и для системы гражданско-правовых договоров. Рассмотрение контрольных правомочий участников обязательств, исходя из выработанного в цивилистике подхода к договорной системе, позволит

¹ Философская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1970. Т. 5. С. 19.

выявить закономерности непосредственного контроля, осуществляемого в рамках определенной группы обязательственных правоотношений.

В юридической литературе всегда широко обсуждался вопрос о том, экономические или юридические признаки лежат в основе построения договорной системы. Одни авторы считают, что договоры необходимо классифицировать по экономическим факторам¹; другие видят в качестве системного признака исключительно правовую характеристику договора²; третьи отмечали, что система обязательств «может быть построена лишь на основе использования комбинированного классификационного критерия, соединяющего экономические и соответствующие юридические признаки»³. Каждый из подходов имеет развернутую систему аргументации, но единая позиция не сложилась.

Договорное правоотношение одновременно характеризуется несколькими признаками, имеющими самостоятельное нормообразующее значение. Это и цель, преследуемая сторонами при заключении договора, и характер предмета договора, и особенности субъектного состава, и ряд других факторов. Каждый из них может служить основой для самостоятельной классификации. Основная проблема состоит в выборе того единственного основания, которое должно быть положено в основу деления.

По мнению Ю.В. Романца основную роль в регулировании играют права и обязанности, отражающие цель правоотношения (конечный экономический и юридический результат, к которому стремятся стороны), – передача имущества в собственность, предоставление во временное пользование объектов гражданских прав, выполнение работ и оказание услуг, замена лица в обязательстве и т.д. Поэтому направленность обязательства на достижение определенного результата следует рассматривать как главный системный

1 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Спарк, 1995. С. 316.

2 Гордон М.В. Система договоров в советском гражданском праве // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 5. 1954. С. 69–70.

3 М.И. Брагинский отмечал, что в конечном счете причины юридических особенностей определенных видов договоров следует искать в свойствах соответствующих экономических явлений (См.: Брагинский М.И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск: Наука и техника, 1967. С. 26–27).

фактор. Все остальные признаки, как правило, лишь уточняют регулирование, обусловленное направленностью¹.

Представляется, что наделение субъекта гражданско-правового отношения контрольными правомочиями направлено на обеспечение интересов участников правоотношения и, в конечном счете, достижение цели обязательства. Поэтому целесообразно рассматривать непосредственный контроль в договорах, которые систематизированы именно по признаку направленности обязательства. Таким образом, можно будет выявить закономерности и особенности осуществления контроля в зависимости от направленности результата в договоре.

Многие ученые исходят из того, что направленность обязательства является стержневым признаком в построении договорной системы². Однако понимается он ими не одинаково и построенные на основе данного критерия системы имеют существенные различия. В частности, О.Г. Ершов предлагает рассматривать направленность «как внутреннее проявление воли лица, сформированной под влиянием развития сторонних отношений по совершению действий, образующих содержание обязательства»³.

В результате такого деления О.А. Красавчиков получил четыре больших группы обязательств: обязательства, направленные на передачу имущества; обязательства, направленные на оказание услуг; обязательства, направленные на выполнение работ; обязательства, направленные на передачу денег⁴. Однако очевидно, что четвертая группа обязательств отличается не направленностью результата, а особым объектом договора. По этому поводу данную систему справедливо критикует М.И. Брагинский⁵.

1 Романец Ю.В. Указ. соч. С. 49.

2 Гордон М.В. Указ. соч. С. 69–70; *Гражданское право*: В 4 т. Том 3: Обязательственное право: отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 21.; Ершов О.Г. В поисках критерия формирования системы гражданско-правовых договоров // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 1. С. 49.

3 Ершов О.Г. Там же. С. 50.

4 Красавчиков О.А. Вопросы системы Особенной части ГК РСФСР // Вопросы кодификации советского законодательства: сборник статей. Свердловск, 1957. С. 127.

5 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения (Книга 1). С. 398.

В современной юридической литературе также высказываются точки зрения, не учитывающие приоритетности признака направленности. Для контрактного (договорного) права Канады, например, характерно формирование системы договоров исходя из той области общественных отношений, где они применяются¹. Договоры займа, кредита, банковского вклада и банковского счета объединяют в одну группу с договором финансирования под уступку денежного требования. Это объясняется тем, что в обмене материальными благами участвует финансовый институт (банк или иное лицо), специально созданный рынком для осуществления кредитования и расчетов в безналичной форме, что придает таким отношениям определенную самостоятельность².

М.И. Брагинский считает несостоятельными попытки классифицировать договоры путем однопорядкового деления. Используя в качестве системообразующего критерия также принцип «направленности гражданско-правового результата», автору удалось все выделенные в ГК РФ договоры разделить на четыре группы. В отличие от Ю.В. Романца, О.С. Иоффе, В.А. Рясенцева, у которых получилась скорее типология или инвентаризация обязательств (7, 9 и 12 отдельных групп соответственно).

Типология договоров, предложенная М.И. Брагинским, наиболее удачно способствует выявлению закономерностей непосредственного контроля в договорных обязательствах. Рассмотрение непосредственного контроля сквозь призму данной типологии способствует выявлению общих черт соответствующей деятельности в сходных по природе и правовому регулированию обстоятельствах, и, как следствие, несет существенный правотворческий и правоприменительный потенциал. Поэтому для дальнейшего рассмотрения вопроса о контрольных полномочиях участников обязательств мы берем за основу данную систему договоров.

¹ Симаева Е.П. Система договорного (контрактного) права в России и Канаде: сравнительно-правовой анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1. С. 116.

² Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 1. С. 421, 422.

Итак, М.И. Брагинский выделил четыре основные группы договоров, направленные: 1) на передачу имущества; 2) выполнение работ; 3) оказание услуг; 4) учреждение различных образований¹.

Рассмотрим контроль, осуществляемый управомоченным лицом в обязательствах, направленных на передачу имущества. Как правило, имущество, выступающее объектом данных договоров, существует на момент заключения соглашения между сторонами. Указанное обстоятельство обуславливает интерес лица в проведении верификации еще на преддоговорной стадии или в момент непосредственной передачи имущества. На основании полученной в ходе проверки информации управомоченный субъект принимает решение о вступлении в гражданско-правовое отношение на определенных условиях, изменении условий договора.

Особый интерес в свете вопроса о предварительном контроле вызывают сделки с недвижимостью, среди которых на первом месте стоит договор купли-продажи жилых помещений. Это связано не только с высокой стоимостью объекта собственности и как следствие привлекательностью таких отношений для недобросовестных лиц, но и противоречивой правоприменительной практикой, складывающейся в данной области.

В юридической литературе высказываются предложения установить нормативное правило об обязательной предварительной проверке продаваемого жилого помещения. При этом авторы ссылаются на положительный пример зарубежных стран². Полагаем, формулирование условия о контроле в нестандартной обязывающей форме не исключит его диспозитивный характер. Как показывает практика, проверка, производимая на основании таких законодательных предписаний, в большинстве случаев также сводится к визуальному осмотру предмета сделки.

Контрольные правомочия участника договора купли-продажи недвижимого имущества следуют из специальных норм, предусматривающих

¹ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения (Книга 1). С. 399.

² Шевчук Д.Ф. Указ. соч. С. 168.

особый порядок наступления последствий за передачу помещения ненадлежащего качества (ст. 557 ГК РФ). Правоприменительная практика свидетельствует, что положения указанной статьи могут быть применимы только в том случае, если стороны в договоре однозначно оговорили требования к качеству объекта недвижимости¹. Принятие покупателем недвижимости, не соответствующей условиям договора купли-продажи, не является основанием для освобождения продавца от ответственности за ненадлежащее исполнение договора (п. 2 ст. 556 ГК РФ). При этом законодатель не ставит наступление данных юридических последствий в зависимость от факта надлежащего отражения уполномоченным лицом выявленных недостатков в документе, подтверждающем передачу имущества.

Таким образом, в одной группе обязательств, направленных на передачу имущества, обнаруживаем правовые нормы, предусматривающие различные последствия отражения в передаточном документе недостатков имущества. С одной стороны, кодифицированный гражданский закон содержит в п. 2 ст. 556 однозначное положение, согласно которому принятие покупателем недвижимого имущества, не соответствующего условиям договора продажи недвижимости, в том числе предположительно в случае, когда недостатки оговорены, не является основанием для освобождения продавца от ответственности. С другой стороны, согласно п. 2 ст. 612 ГК РФ арендодатель не отвечает за недостатки сданного в аренду имущества, которые были оговорены при заключении договора, были заранее известны арендатору или должны были быть обнаружены последним во время осмотра имущества, проверки его исправности.

Обнаружение недостатков при приемке имущества, когда договор уже подписан, позволяет арендатору на основании п. 1 ст. 612 кодифицированного законодательства требовать изменения условий договора, устранения недостатков (возмещения расходов на их самостоятельное устранение) или

¹ Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 18 мая 2006 г. № Ф04-2757/2006 по делу № А70-7766/32-2004 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

расторжения договора. Поскольку обязанность вносить арендную плату возникает у арендатора лишь с момента передачи ему имущества, контроль в данном обязательстве также как и при заключении договора страхования или кредита направлен на предупреждение возможных убытков, ущемления интересов управомоченного лица.

Вероятно, такой подход законодателя был обусловлен конечной целью передачи имущества, которую преследуют стороны правоотношения. Так договор купли-продажи опосредует возникновение у покупателя права собственности на переданное имущество. Собственник принимает на себя бремя всех расходов по содержанию имущества, находящего в его собственности, риски случайной гибели вещи, причинения вреда третьим лицам от использования данного имущества. Вполне естественно желание покупателя, чтобы выявленные дефекты товара были устранены. У арендатора же возникает только право пользования имуществом. Поскольку правовые нормы ст. 616 ГК РФ, определяющей обязанности сторон по содержанию арендованного имущества, являются диспозитивными, условиями договора расходы на текущий и капитальный ремонт могут быть всецело возложены на арендодателя. Кроме того, договор аренды является срочным. По истечении определенного срока, арендатор возвратит имущество арендодателю.

Очевидно, что сам процесс передачи имущества по акту имеет своей целью отражение объективного состояния имущества на момент его передачи, в том числе его недостатков. При этом заботясь о подробном описании выявленных дефектов, управомоченное на осуществление контроля лицо может вовсе и не быть заинтересовано в их устранении. Так при аренде данная процедура фиксации недостатков передаваемого по договору имущества направлена, в первую очередь, на подтверждение того факта, что недостатки уже существовали, а не возникли в ходе использования вещи арендатором.

В договоре купли-продажи, в случае обнаружения отклонений от условий договора о товаре, покупатель также не обязательно будет заинтересован в их устранении. Например, п. 2 ст. 466 ГК РФ

предусматривает, что в случае передачи товара в количестве, превышающем указанное в договоре, покупатель обязан известить об этом отклонении от условий договора продавца в порядке, предусмотренном для извещения о ненадлежащем исполнении договора. Получение товара в большем количестве должно быть зафиксировано в документе, подтверждающем передачу товара. Если в разумный срок после извещения продавец не распорядится излишками товара, покупатель вправе по общему правилу принять весь товар. Таким образом, фиксация отклонения от условий договора в передаточном документе, будет иметь целью не заявление претензий об устранении выявленных недостатков или уменьшения покупной цены, а подтверждения факта получения большего количества товара и определения на этом основании дальнейших расчетов с продавцом.

Возможность требовать устранения выявленных при приемке товара недостатков, на наш взгляд, не всегда обоснована. Особенно хорошо это проявляется при покупке товара бывшего в употреблении, в том числе недвижимости. Закономерно, что большая часть недвижимого имущества приобретается на вторичном рынке. В связи с этим покупатель морально готов к тому, что у приобретаемого помещения будут определенные недостатки, обусловленные амортизационными и временными изменениями. Насколько в такой ситуации справедливо после осмотра и приема недвижимости с внесением обнаруженных явных недостатков в передаточный акт возлагать обязанность по их устранению на продавца.

Представляется, что безусловная ответственность продавца недвижимости за недостатки переданного товара, умаляет права такого лица по сравнению с другими участниками товарного оборота и нарушает известные принципы ответственности в гражданском праве. Поскольку недостатки были точно известны покупателю на момент приемки, что подтверждается актом, вести речь о наличии злого умысла у продавца и намеренном сокрытии дефектов товаров не приходится. В том числе учитывая, что принцип свободы при заключении договора предоставляет покупателю возможность проверить

товар на соответствие своим интересам. Принятие товара подтверждает, что кредитор оценил его состояние и нашел его удовлетворительным для своих целей с учетом назначения имущества.

Кроме того, несмотря на однозначность формулировки правовой нормы п. 2 ст. 556 ГК РФ, сама правоприменительная практика по данному вопросу противоречива. Правоприменитель не всегда оставляет за рамками юридической оценки тот факт, носят ли выявленные недостатки скрытый характер, или были легко визуализированы и имели внешние проявления в момент передачи недвижимого имущества. В числе прочего Восьмой арбитражный апелляционный суд, например, ссылается на то, что в акте приема-передачи недвижимого имущества зафиксировано, что покупатель осведомлен о техническом состоянии объекта¹. Наблюдается явное несоответствие законодательства о контроле в договоре купли-продажи недвижимости и соответствующей правоприменительной практики.

Развитие информационных технологий и глобальная информатизация общества способствуют появлению все новых средств предварительного контроля. Законодатель предоставляет участнику гражданско-правового отношения возможность осуществлять преддоговорную верификацию посредством обращения к информационным системам и базам данных, в том числе через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

С целью проверки юридического состояния предмета будущего договора создан реестр уведомлений о залоге движимого имущества. Согласно п. 1 ст. 353 ГК РФ в случае перехода прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу в результате возмездного или безвозмездного отчуждения этого имущества залог сохраняется. Исключение составляют случаи, когда заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога (пп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ).

¹ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 сентября 2014 г. № 08АП-9309/2014 по делу № А75-638/2014

Проверка наличия сведений о подлежащем передаче по условиям будущего договора движимом имуществе в реестре уведомлений о залоге направлена на предупреждение вступления в правоотношение с недобросовестным залогодержателем или залогодателем. Получить указанную информацию можно самостоятельно посредством обращения к сети «Интернет» (сведения находятся в открытом и бесплатном доступе), либо обратившись к нотариусу за краткой выпиской из реестра¹. Надлежащий предварительный контроль позволяет исключить или существенно минимизировать случаи реализации заложенного движимого имущества, многократное «закладывание» одной и той же вещи.

Гражданское законодательство не предусматривает обязательный порядок учета залога движимого имущества путем направления соответствующего уведомления нотариусу. Согласно Концепции развития гражданского законодательства образуемая система учета залогов движимого имущества должна была иметь информационный, а не правоустанавливающий характер, и защищать права третьих лиц. Перед заключением договора залога или аренды движимого имущества, потенциальный залогодержатель, арендатор имеют объективный интерес в получении дополнительной информации о предмете будущего договора. По общему правилу, отсутствие в реестре записи о залоге исключает возможность залогодержателя ссылаться на принадлежащее ему право в отношениях с третьими лицами (п. 4 ст. 339.1 ГК РФ).

Согласно позиции правоприменителя помимо формальной проверки приобретатель должен исходить из адекватной оценки складывающейся в момент заключения сделки ситуации, позволяющей судить о том, находится ли приобретаемое имущество в залоге. Так Высший Арбитражный суд Российской Федерации разъяснил, что судить о добросовестности покупателя можно лишь с учетом обстоятельств приобретения заложенного имущества:

¹ Ст. 103.7 *Основ законодательства Российской Федерации о нотариате*, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 г. // *Российская газета*. 1993. № 49.

был ли вручен приобретателю первоначальный экземпляр документа, свидетельствующего о праве владельца на продаваемое имущество, либо его дубликат; имелись ли на имуществе в момент его передачи приобретателю знаки о залоге¹.

Последующий залог или передача заложенного имущества во временное владение или пользование третьим лицам без согласия залогодержателя не влечет недействительность такой сделки, что подтверждается правоприменительной практикой². В случае нарушения залогодателем правил о последующем залоге, отчуждении или предоставлении заложенного имущества во временное владение или пользование, применяются положения п. 2 ст. 351 ГК РФ. Залогодержатель вправе потребовать досрочное исполнение обеспеченного залогом обязательства, а если его требование не будет удовлетворено обратиться с иском на заложенное имущество.

Законодатель гарантирует дополнительную защиту прав добросовестных последующего залогодержателя и приобретателя заложенного имущества. Пункт 3 ст. 3425 ГК РФ предоставляет такому залогодержателю право требовать от залогодателя возмещения убытков причиненных несообщением сведений о существующих залогах имущества. Согласно п. 10 ст. 342.1 ГК РФ требования залогодержателя, обеспеченные залогом, запись об учете которого совершена ранее, удовлетворяются преимущественно перед требованиями залогодержателя, обеспеченными залогом того же имущества, запись об учете которого не совершена в установленном законом порядке или совершена позднее, независимо от того, какой залог возник ранее. Возмездное приобретение заложенного имущества лицом, которое не знало и не должно было знать, что имущество является предметом залога, является основанием прекращения залога (пп. 2 п. 1 ст. 352

¹ Статья 25 *Постановления* Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2017 г. № 08АП-14496/2016 по делу № А75-9087/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ГК РФ). При этом права лиц, получивших имущество во временное владение или пользование, которые на момент заключения сделки не знали и не должны были знать о том, что данное имущество является предметом залога, остались без внимания законодателя.

Согласно п. 4 ст. 346 ГК РФ в случае обращения залогодержателем взыскания на заложенное имущество вещные права, право, возникающее из договора аренды, иные права, возникающие из сделок по предоставлению имущества во владение или в пользование, которые предоставлены залогодателем третьим лицам без согласия залогодержателя, прекращаются с момента вступления в законную силу решения суда об обращении взыскания на заложенное имущество или, если требование залогодержателя удовлетворяется без обращения в суд (во внесудебном порядке), с момента возникновения права собственности на заложенное имущество у его приобретателя при условии, что приобретатель не согласится с сохранением указанных прав. На практике залогодержатели не выражают желание сохранить указанные права, обременяющие приобретенное имущество. Такой подход нарушает баланс интересов, способствует возникновению у третьих лиц, которые пользовались имуществом, дополнительных непредвиденных расходов. Поскольку по общему правилу переход права собственности на имущество не прекращает обременяющих его прав третьих лиц, необходимо предусмотреть в ГК РФ дополнительную защиту прав добросовестных пользователей заложенного имущества.

Считаем целесообразным внести изменения в п. 4 ст. 346 ГК РФ, дополнив его следующим абзацем: *«Права, возникающие из сделок по предоставлению залогодателем без согласия залогодержателя имущества во владение или в пользование третьим лицам, которые не знали и не должны были знать о существовании залога, могут быть прекращены в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом для прекращения бессрочного договора данного вида».*

Закон о контрактной системе предусматривает ведение реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей). Данный реестр содержит сведения об участниках закупок, уклонившихся от заключения контрактов либо контракты с которыми расторгнуты по решению суда или в порядке одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным нарушением ими условий контрактов. Таким образом, реестр недобросовестных поставщиков является своеобразным способом фиксации отрицательной деловой репутации участников закупки. Намереваясь заключить договор, лицо стремится найти надежного контрагента с хорошей репутацией. Информация о низком уровне деловых качеств участника товарного оборота способна серьезно ограничить и даже полностью заблокировать его деятельность.

Нередко реестр недобросовестных поставщиков рассматривается как мера защиты гражданских прав участников контрактных отношений, сочетающая в себе регулятивные и предупредительные функции, выражающаяся в юридическом акте признания государством указанного участника или заказчика, не выполняющего надлежащим образом свои обязательства¹. Однако стоит согласиться с О.А. Беляевой, что прямого отношения к защите прав заказчиков, чьи интересы уже нарушены недобросовестным поведением поставщика, данный реестр не имеет². Включение в реестр сведений о нерадивом поставщике не приводит ни к восстановлению нарушенного права, ни к компенсации вызванных данным нарушением потерь. К тому же вряд ли можно рассматривать данное неблагоприятное последствие как самостоятельную меру ответственности исполнителя по контракту, поскольку заказчик может и не воспользоваться информацией, находящейся в реестре недобросовестных поставщиков. Правоспособность поставщика оказывается ограниченной только в том

1 Шмелева М.В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 13.

2 Беляева О.А. Контрактная система: основные проблемы правоприменения и пути их преодоления // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 42.

случае, если требование об отсутствии информации об участнике закупки в реестре будет предусмотрено закупочной документацией. Согласно ч. 1.1. ст. 31 Закона о контрактной системе установление данного требования является правом заказчика, а не обязанностью.

На наш взгляд, довольно точно отметил Б.И. Пугинский на X Международной научно-практической конференции «Проблемы ответственности в современном праве», что внесение в реестр является реализацией информационной функции юридической ответственности¹. Государственные (муниципальные) закупки осуществляются для обеспечения федеральных, региональных и муниципальных нужд, связаны с перемещением больших денежных масс из бюджетов. В связи с этим заказчик имеет особый интерес в том, чтобы убедиться в надежности потенциального контрагента. Ведение реестра недобросовестных поставщиков обеспечивает возможность для заказчика сократить риски возможного наступления неблагоприятных последствий от заключения контракта.

Публичность сведений, находящихся в реестре недобросовестных поставщиков, позволяет осуществлять проверку хозяйствующих субъектов любым намеревающимся вступить в договорные отношения лицам. Данные реестра находятся в открытом и бесплатном доступе в сети Интернет. Однако польза такой возможности ставится учеными под сомнение, поскольку таит угрозу необоснованных отказов от заключения договора с попавшим в реестр субъектом. Так В.В. Кванина прямо называет реестр недобросовестных поставщиков способом причинения вреда деловой репутации исполнителя по контакту².

Надо признать, публичность реестра недобросовестных поставщиков является естественным решением. Учитывая характер гражданско-правовых отношений, было бы недопустимо наделить дополнительными контрольными

¹ Кирпичев А.Е. Неисполнение муниципального контракта: правовые последствия для муниципального образования и должника // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 8. С. 33.

² Кванина В.В. Реестр недобросовестных поставщиков как способ диффамации предпринимателей // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 4. С. 88.

возможностями только государственных (муниципальных) заказчиков, предоставив им доступ к сведениям, содержащимся в реестре недобросовестных поставщиков. При этом стоит согласиться с учеными-цивилистами, для того чтобы реестр не превратился в средство злоупотребления, учет поставщиков должен осуществляться только после установления фактов, подтверждающих их недобросовестность¹.

С 1 января 2017 года вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»², объединивший кадастровый учет недвижимости и государственную регистрацию права на нее в единую систему регистрации и учета – Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН). Лицо, намеревающееся заключить сделку по поводу недвижимости, имеет возможность получить информацию о существующих правах на конкретное недвижимое имущество, ограничениях таких прав и обременении имущества. Согласно п. 1 ст. 62 указанного закона сведения, содержащиеся в ЕГРН, предоставляются по запросам любых лиц, в том числе посредством использования различных технических средств связи. Публичность данных ЕГРН дает основание полагать, что система государственной регистрации прав на недвижимость организована не столько ради собственников имущества, сколько в целях обеспечения интересов их контрагентов, в том числе потенциальных.

Перейдем к рассмотрению договоров, направленных на безвозмездную передачу имущества. Наличие контрольных правомочий у участников обязательств, направленных на передачу имущества, обосновано и объясняется, в том числе, их возмездной природой. Передавая деньги в обмен на приобретение права собственности или права пользования имуществом, субъект заинтересован в том, чтобы осуществить предварительную проверку качества приобретаемой вещи. Существует ли такой интерес в

1 Кванина В.В. Указ. соч. С. 88.

2 Российская газета. 2015. № 156.

преддоговорной проверке у лица в безвозмездных сделках, направленных на передачу имущества, и какова его природа?

Гражданское законодательство напрямую не предусматривает возможность одаряемого осуществлять предварительный контроль. Как видится, верификация (проверка) невозможна и по моральным соображениям. Дарение выступает выражением доброй воли дарителя и чаще всего подразумевает помимо гражданско-правовых существование особых личностных отношений между сторонами. Ю.Г. Лескова вовсе отмечает, что волеизъявление дарителя на безвозмездную передачу имущества связано с намерением облагодетельствовать одаряемого и не вытекает из экономических отношений сторон сделки¹. Однако подобные рассуждения при всей их справедливости, на наш взгляд, не выходят за рамки обыденных представлений о договоре дарения.

Встречаются ситуации, когда правообладание подаренным имуществом не приносит необходимых преимуществ одаряемому. Так справедливо замечание О.С. Иоффе на этот счет: «...учитывая характер забот и расходов по содержанию имущества, полученного в дар, не всякое дарение может оказаться приемлемым для одаряемого, а, следовательно, с этой точки зрения требует его согласия»². Например, если по договору дарения передается вещь с так называемыми юридическими дефектами (обременения правами третьих лиц, ущербность титула и т.д.). Указанные недостатки способны оказать существенное негативное влияние на имущественное положение одаряемого.

Договорная ответственность дарителя ограничена рамками общих правил об исполнении обязательств (ст. 393 ГК РФ). А.Л. Маковский подчеркивает, что после принятия имущества одаряемый может предъявить требование о возмещении причиненного ему реального ущерба только, если договором были прямо предусмотрены условия о количестве, качестве

¹ Лескова Ю.Г. Договор дарения в Гражданском кодексе: история становления и развития в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 530.

² Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 394.

даримого имущества, отсутствии на него прав у третьих и т.д.¹ По общему правилу ответственность для дарителя наступает в случае его вины (п. 1 ст. 401). Таким образом, предварительный контроль выступает необходимой гарантией соблюдения законных интересов одаряемого и является справедливым для обеих сторон. *Возможность одаряемого осуществлять предварительный контроль целесообразно закрепить на законодательном уровне.*

Согласно п. 3 ст. 693 ГК РФ ссудодатель не отвечает за недостатки вещи, которые были им оговорены при заключении договора, либо были заранее известны ссудополучателю, либо должны были быть обнаружены ссудополучателем во время осмотра вещи или проверки ее исправности при заключении договора или при передаче вещи. Правоприменитель исходит из буквального толкования данной нормы². Ссудодатель освобожден от ответственности за любые явные недостатки вещи, в том числе препятствующие ее нормальному использованию. Принятие вещи будет свидетельствовать о должном контроле с его стороны и удовлетворенности состоянием передаваемого имущества.

Предварительный контроль в договоре безвозмездного пользования имеет важное значение для обеспечения соблюдения законных интересов ссудополучателя. Согласно п. 1 ст. 691 ГК РФ ссудодатель обязан предоставить вещь в состоянии, соответствующем условиям договора безвозмездного пользования и ее назначению. Исходя из буквального толкования данной нормы права, можно предположить, что ссудополучатель имеет возможность требовать передать ему указанную в договоре вещь и передать ее в определенном сторонами состоянии. Однако, несмотря на то, что кредитор по данному обязательству действительно вправе предъявлять требования к состоянию передаваемого имущества, возможности требовать от

1 Маковский А.Л. Дарение (глава 32) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель. Москва: Издательство Международного центра финансово-экономического развития, 1996. С. 308.

2 Постановление ФАС Московского округа от 25 августа 2000 г. по делу № КГ-А40/3694-00 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должника самой передачи вещи он лишен в силу прямого указания закона. Согласно ст. 692 ГК РФ при отказе ссудодателя передать вещь ссудополучателю, последний может рассчитывать только на расторжение договора и возмещение понесенного им реального ущерба. При этом наступление убытков еще надо доказать. Таким образом, ссудополучатель до передачи ему вещи лишен возможности координировать поведение должника. Как видится, ссудополучатель может только отказаться принимать имущество, состояние которого не соответствует условиям договора и назначению вещи. Реализуя контрольные полномочия на преддоговорной стадии, ссудополучатель предупреждает возможные негативные последствия использования вещи с выявленными недостатками, обременительное ее содержание.

Анализ гражданского законодательства и судебной практики позволяет сделать вывод об общей природе преддоговорного контроля в возмездных и безвозмездных обязательствах, направленных на передачу имущества. Контроль осуществляется посредством инициативной деятельности управомоченного субъекта. По общему правилу предоставление запрашиваемых сведений или объекта сделки для оценки его состояния не вменяется в обязанность потенциального контрагента.

Реализуя контрольные полномочия на преддоговорной стадии, участники обязательств предупреждают возможные негативные последствия использования вещи с выявленными недостатками, обременительное ее содержание. Уклонение тем или иным способом от предварительного контроля может служить основанием лишь для отказа заключить с данным лицом договор.

Исключением является розничная купля-продажа. Статья 502 ГК РФ и ст. 25 Закона о защите прав потребителей предусматривают право покупателя-гражданина на обмен товара надлежащего качества в течение четырнадцати дней после покупки. Потребитель вправе обменять недовольственный товар надлежащего качества на аналогичный, если товар не подошел по

форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации. При этом законодатель не ставит право приобретателя обменять товар в зависимости от надлежащего осуществления последним проверки соответствия товара своим реальным потребностям до заключения договора розничной купли-продажи.

Согласно п. 1 ст. 495 ГК РФ продавец должен предоставить покупателю необходимую и достоверную информацию о товаре, предлагаемом к продаже. Непредставление предусмотренной законом информации потребителю может повлечь ответственность продавца в виде обязанности возместить причиненные покупателю убытки (п. 3 ст. 495 ГК РФ). Преддоговорная ответственность продавца в данном случае связана с потребительским характером правоотношения розничной купли-продажи. А.Е. Шерстобитов объясняет это тем, что «гражданин рассматривается в качестве потребителя не только, если он приобретает товары, но и имеет намерение приобрести их»¹.

Поскольку договор розничной купли-продажи является публичным договором, покупатель является обязанным заключить сделку с каждым, кто к нему обратиться, не отдавая предпочтений одному лицу перед другим. Необоснованный отказ лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, от его заключения в соответствии с п. 3 ст. 426 ГК РФ не допускается. Не имея возможность получить необходимую информацию о товаре, покупатель не в состоянии в полной мере оценить полезные (вредные) свойства товара и сделать осознанный выбор, удовлетворив свои потребности. В таких условиях свобода покупателя при заключении договора розничной купли-продажи существенно ограничивается, что недопустимо. Поэтому непредставление потребителю возможности незамедлительно в месте продажи получить информацию о товаре расценивается как необоснованное уклонение продавца от заключения договора.

Непредставление информации или конкретного объекта материального мира (транспортное средство, квартира) для осуществления

¹ Гражданское право: В 4 т. Том 3: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2005. С. 284.

управомоченным лицом преддоговорной проверки следует расценивать как уклонение от заключения сделки. Не имея возможность осуществить проверочные мероприятия, оценить будут ли соблюдены его интересы, участник товарного оборота, скорее всего, откажется от вступления в правоотношение. Поведение лица, отказывающегося в осуществлении контроля, при этом не обязательно должно свидетельствовать о его недобросовестных намерениях. Основополагающий гражданско-правовой принцип свободы договора подразумевает, что лицо свободно в выборе контрагента, в том числе потенциального, с которым вступит в преддоговорные отношения. Вместе с тем, нельзя исключать возможность того, что участник товарного оборота ищет неосмотрительного контрагента, который откажется от контроля и не обнаружит явные недостатки.

Ученые-цивилисты все чаще затрагивают в своих работах вопрос осуществления контрольных правомочий лицом еще до фактического вступления в правоотношение, поскольку предварительный контроль позволяет сократить риск несоответствия будущего правоотношения потребностям лица, управомоченного на осуществление контроля за соблюдением его законных интересов. Многие из них склоняются к необходимости развития и ужесточения института предварительного контроля. Ряд авторов высказывают мнение о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, устанавливающих прямую обязанность регистрации права безвозмездного временного пользования¹, права пользования жилым помещением по завещательному отказу² и договору ренты³ как серьезных обременений недвижимого имущества. Как видится данные авторы предполагают, что внесение подобных изменений в законодательство будет способствовать обеспечению прав управомоченного лица на получение более полной информации об объекте договора.

1 *Гражданское право*: в 2 т. Т 2: в 2 полутомах. Полутом 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. С. 241; Ибрафиллов И. Безвозмездное пользование недвижимым имуществом // *Законность*. 2000. № 12. С. 42.

2 *Шевчук Д.Ф.* Указ. соч. С. 165.

3 *Безик Н.В., Безик К.С.* Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями отказополучателями и получателями ренты // *Сибирский юридический вестник*. 2016. № 1. С. 50.

Резюмируя, можно отметить, что добросовестному участнику товарного оборота следует быть осмотрительным и подробно согласовывать с будущим контрагентом требования к качеству передаваемого имущества в тексте договора, для того чтобы обеспечить соблюдение своих интересов. Представляется, что общие фразы о том, что имущество должно быть передано в хорошем состоянии не позволят в дальнейшем доподлинно установить, на что конкретно была направлена воля сторон.

Помимо предварительного контроля, законодатель также предоставляет участнику договоров, направленных на передачу имущества, возможность осуществлять гражданско-правовой контроль на стадии исполнения обязательства. Так арендодатель имеет возможность следить за использованием арендатором имущества в соответствии с условиями договора и назначением такого имущества (п. 3 ст. 615 ГК РФ), поддержанием имущества в исправном состоянии (п. 2 ст. 616 ГК РФ). Как правило проверка сводится к внешнему осмотру помещения и находящихся в нем предметов согласно установившейся практике при передаче арендной платы раз в месяц.

Как показывает анализ правоприменительной практики, дарители зачастую неверно толкуют норму о возможной отмене дарения в случае угрозы безвозвратной утраты переданного имущества. Под таким поведением дарители понимают действия одаряемого по реализации дара. Подобные иски суд справедливо оставляет без удовлетворения, поскольку одаренное лицо приобретает все правомочия собственника, в том числе право распоряжения подаренным имуществом¹. Если исходить из того, что даритель намеревался увеличить имущественную массу конкретного лица, то в случае смерти гражданина или ликвидации (реорганизации) организации, данное имущество исключалось бы из наследуемой (конкурсной) массы и подлежало возвращению дарителю. Суды последовательны в том, что перечень

¹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 20 сентября 2012 г. по делу № 33-8822/2012 // КонсультантПлюс;

оснований для отмены договора дарения, указанный в ст. 578 ГК РФ является исчерпывающим. Поэтому заявления дарителя о том, что одаренный субъект не производит ремонт подаренного имущества являются несостоятельными¹.

Последующий контроль невозможен со стороны дарителя еще и в силу того, что договор является безусловным. Передача или отменена дара не может быть связана с каким-либо условием по моральным соображениям. Иначе страдает сам смысл дарения.

Предполагается, что заключая договор дарения, даритель осознает содержание данного договора и его последствия, в том числе то обстоятельство, что передаваемое имущество выбывает из его владения и переходит безвозвратно к одаряемому лицу. Попытки сохранить за собой возможность осуществлять контроль содержания имущества, являющегося уже собственностью одаряемого, на наш взгляд, представляют собой недопустимое вмешательство в частные дела другого лица. Включение данных условий в текст договора дарения следует признать ничтожными.

В юридической литературе также признается возможность осуществления в договоре дарения последующего контроля уже после передачи имущества одаряемому лицу. Речь идет о такой особой разновидности дарения как пожертвование. В частности, п. 1 ст. 582 ГК РФ гласит, что «пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях». Именно присутствие условия целевого использования имущества и порождает у авторов мысль о предоставлении дарителю контрольных правомочий, направленных на проверку соблюдения контрагентом данного условия².

При этом нормативная регламентация контроля в договоре пожертвования сводится к указанию на обязанность принявшего

¹ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 2 июля 2014 по делу № 33-3305/2014 // «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Московского городского суда от 14 февраля 2014 г. по делу № 33-2873 // «КонсультантПлюс»

² См.: *Комиссарова Е.Г.* О договоре пожертвования денежных средств на формирование целевого капитала // *Власть закона.* 2012. № 1. С. 83; *Маковский А.Л.* Дарение (глава 32) // *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель.* Москва: Издательство Международного центра финансово-экономического развития, 1996. С. 422.

пожертвование юридического лица вести обособленный учет всех операций по использованию данного имущества (п. 3 ст. 582 ГК РФ). Процедурные вопросы осуществления проверки законодатель оставил на усмотрение сторон договора пожертвования.

Условие о контроле является диспозитивным. Несоблюдение данного условия, по общему правилу, не влечет недействительности основного обязательства. Так Арбитражный суд города Москвы и Девятый арбитражный апелляционный суд пришли к выводу о правомерности отмены договора пожертвования ввиду несоблюдения лицом, в пользу которого осуществлено пожертвование, требования о предоставлении отчетности об использовании пожертвованного имущества. Кассационная и надзорная инстанция отменили решения нижестоящих судов, т.к. непредставление жертвователю отчетности о расходовании денежной суммы пожертвования само по себе не свидетельствует об использовании пожертвования не по назначению, указанному в договоре¹. Аналогичная позиция отражена в других судебных решениях².

На наш взгляд, законодательно установленная обязанность вести учет целевого использования пожертвования продиктована потребностями налогового учета, а не необходимостью защиты частного интереса жертвователя. Чаще всего споры возникают между организациями, в отношении которых оформлено пожертвование, и налоговыми органами. В случае, если передача в безвозмездное пользование или дарение имущества, приобретенного за счет средств пожертвования, не соответствует назначению целевого поступления, доход в виде стоимости полученного имущества должен быть включен в налоговую базу по налогу на прибыль на основании п. 14 ст. 250 Налогового кодекса Российской Федерации. Отчет о целевом использовании полученных средств представляется налогоплательщиками в

1 *Определение* ВАС РФ от 18 февраля 2013 г. № ВАС-1175/13 по делу № А40-42066/12-11-389 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Апелляционное определение* Московского городского суда от 18 июня 2015 г. № 33-20883/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

листе 07 «Отчет о целевом использовании имущества (в том числе денежных средств), работ, услуг, полученных в рамках благотворительной деятельности, целевых поступлений, целевого финансирования» налоговой декларации по налогу на прибыль организаций¹.

Таким образом, приходим к выводу, что контроль в договоре пожертвования оказался слабо обеспечен. Неисполнение обязанности отчитываться перед жертвователем не влечет и не может влечь недействительность договора дарения или иные неблагоприятные последствия для лица, в пользу которого было осуществлено пожертвование. Практика сложилась такая, что жертвователь не имеет возможность потребовать в принудительном порядке реализации его законного интереса в проверке целевого использования пожертвованного имущества. В результате без обеспеченного надлежащим образом контроля условие о цели является простой декларацией и утрачивает всякий смысл. В связи с изложенным полагаем следует внести дополнения в ст. 582 ГК РФ, прямо предусмотрев, что лицо, принявшее пожертвование должно подтвердить перед дарителем целевое использование полученного имущества. Сейчас она направлена на обеспечение публичных, а не частных интересов участников гражданского правоотношения. Подробное согласование на основании данной нормы в договоре способа, времени получения такой информации поможет избежать недопустимого вмешательства в хозяйственную деятельность одаряемого при осуществлении последующего контроля.

В сделках, направленных на передачу имущества, контроль может осуществляться на всех стадиях развития обязательства. Законодатель большие контрольные возможности предоставляет лицу, передающему деньги в качестве исполнения по договору. Поскольку подтвердить (отследить) движение денежных средств в современном мире, где

¹ Приказ ФНС России от 23 сентября 2019 г. № N ММВ-7-3/475@ «Об утверждении формы налоговой декларации по налогу на прибыль организации, порядка ее заполнения, а также формата представления налоговой декларации по налогу на прибыль организаций в электронной форме» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

большинство финансовых операций совершается путем безналичных расчетов проще, чем доказать в каком состоянии было передано имущество.

Перейдем к рассмотрению контроля, осуществляемого в обязательствах, направленных на выполнение работ. Здесь основной интерес для заказчика представляет приемка промежуточных и окончательных результатов произведенных подрядчиком работ. Целью контроля в данной группе обязательств является возможность оценить еще до принятия всего объема подрядных работ перспективы надлежащего исполнения договора.

Не вызывает сомнений, что именно на стадии исполнения гражданско-правового обязательства контроль участника правоотношения за соблюдением его законных интересов реализуется в наибольшей степени, чем это имеет место на иных стадиях развития обязательства.

Согласно общему правилу, закрепленному в ст. 715 ГК РФ заказчик вправе осуществлять проверку во всякое время. А.Е. Шерстобитов справедливо отмечает, что проверка хода и качества выполняемых подрядчиком работ является одной из форм контроля заказчика за процессом изготовления, переработки (обработки) вещи или выполнения другой работы, т.е. за производственным процессом¹. Данному праву заказчика корреспондирует обязанность подрядчика. Так правоприменитель прямо ссылается на то, что подрядчик должен обеспечить заказчику возможность проведения беспрепятственного контроля за ходом и качеством изготовления каждой единицы товара, поставляемого по договору².

Реализация контрольных правомочий может заключаться в проверке соблюдения установленных сроков и темпа выполнения работы, качества используемых материалов, соблюдения обязательных требований к способу выполнения работы (п. 2 ст. 715, п. 2 ст. 704, п. 3 ст. 703, ст. 721, п. 5 ст. 723 ГК РФ). Указанная возможность оценить перспективы надлежащего исполнения

¹ См. Шерстобитов А.Е. Комментарий к статье 715 ГК РФ // Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / И.В. Бандурина, А.В. Демкина, Л.Г. Ефимова [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011. Т. 2. 421 с.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2015 г. № Ф05-9373/2015 по делу № А40-115777/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

договора подряда имеет принципиальное значение для обеспечения интересов заказчика. Так, наличие контрольных правомочий у заказчика в договоре строительного подряда рассматривается в качестве безусловного преимущества перед договором участия в долевом строительстве¹.

Работа, невыполненная в установленный срок может и вовсе потерять актуальность. В связи с чем законодатель и предусмотрел право заказчика отказаться от исполнения договора в одностороннем порядке, если станет очевидно, что работа не будет выполнена вовремя (п. 2, 3 ст. 715 ГК РФ). Все это приводит к мысли о том, что контроль может, если это предусмотрено договором, осуществляться не только на стадии приемки результата выполнения работ, но и непосредственно в процессе ее выполнения, поскольку деятельность заказчика также направлена на достижение цели обязательственного правоотношения.

Особую роль контролю О.Г. Ершов отводит в случае консервации объекта строительства. Автор отмечает значимость установления подлинного состояния объекта строительства перед возобновлением строительных работ, что позволит сторонам договора подряда наметить объем строительных работ в соответствии с выявленными недостатками, согласовать смету до введения объекта в эксплуатацию².

Контроль не является существенным условием договора подряда. Вместе с тем, согласование порядка, способа, времени, места осуществления проверки позволит в будущем избежать возможных споров между сторонами. Стоит особо отметить, что указание в договоре на ограничение или лишение заказчика права осуществлять контроль за ходом и качеством выполнения работ подрядчиком является недопустимым, нарушающим баланс интересов сторон правоотношения. Несогласование в тексте договора условия о контроле также не должно лишать заказчика законной возможности

¹ Лавров В.В. Природа прав дольщиков на объект долевого строительства // Опыты цивилистического исследования: сборник статей. М.: Статут, 2016. С. 173–196.

² Ершов О.Г. Договор строительного подряда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. С. 8–9, 22.

осуществлять проверку. В таком случае должны действовать правила, обычно применяемые при схожих условия. В противном случае создавалось бы положение худшее, чем предусматривает законодатель для соблюдения интересов слабой стороны правоотношения, что недопустимо.

Согласование условия о контроле в тексте договора подряда направлено на определение тех вопросов, по которым предполагается осуществление проверки, установление допустимых форм проверки, порядка и сроков осуществления контроля. Сторонам рекомендуется не пренебрегать этим моментом при установлении договорных условий. Практическая значимость сводится к тому, что несогласование конкретных направлений, по которым будет осуществляться контроль способно повлечь недопустимое вмешательство в самостоятельную хозяйственную деятельность подрядчика. Так правоприменитель установил, что кредитор без предварительного уведомления исполнителя по договору, действуя самостоятельно, своими силами и в своем интересе, взял на себя обязанность подрядчика по выполнению определенного объема работ. При этом подрядчик от выполнения этой части работ не отказывался. Суд заключил, что своими действиями заказчик безосновательно вмешался в самостоятельную деятельность подрядчика¹. Схожее мнение обнаруживается в других судебных решениях².

Указывая на специфику подрядных отношений и статуса подрядчика, очень точное замечание, влияющее на представление о контроле заказчика за соблюдением его законных интересов в данном обязательстве, делают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский: «...осуществление контроля со стороны заказчика не должно конкурировать с другим признаком подряда –

1 *Постановление* ФАС Центрального округа от 21 марта 2007 г. по делу № А14-5808/2006/258/112 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* ФАС Поволжского округа от 05 июня 2008 г. по делу № А65-28047/07 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

самостоятельным выбором подрядчиком способов выполнения задания заказчика»¹.

В литературе особо отмечается «самостоятельность подрядчика», как независимость при выполнении работы и решении всех связанных с работой вопросов в согласованных договорных пределах². Подрядчик, обладая опытом и специальными знаниями в требуемой отрасли, по своему усмотрению организует работу. В противном случае теряется смысл всякой правовой связанности, поскольку для того, чтобы выполнить работу своими силами не требуется заключение договора. Именно самостоятельность подрядчика позволяет ему принимать на себя риски, связанные с незавершением или ненадлежащим выполнением работ.

Следует разграничивать реализацию контрольных правомочий и вмешательство в хозяйственную деятельность подрядчика. Контроль осуществляется с целью оперативного выявления допущенных отклонений при выполнении подрядчиком работы, чтобы потребовать их устранения, что позволит подрядчику исполнить договор надлежащим образом. Поэтому, если в ходе проверки станет очевидным, что выбранный подрядчиком способ выполнения работ не позволит достичь согласованных в договоре результатов, не приведет к надлежащему исполнению обязательства, заказчик может применить по отношению к контрагенту предусмотренные ст. 715 ГК РФ меры воздействия. Наоборот, дача подрядчику указаний относительно способа осуществления работы, при достижении необходимых критериев качества, будет нарушать установленные пределы осуществления контроля.

Отсутствие легально установленных границ вмешательства заказчика в хозяйственную самостоятельность подрядчика порождает возможность широкого толкования данного явления в доктрине и судебском усмотрении при правоприменении. В юридической литературе отмечается

1 Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. М., 2002. Кн. 3. С. 62.

2 См.: Никитин А.В. Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 94–100.

недопустимость выполнения заказчиком части или всей работы подрядчика или привлечения для этой цели третьего лица; дачи указаний относительно последовательности выполнения работы или порядке использования материалов; заявления требования о выполнении дополнительных несогласованных работ¹. В связи с чем ученые высказываются за необходимость определения в законе общих признаков вмешательства в хозяйственную деятельность. Вместе с тем предлагая такое решение, авторы не формулируют те самые общие пределы вмешательства в хозяйственную деятельность контрагента, ограничиваясь рассмотрением отдельных случаев такого вмешательства.

Особое внимание также необходимо уделить согласованию сроков контроля. Причем под этим понимается не только допустимая периодичность проверки, но и сроки заявления претензий и указаний по результатам проверки, а также сроки ответа подрядчика.

Ненадлежащее исполнение обязательства строительного подряда со стороны подрядчика как исполнителя работ позволяет заказчику применить меры оперативного реагирования и имущественные санкции. Фактически речь идет о мерах ответственности, которые могут быть возложены на неисправного должника в соответствии со ст. 723 ГК РФ.

Сама возможность применения к контрагенту в процессе контроля определенных мер воздействия выражает превентивную функцию контроля. Такая функция предупреждения наступления неблагоприятных последствий и является главенствующей. Ответственность подрядчика предполагает и направлена на обеспечение и восстановление законных интересов заказчика.

На сегодняшний день, несмотря на довольно однозначное изложение нормативного правила, самым спорным продолжает оставаться вопрос о составлении акта по результатам проверки и последствиях принятия отдельного этапа работы, всего ее объема без составления акта или без

¹ См.: *Грабко О.В.* Гражданско-правовой контроль по российскому праву. С. 58; *Куличев Р.Б.* Указ. соч. С. 19–24.

указания в нем на выявленные недостатки. Очевидно, что сторонам не стоит пренебрегать таким вопросом в тексте договора. Все специалисты единогласно рекомендуют согласовывать способ фиксации верификации и ее результатов, а также не пренебрегать при самой проверке подробной фиксацией всех выявленных недостатков.

Законодатель, по общему правилу, исходит из признания утраты права заказчика заявлять претензии относительно явных недостатков работы, которые могли быть установлены при обычном способе приемки результатов работы, если контроль не осуществлялся надлежащим образом (п. 2, 3 ст. 720 ГК РФ). Однако правоприменительная практика по этому вопросу не столь однозначна.

Судебная коллегия по гражданским делам отклонила доводы ответчика о том, что работа выполнена с нарушениями, поскольку из переписки с истцом следует, что каких-либо замечаний к проекту у ответчика при приемке не имелось, что подтверждает выполнение проектных работ и достижение цели обязательства, в связи с чем оснований для освобождения ответчика от оплаты выполненных истцом работ не имеется¹. В развитие указанной позиции суды отмечают, что акт последующей проверки не может повлиять на права и обязанности сторон правоотношения, т.к. данный документ не будет подтверждать ненадлежащее исполнение договора².

Вместе с тем суды, ссылаясь на позицию Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации³, так же исходят из того, что наличие акта приемки работ, подписанного обеими сторонами без замечаний и возражений, не лишает в последующем заказчика возможности предъявлять претензии относительно качества и не является препятствием к применению ст. 723 ГК РФ, предусматривающей ответственность подрядчика за

1 Апелляционное определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 04 июня 2020 г. по делу № 33-3690/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04 июня 2020 г. № Ф01-10034 по делу № А11-7072/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Пункт 12, 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ненадлежащее качество выполненных работ¹. При этом оговорку по поводу отклонений, которые должны были быть визуализированы при обычном способе приемке, в подобных судебных решениях можно встретить не так часто².

Сложно согласиться с оправданностью последней точки зрения, поскольку именно в договоре подряда заказчик имеет возможность осуществлять контроль в процессе выполнения работы во всякое время. В связи с чем становится непонятным, почему, учитывая такие значительные возможности для реализации контрольных правомочий, правоприменитель не требует от заказчика должной степени заботливости и осмотрительности при приемке работ, в процессе которой он должен установить посредством всех зависящих от него мер соответствие выполненных работ договору.

Правовая норма не должна в своей основе иметь противоречивые установки, порождая тем самым неоднозначное поведение участников гражданских отношений и бессистемную правоприменительную практику. Совершение лицом действий, способных дать основание контрагенту считать сделку действительной, должно расцениваться судом как недобросовестное поведение управомоченного лица. Так, судами действия лица, которое приняло исполнение, но ссылаясь на недействительность сделки не представляет встречное исполнение, расценивается как злоупотребление правом³.

Приемка результатов выполненных работ без заявления претензий к качеству должна подтверждать не только сам факт проверки, но и удовлетворение ее результатами, в итоге свидетельствовать об исполнении договора. Осуществление надлежащего контроля выступает неким условием

1 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 февраля 2019 г. № Ф10-1503/2018 по делу № А84-309/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 сентября 2018 г. № Ф03-3304/2018 по делу № А73-3602/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 июля 2017 г. № Ф02-3516/2017 по делу № А33-59/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2014 г. № Ф09-5249/14 по делу № А60-41396/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

добросовестности заказчика, проявлением предусмотрительности и сознательности с его стороны.

Несообщение подрядчику конкретных замечаний относительно объема и качества выполненных работ, отраженных в акте приемки, влечет обязанность заказчика оплатить эти работы. Действия заказчика, осуществившего приемку без претензий, но не предоставляющего подрядчику встречное исполнение, ссылаясь на явные недостатки выполненных работ, следует в такой ситуации рассматривать как злоупотребление правом. Неоднозначная правоприменительная практика потворствует созданию подобных ситуаций.

Возможной видится ситуация, когда приемка ввиду большого объема выполненных работ не будет означать принятие его без замечаний. Тогда сторонам необходимо предусмотреть разумный срок на осуществление проверки и заявление претензий относительно явных недостатков. Но в таком случае данное условие должно быть однозначно согласовано в самом договоре. В противном случае должны действовать нормативные предписания.

Общие положения о контроле в подрядных отношениях распространяются и на отдельные договоры подряда, если законом не установлено иное. Так норма, определяющая предмет контроля в строительном подряде, является диспозитивной, в связи с чем заказчик может предусмотреть в самом договоре дополнительные вопросы, подлежащие контролю.

В первую очередь, рассуждая о контроле в строительном подряде, обращает на себя внимание смешение понятий «контроль» и «надзор», применяемых для оценки как частных, так и публичных отношений. Использование обоих терминов при конструировании норм ст. 748 ГК РФ является избыточным. В литературе не раз отмечалось, что регламентация в одной статье кодифицированного закона контрольной и надзорной функции

заказчика, а также последствий реализации таких правомочий нельзя назвать удачным решением¹.

В частных отношениях, основанных на гражданско-правовом договоре, при регулировании верификационной деятельности управомоченного лица, направленной на координацию поведения должника с целью обеспечения надлежащего исполнения обязательства, касающейся применения мер оперативного воздействия и гражданско-правовой ответственности, речь следует вести о контроле.

Вызывают определенные сомнения правоприменительная практика и взгляды ученых-цивилистов относительно зависимости потери возможности ссылаться на недостатки, которые могли быть выявлены обычным способом во время верификации, от того является ли контроль в договоре строительного подряда правом или обязанностью лица. Так, суд не принял во внимание довод подрядчика о том, что заказчик не вправе заявлять претензии относительно явных недостатков в работах, поскольку должен был обнаружить их при обычном способе приемке. Правоприменитель обосновал такое решение тем, что осуществление контроля является правом заказчика, а не его обязанностью².

Безусловно, стоит согласиться с тем, что на участника данного правоотношения может быть возложена обязанность в части контроля за ходом и качеством работ. О.Г. Ершов отмечает, что в случае осуществления строительства на основании договора обязанность строительного контроля может быть возложена на застройщика или технического заказчика, поскольку они должны в обязательном порядке уведомлять органы государственного строительного надзора о возникновении аварийной ситуации на объекте (ст. 53 Градостроительного кодекса Российской Федерации)³. Обязанность осуществлять проверку обусловлена публичными началами в строительстве,

1 См.: Куличев Р.Б. Указ. соч. С. 19–24.

2 Постановление ФАС Поволжского округа от 09 апреля 2010 г. № А06-2296/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Ершов О.Г. Контроль и надзор за выполнением строительных работ. С. 33.

необходимостью обеспечения прав третьих лиц. Указанная обязанность возникает в том случае, когда речь идет о подписании актов скрытых работ, связанных с безопасностью строения в процессе эксплуатации. Автор полагает, что вести речь об утрате подрядчиком, ненадлежащим образом выполнившим работу, права ссылаться на отсутствие контроля со стороны заказчика по смыслу п. 4 ст. 748 ГК РФ возможно, когда осуществление контроля не вменено в обязанность последнему.

Однозначный подход, исключаящий возникновение правовых последствий неосуществления (ненадлежащего осуществления) проверки, если контроль является правом заказчика, а не его обязанностью, нельзя считать оправданным по нескольким основаниям.

Во-первых, в обязательстве строительного подряда заказчик может проверять ход и качество выполнения работ во всякое время. Текущий контроль направлен на координацию действий подрядчика и предупреждение возможных недостатков. Получение необходимого управомоченному на осуществление верификации лицу результата, в том числе достижение цели обязательства, зависит от его инициативы в организации контрольных отношений. Предоставление же заказчику возможности осуществлять контроль за деятельностью подрядчика без известного риска наступления неблагоприятных последствий лишается всяческого стимулирующего эффекта.

Во-вторых, указанный подход нарушает баланс интересов участников строительного подряда и ставит контролируемое лицо в заранее невыгодное положение. У контролируемого лица также должны присутствовать гарантии обеспечения его прав.

В-третьих, подрядчик должен выполнить работы с надлежащим качеством, чтобы результат был пригоден для использования в целях, оговоренных договором, или общих целях, предусмотренных для использования такого вида результатов работ (ст. 721 ГК РФ). Учитывая хозяйственную самостоятельность подрядчика, его профессионализм,

осуществление работ с недостатками не лишает заказчика права заявить претензии во время приемки результатов работ, что подтверждается правоприменительной практикой¹.

В обязательствах, направленных на оказание услуг, интерес кредитора в осуществлении контроля связан с тем, что правоотношения должника с третьими лицами вызывают для управомоченного лица определенные последствия имущественного характера. Принципиальное развитие в указанных сделках получили предварительный и текущий контроль.

Согласно п. 1 ст. 944 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска).

Действующее законодательство позволяет страховщику получать информацию о состоянии здоровья страхователя или страхуемого им лица под угрозой незаключения договора страхования или досрочного прекращения его действия в одностороннем порядке при сообщении заведомо ложных сведений (ст. 944 ГК РФ). Однако риск неизвестности страхователю имеющих существенное значение обстоятельств возлагается на страховщика.

Законодатель уточняет, что существенными признаются по крайней мере те обстоятельства, которые страховщик определенно оговорил в договоре страхования. Данное уточнение приводит к значительному расширению принимаемых страховщиком на себя рисков, что подтверждается правоприменительной практикой. Так Президиум Московского городского суда пришел к выводу, что несообщение страхователем сведений о состоянии здоровья, которые не были прямо запрошены страхователем в стандартной форме договора страхования (страховом полисе) или в его предварительном

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12 февраля 2019 г. № Ф10-1503/2018 по делу № А84-309/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 сентября 2018 г. № Ф03-3304/2018 по делу № А73-3602/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

письменном запросе, не является основанием для отказа в выплате страхового возмещения¹.

В соответствии с п. 2 ст. 945 ГК РФ страховщик наделен правом при заключении договора личного страхования провести обследование страхуемого лица для оценки фактического состояния его здоровья. Страховые организации в развитие данного положения включают в тексты правил и договоров страхования положение о прохождении предварительного медицинского освидетельствования страхователем.

В кредитных обязательствах предварительному контролю посвящен институт кредитных историй. По данным Центрального банка Российской Федерации по состоянию на 26 марта 2021 г. на рынке зарегистрировано 9 организации, оказывающих услуги по формированию, обработке и хранению кредитных историй². Использование сведений, аккумулированных бюро, стало неотъемлемой частью оценки кредитного качества заемщика и принятия соответствующего решения о выдаче кредита, позволяя банкам минимизировать риски невозврата кредита. Вывод банка на основании предварительной верификации о том, что сумма кредита не будет возвращена в срок является самостоятельным и достаточным основанием для отказа лицу в предоставлении кредита, что подтверждается правоприменительной практикой³.

Профессиональный участник рынка не может необоснованно отказать потребителю во вступлении в гражданско-правовое отношение, в заключении договора. Поэтому законодатель напрямую регулирует возможность таким лицам осуществлять предварительный контроль в тех обязательствах, которые связаны с повышенным риском, с его непосредственной оценкой и определении на этом основании условий будущего договора. Контрольные

1 *Постановление* Президиума Московского городского суда от 09 августа 2013 г. по делу № 44г-85/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Государственный реестр бюро кредитных историй* // URL.: <https://www.cbr.ru/ckki/?PrId=restri> (дата обращения: 28.03.2021 г.)

3 *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 07 апреля 2017 г. № Ф0-18362/2017 по делу № А65-16624/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мероприятия направлены на обеспечение нормального развития будущего правоотношения, реализации интересов управомоченного лица и стабильности гражданского оборота.

После заключения договора, контроль в рассматриваемой группе обязательств может быть связан с целевым характером сделки. Пункт 1 ст. 814 ГК РФ предусматривает прямую обязанность заемщика обеспечить возможность займодавцу проверять соблюдение условия целевого использования займа. Нарушение заемщиком корреспондирующей праву кредитора на контроль обязанности позволяет последнему отказаться от дальнейшего исполнения договора (п. 2 ст. 814 ГК РФ). В юридической литературе справедливо отмечается, что возможность применения указанного нормативного правила напрямую зависит от факта согласования цели обязательства в тексте договора¹.

Несмотря на то, что законодатель не акцентирует внимание на самой цели кредитного обязательства, будучи включенным в текст соглашения данное условие приобретает правовое значение, обеспечивая контрольные полномочия кредитора. При этом из анализа соответствующей правоприменительной практики следует, что цель должна быть определена вполне конкретно, а не абстрактными формулировками. Так суд пришел к выводу, что указание в тексте договора на то, что заем предоставляется в целях развития производства, не свидетельствует о согласованности цели и как следствие не обеспечивает возможность осуществления контроля управомоченным лицом².

Аналогичные правила предусмотрены для договора целевого кредита, предоставляя возможность банку отказать от дальнейшего кредитования заемщика в случае нарушения последним обязанностей, связанных с целевым использованием заемных средств (п. 3 ст. 821 ГК РФ). Так суд отказал в удовлетворении исковых требований, признав обоснованным отказ кредитора

1 Грабко О.В. Гражданско-правовой контроль в российском праве. С. 76.

2 Постановление ФАС Московского округа от 30 ноября 2010 г. № КГ-А41/14404-10 по делу № А41-10138/10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в выдаче очередного транша в связи с нецелевым расходованием предоставленных по кредитному договору денежных средств. Из материалов дела следует, что стороны заключили кредитный договор, указав целевое направление использования предоставленной банком суммы – строительство автосалона. Однако за истекший период времени никаких строительных, подготовительно-восстановительных работ на объекте недвижимости не производилось, параметры (площадь, качество инженерно-технического обеспечения) указанного объекта не изменились. Указанные обстоятельства подтверждают акты осмотров объекта недвижимости¹.

Нормативная регламентация контроля в данных договорах на этом заканчивается. Законодатель оставляет вопрос определения способов, форм и сроков верификации на усмотрение сторон. Вместе с тем, несогласование указанных условий в тексте договора целевого займа не может служить основанием для отказа заемщика в обеспечении возможности займодавцу осуществить надлежащий контроль, что подтверждается правоприменительной практикой². Представляется, что в таком случае конкретные форма и способ проверки могут быть избраны кредитором, в том числе исходя из обычно предъявляемых требований к такому контролю. Как правило, контроль осуществляется в документальной форме или фактической проверке результатов работ, на которые предполагалось целевое расходование заемных средств.

Согласимся с Р.И. Каримуллиным, который отмечает, что «право на контроль за целевым использованием переданного капитала – необходимая предпосылка, чтобы сохранить возможность осуществить все остальные права, вытекающие из кредитного договора... Поэтому без права контроля условие о цели теряет свой смысл и превращается в пустую декларацию»³. В

1 *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 07 апреля 2017 г. № Ф06-18362/2017 по делу № А65-16624/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05 октября 2018 г. № Ф04-4427/2018 по делу № А45-27622/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Каримуллин Р.И.* Договор целевого кредита // Журнал российского права. 2000. № 10. С. 119.

связи с чем предоставленная управомоченному на осуществление контроля лицу возможность отказаться от договора в одностороннем порядке обеспечивает баланс интересов участников обязательства.

Таким образом, в обязательствах, направленных на оказание услуг, законодательное регулирование получил как преддоговорной контроль, так и контроль, осуществляемый управомоченным лицом после заключения сделки.

Проведенный анализ контрольных правомочий, реализуемых непосредственно участником обязательственного правоотношения, подтверждает предположение, что при определении признаков слабой стороны в договоре невозможно принимать во внимание исключительно экономическое положение его сторон. На различных этапах правоотношения у контрагентов разный объем прав, обязанностей и ответственности. Риски, связанные с недостижением основной цели договора, распределяются между сторонами неравномерно.

Предоставление участнику гражданско-правового отношения возможности осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов коррелирует с юридическим положением субъекта, определяемым природой обязательства. Наделяя участника обязательственного отношения контрольными правомочиями, законодатель «уравновешивает» возможности сторон для реализации их законных интересов. Таким образом обеспечивается баланс интересов, обоюдное достижение цели договора.

§ 2. Опосредованный контроль участников обязательств

Наделение лица дополнительными контрольными возможностями связано не с тем, что его контрагент имеет дополнительное влияние на условия договора, а с повышенными рисками стороны (степенью ответственности), которые определяются природой самого обязательства. Возможность осуществления контроля на конкретном этапе обязательственного

правоотношения в конкретных формах предопределяется тем субъективным правом, на обеспечение реализации которого он направлен.

Развитие экономических отношений сегодня достаточно часто предполагает участие третьих лиц, гарантирующих достижение цели обязательства (банковская гарантия, участие архитектора, инженера в строительстве). Субъект правоотношения имеет возможность делегировать свое контрольное правомочие, возникшее в рамках конкретного обязательственного правоотношения, иным участникам гражданского оборота. Необходимость в привлечении для осуществления контроля третьих лиц продиктована специфичностью гражданского правоотношения, потребностью в обладании определенными профессиональными знаниями со стороны контролирующего лица для проведения полной и эффективной проверки.

В юридической литературе отмечается широкое распространение среди гражданско-правовых договоров, направленных на получение надлежащего результата в виде вновь возведенного здания (сооружения), хозяйственных связей по привлечению заказчиком к участию в строительстве инженера или инженерной организации¹. Согласно ст. 749 ГК РФ заказчик в целях осуществления контроля и надзора за строительством и принятия от его имени решений во взаимоотношениях с подрядчиком может заключить самостоятельно без согласия подрядчика договор об оказании заказчику услуг такого рода с соответствующим инженером (инженерной организацией). Таким образом управомоченный участник договора подряда может поручить осуществление надлежащей проверки специалисту или специализированной организации в сфере обеспечения качества и безопасности строительных работ.

Привлечение к участию в строительстве инженера (инженерной организации) направлено, в первую очередь, на превенцию нарушений

¹ *Ершов О.Г.* Система гражданско-правовых договоров, направленных на возведение объектов капитального строительства, и критерии ее формирования // Адвокат. 2014. № 11. С. 28–38. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательства, недопустимых отклонений от технических регламентов и проектной документации. Разделяем мнение А.А. Кузнецова, что главной задачей проверки деятельности подрядчика является не поиск отклонений, а предотвращение излишнего расходования денежных средств и выполнения подрядных работ в ущерб объекту строительства, обеспечение исполнения обязательства в установленный срок¹. Таким образом, *надлежащий опосредованный контроль осуществляется в итоге и в интересах подрядчика, предупреждая недостатки в подрядных работах, которые могут повлечь изменение или одностороннее прекращение обязательства, привлечение исполнителя к гражданско-правовой ответственности.*

Самостоятельное осуществление контроля заказчиком по договору строительного подряда регламентируется статьей 748 Гражданского кодекса Российской Федерации. В юридической литературе отмечается, что в рамках договора на оказание инжиниринговых услуг инженер (инженерная организация) реализует в интересах заказчика указанные нормативные положения. Автор подчеркивает, что правовое положение инженера по договору участия инженера в строительстве на стороне заказчика определяется, прежде всего, правовым положением заказчика по договору строительного подряда в части осуществления контроля². Стоит согласиться с данным мнением, контрольное правомочие может быть делегировано профессиональному участнику рынка в том же виде и объеме, в каком оно существовало у заказчика.

В соответствии с п. 1 ст. 748 ГК РФ строительный контроль осуществляется за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения, качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования материалов заказчика.

¹ Кузнецов А.А. Особенности договоров оказания услуг авторского и технического надзора за проведением работ по сохранению объектов культурного наследия (часть вторая) // Культура: управление, экономика и право. 2011. № 1. С. 13–17. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

² Люшкин А.М. Договор оказания инжиниринговых услуг // Бизнес, менеджмент и право. 2010. № 2. С. 131, 136.

Соответствующую цель преследует деятельность инженера (инженерной организации) по оказанию услуги лицу, являющемуся одновременно заказчиком по действующему договору строительного подряда. О.Г. Ершов отмечает, что необходимость в услугах инженера возникает лишь тогда, когда ведется строительство, что объясняется производным характером договора на участие инженера от договора строительного подряда¹.

Законодатель прямо указывает, что в связи с привлечением инженера для осуществления прав и выполнения обязанностей заказчика в договоре строительного подряда определяются функции такого инженера (инженерной организации), связанные с последствиями его действия для подрядчика (ст. 749 ГК РФ). Полагаем, такая норма родилась с целью установления правовой определенности и недопущения вмешательства участвующего с строительстве лица, не являющегося непосредственной стороной договора подряда, в хозяйственную деятельность подрядчика. В противном случае стороны несут риск, связанный с невозможностью доказать фактический объем и качество выполненных подрядных работ. В связи с чем не можем однозначно согласиться с предложением О.В. Макарова, об исключении данного нормативного правила из гражданского законодательства².

Так Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа не признал надлежащим доказательством, подтверждающим выполнение подрядчиком работ в установленном объеме, акты приемки выполненных подрядных работ. Из материалов дела следует, что заказчик привлек для осуществления контроля инженерную организацию, определив в договоре ее функции, как связанные с техническим надзором за строительными работами и сдачей объекта в эксплуатацию. Вместе с тем правоприменитель обращает внимание, что ни договором на осуществление строительного контроля, ни договором строительного подряда не было предусмотрено участие данной

1 *Ершов О.Г.* Признаки и существенные условия договора участия инженера в строительстве на стороне заказчика // *Право и экономика.* 2009. № 10. С. 32–36. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

2 *Макаров О.В.* Содержание договора строительного подряда: соотношение прав и обязанностей сторон, проблемы и перспективы // *Юрист.* 2011. № 8. С. 14.

организации в итоговой приемке результатов подрядных работ и подписание соответствующих актов от имени заказчика. Суд пришел к выводу об отсутствии у инженерной организации указанных контрольных правомочий, в результате чего акты приемки были признаны подписанными подрядчиком в одностороннем порядке¹. По другому делу договор о техническом надзоре между инженером и заказчиком был признан порождающим отношения представительства для его сторон в соответствии с положениями главы 10 ГК РФ, в том числе правовые последствия связанные с подписанием ведущим инженером актов приемки выполненных работ и дальнейшим фактическим принятием заказчиком исполнения по договору строительного подряда².

А.М. Люкшин справедливо отмечает, что действия инженера должны быть подробно согласованы сторонами договора, иначе договор не может считаться заключенным. Причем автор подчеркивает важность, в первую очередь, определения конкретных действий по принятию решений во взаимоотношениях с подрядчиком, которые не могут быть выведены из действующего законодательства³. Сторонам следует обозначить условия осуществления контроля инженером, в том числе установить границы его действий, связанных с наступлением правовых последствий для подрядчика. Привлечение заказчиком для осуществления проверки хода и качества выполнения подрядных работ профессионального субъекта, обладающего специальными познаниями в области строительства, не должно умалять самостоятельность подрядчика в выборе способов выполнения работ.

Указанная рекомендация не вызывает никаких сомнений и трудностей, когда при заключении договора строительного подряда заказчик уже знает о том, что будет привлекать к участию в строительстве для осуществления контроля инженера (инженерную организацию). Функции инженера

¹ *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 августа 2005 г. по делу № А82-9361/2003-7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

² *Постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 мая 2007 г. № Ф04-2261/2007 (33446-А03-38 по делу № А03-6155/06-19) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

³ *Люкшин А.М.* Указ. соч. С. 134.

определяются тут же при согласовании всех прочих условий договора строительного подряда. Либо если подрядчик не возражает против внесения изменений в уже заключенный договор. Как следует поступить заказчику, если подрядчик не соглашается на внесение соответствующих изменений (дополнений) в договор строительного подряда? О.В. Макаров обращает внимание на возможный юридический казус, когда подрядчик настаивает на закрепление в договоре положений об участии инженера в такой редакции, что фактически опосредованный контроль заказчика оказывается, в свою очередь, под контролем у подрядчика¹.

Изменение договора в соответствии со ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации возможно только по соглашению сторон либо в судебном порядке. Однако, на наш взгляд, в обращении в суд нет никакой необходимости. Привлечь инженера для осуществления контроля за ходом и качеством подрядных работ заказчик имеет право без согласования с подрядчиком, вне зависимости от воли и волеизъявления последнего (ст. 749 ГК РФ). Поэтому достаточным будет направление в адрес подрядчика в надлежащем порядке уведомления о заключении заказчиком договора участия инженера в строительстве с указанием его личности, подробным изложением его функций и допустимых действий при осуществлении контроля в интересах заказчика. Поданному вопросу А.М. Люкшин отмечает возможность выдачи инженеру соответствующей доверенности на представление интересов заказчика, позволяющей определить правовой статус инженера в области контроля².

Имеют место случаи, когда заказчик заключает договор об осуществлении строительного контроля непосредственно с подрядчиком. Такую практику следует признать порочной и неразумной, контрольное правомочие не может быть передано исполнителю по основной сделке. В противном случае возникает ситуация, когда участник правоотношения

¹ Макаров О.В. Указ. соч. С. 14.

² Люкшин А.М. Указ. соч. С. 138.

проверяют сам себя, что противоречит самой цели гражданско-правового контроля как внешней деятельности по отношению к контролируемому лицу. Управомоченное лицо по результатам проверки может давать обязательные для исполнения указания, заявлять претензии. Если допустить легитимность передачи контрольных функций заказчика подрядчику, то подрядчик, в случае отклонений от условий договора, будет вынужден заявлять претензии сам себе, что по меньшей мере звучит абсурдно. В правоприменительной практике отмечается, что иной вывод в рамках государственного контракта на выполнение строительных работ приводит к нецелевому расходованию бюджета¹.

Аргумент по поводу отсутствия прямого нормативного запрета на передачу функций контроля подрядчику не может быть признан состоятельным. Статья 748 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит указание на то, что, осуществляя контроль, управомоченное лицо не должно вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Данный предел осуществления контроля в гражданско-правовом отношении основывается в том числе на признании равенства его участников, независимости воли контролирующего и подконтрольного лица. Управомоченный на осуществление проверки субъект не вправе принимать какие-либо самостоятельные меры, направленные на прямое устранение обнаруженных отклонений, и тем более не должно напрямую осуществлять производственный процесс.

Анализ норм Положения о проведении строительного контроля при осуществлении строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства², позволяет заключить, что контроль в рамках договора строительного подряда может осуществляться подрядчиком и заказчиком параллельно, *не подменяя друг друга*. Исходя из представления о

¹ *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2017 г. № 308-ЭС7-15816 по делу № А32-42596/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² *Постановление* Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 648 «О порядке проведения строительного контроля при осуществлении строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 26, ст. 3365.

спецификации каждого из указанных видов работ, осуществляемых на разных рынках, Федеральная антимонопольная служба признала неправомерным включение в закупочную документацию требования о том, что участник закупки должен иметь одновременно опыт оказания услуг по исполнению функций технического заказчика и на выполнение подрядных работ по строительству¹. Административный орган признал невозможным надлежащее исполнение существенных условий договора подряда, в случае передачи функций строительного контроля подрядчику. *Таким образом, субъектом контроля может являть лицо, не выступающее стороной основного обязательственного правоотношения, уполномоченное на осуществление проверочной деятельности договором.*

Статья 1294 ГК РФ регламентирует вопросы участия автора произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства в реализации своего проекта путем осуществления авторского контроля за разработкой документации для строительства и авторского надзора за строительством здания или сооружения. Уточним, что не будем в рамках настоящего исследования разграничивать понятия «авторский надзор» и «авторский контроль». Согласимся с мнением О.В. Грабко, что одновременное использование законодателем в структуре правовой нормы двух этих словосочетаний является избыточным, поскольку контроль автором проекта может осуществлять и на этапе его реализации². К тому же использование термина «надзор», характерного для публичных отраслей праве, в структуре кодифицированного гражданского законодательства является нежелательным и вносящим правовую неопределенность.

В литературе отмечается, что авторский контроль может осуществляться в том числе независимо от воли и согласия заказчика

¹ *Решение* Федеральной антимонопольной службы России от 9 сентября 2020 г. № 223АР-674/20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

² *Грабко О.В.* Авторский контроль как внедоговорной гражданско-правовой контроль // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 1. С. 98.

(застройщика) и наличия соответствующего договора¹. Подчеркивая наличие у автора самостоятельного интереса на осуществление контроля, В.Н. Лисица указывает, что тем самым автор реализует свое право на неприкосновенность произведения, предупреждая искажение авторского замысла путем внесения в произведение несогласованных изменений². Указанная позиция нашла отражение в правоприменительной практике, где право на авторский контроль рассматривается как волеизъявление самого автора³. Нас же в рамках настоящей главы интересует договорной опосредованный контроль, осуществляемый автором, по инициативе заказчика и в его интересах.

Следует отметить, что несмотря на признание неотчуждаемости и непередаваемости права на авторский контроль⁴, в том числе при отчуждении исключительного права произведение архитектуры, автор не может быть понужден к заключению договора на осуществление авторского контроля, что подтверждается соответствующей правоприменительной практикой. Так суд отказал государственному заказчику в иске к исполнителю по государственному контракту на выполнение проектно-изыскательских работ о понуждении ответчика к заключению договора авторского надзора. Правоприменитель обратил внимание, что гражданское законодательство предусматривает возможность автора произведения архитектуры требовать от заказчика заключения с ним договора авторского надзора, а не обязанность⁵.

Отказ автора заключить с заказчиком договор об осуществлении авторского контроля за созданием архитектурного объекта может побудить последнего привлечь на основании гражданско-правового договора иное, обладающее специальными знаниями лицо для осуществления проверочной

1 См., например: *Воронцова Е.А.* О процедуре авторского надзора // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Социально-гуманитарные и экономические науки: сборник статей. Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Самара, 2015. С. 365.

2 *Лисица В.Н.* Правовое регулирование архитектурной деятельности // *Жилищное право*. 2009. № 8. С. 51–71. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Определение* Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2017 г. № 305-ЭС17-3662 по делу № А40-214554/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 *Грабко О.В.* Авторский контроль как внедоговорной гражданско-правовой контроль. С. 101.

5 *Постановление* Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2017 г. № 13АП-28630/2017 по делу № А56-42323/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности. Однако в речь в рамках такого договора будет идти уже не об авторском контроле, предусмотренном ст. 1294 ГК РФ. Как справедливо отмечается в литературе, иной подход к решению данного вопроса приведет к ограничению права заказчика на практическую реализацию проекта (пп. 10 п. 2 ст. 1270 ГК РФ)¹.

Осуществление авторского контроля, как и участие инженера на стороне заказчика, обеспечивает безопасность строительства, гарантируя соответствие подрядных работ нормативным положениям и требованиям проектной документации, предупреждая необоснованные отступления подрядчика от условий договора. Контроль осуществляется на протяжении всего периода строительства, приемки объекта строительства, а при необходимости и начального периода его эксплуатации.

Порядок осуществления контроля автором произведения архитектуры предусмотрен Сводом правил по проектированию и строительству «Авторский надзор за строительством зданий и сооружений»², а также Сводом правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений»³. Последний вошел в Перечень документов, добровольное применение которых при строительстве обеспечивает соблюдение требований Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»⁴. Указанные документы предполагают выборочную проверочную деятельность, позволяющую определить качество и соблюдение технологии производства подрядных работ. Обычно такая

1 См., например: *Тихомирова Л.А.* Особенности правового регулирования архитектурно-строительного проектирования [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 *Постановление* Госстроя Российской Федерации от 10 июня 1999 г. № 44 «Об одобрении и вводе Свода правил «Авторский надзор за строительством зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Приказ* Минстроя России от 19 февраля 2016 г. № 98/пр «Об утверждении свода правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 *Приказ* Росстандарта от 30 марта 2015 г. № 365 «Об утверждении перечня документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивается соблюдение требований Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2015. № 5.

проверка проводится автором проекта (разработчиком проектной документации) визуально или в документарной форме.

Как отмечается в доктрине, принципиальным отличием авторского контроля от технического, осуществляемого привлеченным инженером, является непосредственное участие специалиста авторского контроля в исполнении проектных работ. Указанное обстоятельство рассматривается как способное оказать позитивное влияние на эффективность оперативного внесения изменений в проектную документацию¹. Однако, на наш взгляд, данную возможность не следует толковать широко, допуская вмешательство автора произведения архитектуры в самостоятельную деятельность подрядчика. Целесообразно, как и в случае привлечения инженера для осуществления контроля, предусмотреть в договоре строительного подряда конкретные функции, которые будет выполнять автор проекта в рамках возведения нового здания (сооружения), виды проверочных мероприятия, пределы осуществления контроля.

Сравнивая правовое положение архитектора по российскому и зарубежному законодательству, О.Г. Ершов выделяет особенности отношений с участием архитектора во Франции². В соответствии с Французским гражданским кодексом архитектор признает строителем³. Автор отмечает, что французские ученые-правоведы оценивают нормативные положения об участии архитектора в строительстве как нормы, направленные на защиту заказчика на разных стадиях строительства. Согласно российскому праву, архитектор не наделяется правом непосредственного выполнения строительных работ, имея самостоятельный правовой статус не сопоставимый со статусом подрядчика.

1 Самофеев Н.С., Гареева З.А. Современное обеспечение эффективного управления реализации авторского надзора в проектных организациях // Интернет-журнал «Науковедение». 2017. Т. 9. № 3. С. 102. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/113E VN317.pdf> (дата обращения: 29.05.2021).

2 Ершов О.Г. Правовое положение архитектора в строительстве: сравнительный анализ французского и российского права // Право и экономика. 2014. № 2. С. 24–27. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 *Французский гражданский кодекс: Учебно-практический комментарий*. М.: Проспект, 2008. С. 597–600.

Участие инженера (инженерной организацией) в строительстве на стороне заказчика, осуществление авторского контроля обусловлено возможностью более качественного получения и анализа информации о выполнении работ, а также дачи на основании такого компетентного анализа обязательных для исполнения указаний подрядчику, не противоречащих условиям договора строительного подряда и не представляющих вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. О выявленных в ходе проверки недостатках подрядных работ, несвоевременном или некачественном выполнении подрядчиком соответствующих указаний, осуществляющее контроль лицо своевременно информирует заказчика. *Особое значение имеет качество и организация обратной связи подрядчика с лицом, осуществляющим непосредственно проверочную деятельность и заказчиком.*

По общему правилу, заказчик несет риск ненадлежащей организации и осуществления контроля (п. 3 ст. 720 ГК РФ). Указанное обстоятельство рождает вопрос об ответственности, которую несет инженер, автор перед заказчиком за неосуществление надлежащего контроля.

Основанием ответственности лица, осуществляющего непосредственную проверку (архитектора, инженера) может выступать неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, следующих из договора с заказчиком. Федеральным законом от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»¹ предусмотрено, что лица, осуществляющие архитектурную деятельность, несут имущественную ответственность в соответствии с гражданским законодательством за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств. Лицо, чье право нарушено при осуществлении архитектурной деятельности, также может требовать полного возмещения причиненных ему убытков (ч. 1, 5 ст. 25).

¹ Рос. газета. 1995. 29 нояб.

Поскольку функции контроля реализуются инженером (инженерной организацией), автором произведения архитектуры в рамках договорных отношений с заказчиком, то, по справедливому замечанию О.Г. Ершова, то ответственность указанных лиц, непосредственно осуществляющих проверочную деятельность может быть только договорной, не связанной нарушением абсолютных прав третьих лиц¹.

Ответственность инженера, архитектора по договору может наступать, например, за несвоевременное оказание услуг, предоставление (непредоставление) недостоверной информации заказчику, допущение в ходе контроля технических ошибок, повлекших убытки для заказчика. Факт осуществления контроля может быть подтвержден актами приемки выполненных этапов работ, служебными записками, ведением журнала контроля². В литературе ратуют за введение законной неустойки за ненадлежащее исполнение обязанностей по договору на осуществление строительного контроля³.

Анализ правоприменительной практики позволяет прийти к выводу об ошибочности взглядов о возможности привлечь инженера или архитектора за обязательства подрядчика, т.е. собственно качество и сроки исполнения обязательства строительного подряда. В противном случае происходит смешение правового положения контролирующего лица и подрядчика, а отношения с заказчиком рискуют перекавалифицироваться в подрядные⁴. Как отмечается в литературе, следствием этого может быть утрата возможности

1 *Ершов О.Г.* Основания и формы гражданско-правовой ответственности архитектора // Право и экономика. 2014. № 5. С. 58–62. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

2 *Постановление* ФАС Центрального округа от 4 апреля 2014 г. по делу № А23-274/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс; *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. № А05-8624/2015 по делу № А40-147856/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

3 *Туровец М.В.* Ответственность инженера по договору на оказание инженерных услуг в Республике Беларусь // Эволюция российского права: материалы XVII Международной конференции ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 295–296.

4 *Постановление* Президиума ВАС РФ от 30 июля 2012 г. № 1456/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

предъявления специальных требований к техническому заказчику в отношении оказания им услуг по контролю и надзору за строительством¹.

На наш взгляд, определенную сложность представляет и то, что заказчик не всегда способен определить самостоятельно недостатки как в самой процедуре проверки, так и оценить качество подрядных работ, для чего, собственно, он и привлекает к участию в строительстве стороннего специалиста в данной области. Скорее всего самостоятельно заказчик может оценить лишь сроки выполнения и контроля отдельных этапов подрядных работ.

Проблемной для заказчика может выглядеть ситуация, когда допущенные со стороны контролирующего лица ошибки приводят к ненадлежащему качеству выполнения основных подрядных работ. О.Г. Ершов видит определенную сложность в том, чтобы доказать причинную связь между ненадлежащими действиями (бездействием) лиц, осуществляющих непосредственную проверку, и возникшими убытками². Кроме того, автор отмечает, что убытки на стороне заказчика могут существенно превышать имущественные возможности контролирующего лица. В случае осуществления строительного контроля архитектором такая ситуация фактически не позволяет заказчику защитить свои интересы посредством применения меры ответственности в виде возмещения убытков. Возможный выход ученый видит в участии архитектора в качестве члена саморегулируемой организации в сфере строительства, что позволит применить компенсационный механизм, предусмотренный в рамках саморегулирования. На сегодняшний день нормы гл. 6.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации не предусматривают отдельные виды саморегулируемых организаций с участием архитектора. Возможно лишь создание саморегулируемых организаций, осуществляющих инженерные

1 См.: Чумаченко И.В. Договоры в области строительства // Правовые вопросы строительства. 2015. № 2. С. 9–15.

2 Ершов О.Г. Основания и формы гражданско-правовой ответственности архитектора.

изыскания, подготовку проектной документации и осуществляющих строительство.

Анализ участия инженера (инженерной организации), архитектора в строительстве на стороне заказчика позволяет заключить, что указанные лица участвуют в отношении в качестве самостоятельных субъектов, самостоятельно могут осуществлять права и наделяются соответствующими обязанностями.

Заключение государственных (муниципальных) контрактов направлено на удовлетворение собственных нужд заказчика и публичных интересов. Во втором случае конечным получателем благ от такой сделки является население (часть населения) муниципального образования, субъекта федерации, страны в целом. Каждый год на государственные (муниципальные) закупки расходуются колоссальные денежные средства из бюджета. В связи с этим контроль в контрактных отношениях имеет особое значение. Отдельного внимания требует вопрос о том, чьими силами должна осуществляться верификация.

Заказчик в извещении о закупке и закупочной документации указывает требования к потенциальному исполнителю контракта, наименование, описание объекта закупки, в том числе его функциональные, технические, качественные и эксплуатационные характеристики (при необходимости). Описание объекта закупки является существенным условием контракта. В литературе отмечается, что такое описание должно быть сделано максимально подробно, однако не должно влечь ограничение конкуренции, устанавливая характеристики, которым может соответствовать лишь конкретный поставщик или ограниченное число участников конкурса¹.

Привлечение экспертов, экспертных организаций для обеспечения экспертной оценки конкурной документации и заявок на участие в конкурсах, оценки соответствия участников конкурса дополнительным требованиям не

¹ Лукьяненко В.Е., Титова Г.Г. Основные стадии заключения договоров закупок и поставок для публичных нужд и их существенные условия // Аграрное и земельное право. 2019. № 8. С. 41.

вменяется в обязанность заказчику (ст. 58 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), что подтверждается правоприменительной практикой. Так Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд признал несостоятельным довод истца о том, что главным фактором, способствующим нарушению при проведении конкурса, явилось отсутствие в конкурсной комиссии лиц, обладающих специальными знаниями применительно к объекту закупки, в связи с чем, заявка ответчика содержала способы проведения работ, которые не могли быть применены на конкретном объекте закупки¹.

Приемка результатов отдельного этапа исполнения государственного (муниципального) контракта, поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги осуществляется на основании проверки соответствия представленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов условиям контракта. Для этих целей заказчик производит экспертизу. В соответствии с ч. 3 ст. 94 Закона о контрактной системе такая экспертиза может быть осуществлена как собственными силами заказчика, так и посредством привлечения экспертов, экспертных организаций. Формулируя данную правовую норму как диспозитивную, законодатель, по всей видимости, исходил из того, что обязательное осуществление независимой экспертизы при приемке результатов государственного контракта будет влечь не всегда оправданные объективные издержки (временные, финансовые). Часть 4 указанной статьи предусматривает, что в обязательном порядке к проведению экспертизы поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги сторонние специалисты привлекаются только в отдельных случаях осуществления закупки у единственного поставщика.

К тому же, по смыслу ч. 7 ст. 94 Закона о контрактной системе экспертные предложения, изложенные в заключении о проведении

¹ *Постановление* Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2016 г. № 11АП-11857/2016 по делу № А55-2358/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

экспертизы, носят лишь рекомендательный характер для заказчика при принятии решения о приемке результатов исполнения государственного контракта. В этой связи Ф.А. Тасалов отмечает: «В рамках исполнения обязательств по контрактам эксперты будут привлекаться заказчиками только в случаях обязательного проведения экспертизы, поскольку заказчики, далеко не всегда имея недобросовестные намерения, стремятся сэкономить бюджетные средства и время и заинтересованы в самостоятельной экспертизе»¹.

Существенным упущением является отсутствие подробной законодательной регламентации процедуры осуществления контроля собственными силами заказчика. Согласно разъяснениям Департамента развития контрактной системы Минэкономразвития России, если заказчик не привлекает для осуществления приемки результатов по государственному (муниципальному) контракту экспертов, экспертные организации, то документом, подтверждающим проведение экспертизы собственными силами, является подписанный заказчиком документ о приемке товара, работы, услуги². Таким образом, отдельного документа, устанавливающего факт осуществления должного контроля, не требуется. Как следствие контроль может вовсе и не осуществляться. Но поскольку от качества исполнения государственного контракта зачастую зависят публичные интересы, жизнь и здоровье неопределенного числа третьих лиц, перенос на данные правоотношения презумпции «надлежащего осуществления контроля» недопустимо.

Представим ситуацию, что государственный заказчик и участник закупки заранее договаривались, что последний осуществляет исполнение контракта по значительно сниженной цене. При этом исполнитель снижает качество поставляемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги. С

1 Тасалов Ф.А. Контрактная система: правовое положение экспертов // Конкуренция и право. 2014. № 2. С. 45.

2 Письмо Минэкономразвития России от 9 марта 2017 г. № Д28и-1280; Письмо Минэкономразвития России от 20 марта 2017 г. № ОГ-Д28-3108 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поставщиком заключается государственный контракт, а заказчик получает «благодарность» («откат») в рамках коррупционного взаимодействия. Качество результатов исполнения такого контракта подтверждается заказчиком формально путем подписания акта приема-передачи, счета-фактуры и т.д. В результате об отклонениях от контракта, представляющих потенциальную или вполне реальную угрозу жизни и здоровью граждан, может стать известно уже постфактум. В связи с этим целесообразно было бы привлекать для осуществления проверочных мероприятий в рамках государственного контракта квалифицированных специалистов со стороны. *На наш взгляд, на законодательном уровне вопрос о привлечении к осуществлению проверки компетентных специалистов должен быть решен комплексно в зависимости от цели, цены и объекта государственной закупки, специфики заказчика. Такое решение обеспечило бы участие в проверочных мероприятиях лиц, обладающих специальными знаниями в конкретной области закупки, и способствовало бы уменьшению коррупционной составляющей.*

Представляется неправильным установить процедуру опосредованного контроля по каждому государственному (муниципальному) контракту. Ф.А. Тасалов указывает на необходимость обеспечения при размещении государственного заказа баланса частных и публичных интересов. Автор обосновывает необходимость разграничения правового регулирования контрактных отношений в зависимости от того, направлена закупка на обеспечение государственных нужд или собственных нужд государственных заказчиков. Согласно такому подходу, заказчик должен будет провести обязательную экспертизу документации о закупке и результатов исполнения обязательства по государственному контракту в случае превышения ценовых показателей, установленных для каждого направления закупки¹.

¹ Тасалов Ф.А. Отношения по размещению и исполнению государственного заказа: особенности гражданско-правового регулирования (на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 11.

Обозначенные упущения в регулировании процессуальной стороны осуществления проверки участниками государственных закупок свидетельствуют, что контроль в контрактных правоотношениях требует отдельного серьезного исследования.

Таким образом, субъект правоотношения имеет возможность делегировать свое контрольное правомочие, возникшее в рамках конкретной сделки, иным участникам гражданского оборота. Функции контроля могут быть переданы лицу, не выступающему стороной основного обязательственного правоотношения, управомоченному на осуществление проверочной деятельности договором.

Необходимость в привлечении для осуществления контроля третьих лиц продиктована специфичностью гражданского правоотношения, потребностью в обладании определенными профессиональными знаниями со стороны контролирующего лица для проведения полной и эффективной проверки. Надлежащий опосредованный контроль осуществляется в итоге и в интересах подрядчика, предупреждая недостатки в подрядных работах, которые могут повлечь изменение или одностороннее прекращение обязательства, привлечение исполнителя к гражданско-правовой ответственности.

Гражданско-правовая ответственность лиц, осуществляющих опосредованный контроль носит исключительно договорной характер. Договорная ответственность возникает по отношению к бенефициару, в интересах которого действует лицо, осуществляющее контроль. Сложные юридические конструкции, обеспечивающие осуществление квалифицированного специализированного контроля, предусматривают возможность переноса рисков предпринимательской деятельности на иных лиц (архитектора, инженера в строительстве).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно-правовой анализ категорий «субъективное гражданское право» и «право на контроль» позволяет утверждать, что неверно рассматривать право на контроль как самостоятельное субъективное право участника гражданско-правового отношения. В гражданском праве контроль не может являться самоцелью, иначе речь шла бы о публичных, властно-управленческих правоотношениях. Поскольку в основе любой юридической возможности лежит соответствующий интерес, управомоченное лицо прямо заинтересовано в осуществлении контроля. Однако важно понимать, что такой интерес вторичен по отношению к деятельности сторон по реализации субъективных прав и исполнению обязанностей, составляющих содержание основного относительного правоотношения.

Возможность осуществлять контроль реализуется посредством действий самого управомоченного лица. Обязанность контрагента (если она существует) при этом сводится к созданию благоприятных условий для реализации предоставленной субъекту гражданского оборота юридической возможности. Действия обязанной стороны правоотношения, таким образом, имеют лишь организационный, обеспечительный характер.

В числе приоритетных функций гражданско-правового контроля следует назвать функцию регулятивную. Верификация (с англ. verification – проверка, подтверждение) осуществляется в целях координации и оптимизации деятельности контрагента, внесения в отношение стабильности и порядка, достижения состояния «упорядоченной активности». Гражданско-правовой контроль в строгом смысле не является способом защиты субъективных прав, но осуществляется в том числе в целях защиты субъективных гражданских прав участников имущественного оборота. Обладая одновременно функцией превенции и защиты, контрольное правомочие занимает некое промежуточное положение.

Необходимо обратить внимание, что, осуществляя контроль за соблюдением своих законных интересов, субъект не всегда действует на основании предоставленного ему контрольного правомочия. В отдельных гражданско-правовых отношениях контроль вменяется в обязанность участника правоотношения. Традиционно существующий интерес участника гражданско-правового отношения находит свое закрепление в юридической возможности, обуславливающей определенное поведение обязанного лица. Однако, как представляется, это не единственный имеющийся способ юридической техники для выражения существующего интереса субъекта правоотношения.

Анализ гражданского законодательства и правоприменительной практики действительно позволяет сделать вывод, что решение законодателя закрепить обязанность участника товарного оборота осуществлять контроль обусловлена проникновением публично-правовых начал в частные отношения, связанных с необходимостью защиты непосредственных потребителей продукции, третьих лиц, окружающей среды, государства от возможного причинения несоразмерного ущерба при отказе от верификации. Законодатель использует слово «обязан» или «должен», формулируя правовую норму о контроле, с целью подчеркнуть его социальную значимость в данных гражданско-правовых отношениях.

Рассмотрев подходы к определению контроля в рамках различных правовых концепций, приходим к выводу, что контроль-доминанция и контроль в значении «верификация» (проверка) – это разные правовые явления. Контроль, осуществляемый участником гражданско-правовых отношений, представляет собой только обмен информацией, наблюдение за состоянием системы. Назначение гражданско-правового контроля состоит в соблюдении законных интересов участников гражданского правоотношения, способствовании исполнению гражданско-правовых обязательств в установленный срок, обеспечении достижения цели гражданско-правового взаимодействия сторон и нормального развития имущественного оборота в

целом. Важнейшей задачей контроля в связи с этим (в понимаемом нами значении «верификации») является предупреждение наступления возможных негативных последствий как для самих участников гражданско-правового отношения, так и для третьих лиц.

По итогам осуществления проверки (верификации) управомоченное лицо имеет возможность, во-первых, отказаться от заключения невыгодных для себя договоров, во-вторых, вовремя обнаружить и предупредить недостатки в работе, скоординировать деятельность контрагента, в-третьих, прекратить правоотношение, в которых терпит убытки, в-четвертых, доказать в суде правомерность и обоснованность своих действий.

Базовая идея правовой регламентации контроля в гражданско-правовых отношениях основана на необходимости формирования контрольных возможностей самими субъектами экономической деятельности. Пределы собственной компетенции в сфере необходимости установления контроля стороны отношения определяют сами. Законодатель предоставляет управомоченному на осуществление контроля лицу возможность: приобретать контрольные правомочия или не приобретать, выбирать конкретный способ их приобретений, распоряжаться наличными контрольными правомочиями, прибегать или не прибегать к мерам защиты нарушенного правомочия, инициировать по результатам верификации применение соответствующих санкций или нет.

Зачастую право на проверку следует скорее из принципа равенства сторон гражданских отношений, чем прямых нормативных положений. Отсутствие указания на наделение лица контрольными правомочиями не должно препятствовать осуществлению верификации в связи с обычными условиями или по аналогии права. Вместе с тем такое законодательное упущение способно привести к нежелательному обременению одной из сторон правоотношения.

Использование законодателем при формулировании правовых норм о контроле словосочетаний «обязан осуществить проверку» или «должен

осуществить проверку» не свидетельствует об императивности контроля, а связано predeterminedenno необходимостью подчеркнуть социальную значимость осуществляемого контроля в данных гражданско-правовых отношениях. В стремлении обеспечить законный интерес управомоченного лица на дальнейшую защиту своих прав, законодатель закрепляет обязанность осуществлять контроль. С другой стороны, тем самым обеспечивается защита прав третьих лиц, которые зачастую являются доверчивыми потребителями, что является проявлением публично-правовых начал в частных отношениях.

Вступление в правоотношение, приемка товара, результатов выполненных работ без заявления претензий к качеству подтверждает не только сам факт проверки, но и удовлетворенность ее результатами. Фиксация недостатков, в том числе посредством технических устройств не предполагает в обязательном порядке неудовлетворенность управомоченного на осуществление контроля лица качеством товара (работы, услуги), его заинтересованность в предъявлении в дальнейшем по этому поводу претензий контрагенту. Отсутствие вербального выражения претензии со стороны контролирующего лица не позволяет доподлинно установить тот сформированный в сознании контролирующего субъекта образ, с которым он верифицирует конкретный объект материального мира, оставляет контрагента в состоянии правовой неопределенности.

Реализуя контрольные правомочия, участники товарного оборота не имеют никакой установленной власти по отношению друг к другу, что отличает гражданско-правовой контроль от публичного. Вопрос власти в контрольных отношениях не стоит вовсе, речь не идет об установлении господства, управлении. При этом объем контрольных правомочий у различных управомоченных субъектов по отношению к одному общему контрагенту может быть различным и зависеть от индивидуальной правоспособности лица. Наделяя участника обязательственного отношения контрольными правомочиями, законодатель «уравновешивает» возможности

сторон для реализации их законных интересов. Таким образом обеспечивается баланс интересов, обоюдное достижение цели договора.

В корпоративных отношениях объем контрольного правомочия напрямую коррелирует как с качественной (тип ценных бумаг), так и с количественной (число имеющихся у акционера акций) характеристикой субъективного корпоративного права. Такой подход обеспечивает каждому члену корпорации возможность реализовывать свое право на информацию независимо от структуры управления, и одновременно предоставляет лицу, в чьих руках сосредоточен капитал, решающим образом определять судьбу корпорации. Законодатель достаточно подробно регулирует процедурные моменты реализации контрольных правомочий, связанных с участием лица в корпорации, что направлено на обеспечение баланса интересов самого управомоченного лица, других акционеров, менеджмента и третьих лиц, вступающих в правоотношения с организацией.

Отдельно стоит проблема злоупотреблений участниками хозяйственных обществ при осуществлении контроля. Можно отметить наметившуюся тенденцию выравнивания баланса интересов участников корпоративных правоотношений. Предоставляя управомоченной стороне возможность осуществления контроля за соблюдением ее законных интересов, законодатель делает попытки предусмотреть действенный механизм защиты контролируемой стороны от произвольного вмешательства в хозяйственную самостоятельность и злоупотребления контрольными правомочиями.

Проведенный анализ контрольных правомочий, реализуемых непосредственно участником обязательственного правоотношения, позволяет заключить, что при определении признаков слабой стороны в договоре невозможно принимать во внимание исключительно экономическое положение его сторон. На различных этапах правоотношения у контрагентов разный объем прав, обязанностей и ответственности. Риски, связанные с недостижением основной цели договора, распределяются между сторонами неравномерно. Законодатель большие верификационные возможности

предоставляет стороне, обязанностью которой по договору является передача денежных средств, возврат имущества в надлежащем (аналогичном) состоянии, для снижения связанных с этим объективных рисков лица. Предоставление участнику гражданско-правового отношения возможности осуществлять контроль за соблюдением его законных интересов коррелирует с юридическим положением субъекта, определяемым природой обязательства. Наделяя участника обязательственного отношения контрольными полномочиями, законодатель «уравнивает» возможности сторон для реализации их законных интересов. Таким образом обеспечивается баланс интересов, обоюдное достижение цели договора.

Субъект правоотношения имеет возможность делегировать свое контрольное полномочие, возникшее в рамках конкретного правоотношения, иным участникам гражданского оборота. Необходимость в привлечении для осуществления контроля третьих лиц продиктована специфичностью гражданского правоотношения, потребностью в обладании определенными профессиональными знаниями со стороны контролирующего лица для проведения полной и эффективной проверки.

Надлежащий опосредованный контроль осуществляется в итоге и в интересах контрагента в основном правоотношении. Делегирование юридического полномочия таким же рядовым участникам гражданского оборота (опосредованный общий контроль) не предполагает увеличенные объемы контрольных возможностей.

Результаты работы позволяют заключить, что регулирование контроля участника относительного гражданско-правового отношения за соблюдением его законных интересов является гарантией нормального развития правоотношения, стабильности товарного оборота. Вместе с тем следует отметить, что законодательство о контроле требует восполнения пробелов, внесения существенных изменений и дополнений с целью разъяснения неясностей и устранения противоречий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. *Конституция* Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Рос. газета. 2020. 3 июля.
2. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Рос. газета. 1994. 8 дек.
3. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Рос. газета. 1996. 10 фев.
4. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Рос. газета. 2001. 28 нояб.
5. *Гражданский* кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Рос. газета. 2006. 22 дек.
6. *Градостроительный* кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Рос. газета. 2004. 30 дек.
7. *Налоговый* кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32, ст. 3340.
8. *Жилищный* кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Рос. газета. 2005. 12 янв.
9. *Кодекс* Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.
10. *Основы* законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденные Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 10, ст. 357.
11. *Закон* Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Рос. газета. 1996. 16 янв.
12. *Федеральный* закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Рос. газета. 1995. 29 дек.

13. *Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»* // Рос. газета. 1996. 16 мая.
14. *Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»* // Рос. газета. 1998. 17 фев.
15. *Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»* // Рос. газета. 1996. 24 янв.
16. *Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»* // Рос. газета. 2017. 4 авг.
17. *Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»* // Рос. газета. 2006. 27 июля.
18. *Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»* // Рос. газета. 1996. 25 апр.
19. *Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»* // Рос. газета. 2015. 17 июля.
20. *Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»* // Рос. газета. 2001. 10 авг.
21. *Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании»* // Рос. газета. 2002. 31 дек.
22. *Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»* // 2013. 12 апр.
23. *Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации»* // Рос. газета. 1995. 29 нояб.
24. *Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»* // Рос. газета. 2016. 12 июля.

25. *Федеральный закон* от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // 2001. 9 авг.

26. *Федеральный закон* от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Рос. газета. 2004. 5 авг.

27. *Постановление* ФКЦБ РФ от 16 июля 2003 г. № 03-33/пс «Об утверждении Положения о порядке и сроках хранения документов акционерных обществ» // Рос. газета. 2003. 26 авг.

28. *Указание* Банка России от 28 июня 2019 г. № 5182-У «О дополнительных требованиях к процедурам предоставления акционерными обществами документов или копий документов в соответствии со статьей 91 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Вестник Банка России. 2019. № 55.

**Акты официального толкования права,
судебные акты, иные официальные документы**

29. *Постановление* Конституционного суда Российской Федерации от 23 февраля 1999 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкиной и Н.П. Лазаренко» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.

30. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 12 июля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 9.

31. *Информационное письмо* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров

о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.

32. *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1998. № 3.

33. *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

34. *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 61 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с достоверностью адреса юридического лица» // Экономика и жизнь. 2013. № 32.

35. *Информационное письмо* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 3.

36. *Постановление* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 мая 2012 г. № 16803/11 по делу № А40-43149/11-121-290 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10.

37. *Концепция* развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

38. *ГОСТ Р ИСО 9001–2015* Системы менеджмента качества. Требования. Москва: Стандартинформ, 2018.

39. *Проект* федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования механизмов реализации прав участников хозяйственных обществ на информацию». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558976-5>. (дата обращения: 01.05.2021).

Научная и учебная литература

40. *Агарков М.М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. 490 с.

41. *Александров Н.Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.

42. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 288 с.

43. *Белов В.А.* Гражданское право в 4 т. Т. IV в 2 кн. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. Книга 2. Иные (не являющиеся обязательственными) гражданско-правовые формы: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 403 с.

44. *Беляев В.П.* Контроль и надзор в Российском государстве: монография. М.: ТК Велби, Издательств Проспект, 2005. 272 с.

45. *Брагинский М.И.* Общее учение о хозяйственных договорах. Минск: Наука и техника, 1967. 260 с.

46. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг (Книга 3). Изд. испр. и доп. М.: Статут, 2002. 598 с.

47. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения (Книга 1). 3 изд., стереотип. М.: Статут, 2001. 848 с.

48. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. Москва: Госюриздат, 1963. 198 с.

49. *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 203 с.

50. *Вавилин Е.В.* Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2012. 364 с.
51. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Общ. часть. Т. 1. / пер. под ред. С.В. Пахмана. Санкт-Петербург: Гиероглиф и Никифоров, 1874. 375 с.
52. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования: монография. М.: Статут, 2005. 412 с.
53. *Грабко О.В.* Гражданско-правовой контроль по российскому праву: монография. М., 2019. 152 с.
54. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель.* М.: Издательство Международного центра финансово-экономического развития, 1996. 704 с.
55. *Гражданское право России. Общая часть: курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов.* М.: Юрист, 2001. 362 с.
56. *Гражданское право России: учебник. Часть первая / под ред. З.И. Цыбуленко.* М.: Юрист, 1998. 464 с.
57. *Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть. 3-е изд., перераб и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов.* М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
58. *Гражданское право. В 4 т. Т. 3: Обязательственное право. 3-е изд., перераб и доп. / отв. ред. Е.А. Суханов.* М.: Волтерс Клувер, 2005. 800 с.
59. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. Изд. 2-е, стереотип. М.: Статут, 2001. 411 с.
60. *Груздев В.В.* Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. Книга первая. Общие положения. М.: Юстицинформ, 2012. 270 с.
61. *Дерюгина Т.В.* Принципы осуществления гражданских прав: монография. М.: Зерцало-М, 2010. 248 с.

62. *Долинская В.В., Фалеев В.В.* Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление. М.: Волтерс Клувер, 2010. 240 с.
63. *Емельянов В.И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. 160 с.
64. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
65. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву: монография. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1955. 311 с.
66. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. 494 с.
67. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
68. *Кирилловых А.А.* Корпоративное право: курс лекций. М.: «Юстицинформ», 2009. 192 с.
69. *Кокотов А.Н.* Доверие. Недоверие. Право. М.: Норма, 2004. 192 с.
70. *Координация* экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / А.В. Габов, М.А. Егорова, С.Д. Могилевский и др.; отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с.
71. *Кочерин Е.А.* Основы государственного и управленческого контроля. М.: Филинь, 2000. 377 с.
72. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
73. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2003. 250 с.
74. *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы как правовая категория: монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 359 с.
75. *Муллахметов Х.Ш.* Контроль-менеджмент. М.: Экономика, 2013. 320 с.

76. *Осипенко О.В.* Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Книга первая: Установление корпоративного контроля. М.: Статут, 2013. 517 с.
77. *Очерки* теории Российского законодательства: Монография / под ред. В.А. Летяева, И.Н. Сенякина. Ч. 3. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2011. 400 с.
78. *Поляков А.В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. 864 с.
79. *Поротикова О.А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. 3-е изд., доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 241 с.
80. *Постатейный* комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / И.В. Бандурина, А.В. Демкина, Л.Г. Ефимова и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 2. 421 с.
81. *Романец Ю.В.* Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 271 с.
82. *Рыженков А.Я.* Основные начала (принципы) российского гражданского законодательства и смежных отраслей права. М.: Юрлитинформ, 2015. 208 с.
83. *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право: пер. с нем. / пер. В. Фукс и Н. Мандро. М., 1876. 600 с.
84. *Сарбаиш С.В.* Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебной практики. М.: Статут, 1999. 272 с.
85. *Тарасов И.Т.* Учение об акционерных компаниях. М., 2000. 666 с.
86. *Теория* государства и права. Учебник для юридических вузов и факультетов. 2-е изд., изм. и доп. / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М.: Инфра-М, 2002. 616 с.

87. *Федчук В.Д.* De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 367 с.
88. *Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград, 2009. 248 с.
89. *Французский гражданский кодекс: Учебно-практический комментарий.* М.: Проспект, 2008. 752 с.
90. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 351 с.
91. *Хаснутдинов А.И.* Ценные бумаги (правовой аспект): учебное пособие. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. 83 с.
92. *Цитович П.П.* Учебник торгового права. Вып. первый. Киев; Санкт-Петербург: Типо-литография Высочайше утв. Товарищ. И.Н. Кушнарев и Ко, 1891. 300 с.
93. *Шершеневич Г.Ф.* Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 719 с.
94. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: Спарк, 1995. 556 с.
95. *Шиткина И.С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практическое издание. М.: Волтерс Клувер, 2006. 648 с.
96. *Явич Л.С.* Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М.: Юридическая литература, 1978. 224 с.
97. *Dine J., Koutsias M.* Company Law. 8th Edition. Palgrave, 2014. 304 P.
98. *Jhering R.* Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil III. Abth. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1865. 342 S.

Научные статьи и публикации

99. *Арутюнов Э.К., Онишина Е.А.* Понятие законных интересов как категории права и его специфика в гражданском праве // Приоритетные модели общественного развития в эпоху модернизации: экономические, социальные, философские, политические, правовые аспекты: Материалы международной научно-практической конференции. В 5-ти частях. Часть 1. Саратов, 25 марта 2016 г. С. 76–78.

100. *Ахметов А.Р.* Исследование контроля как функции управления // Проблемы современной экономики. 2009. № 1. С. 491–494.

101. *Барабанчиков В.Н.* О праве акционеров на участие в управлении акционерным обществом // Журнал правовых и экономических исследований. 2009. № 2. С. 20–30.

102. *Безик Н.В., Безик К.С.* Проблемы правового регулирования пользования жилыми помещениями отказополучателями и получателями ренты // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. С. 49–58.

103. *Белоножкин А.Ю.* К вопросу о понятии субъективного гражданского права // Российская юстиция. 2011. № 11. С. 16–19.

104. *Белоножкин А.Ю.* Содержание субъективного гражданского права // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 5–7.

105. *Беляева О.А.* Контрактная система: основные проблемы правоприменения и пути их преодоления // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 34–44.

106. *Богатырев В.Д., Хакимова А.К.* Контроль за финансово-хозяйственной деятельностью акционерного общества, осуществляемый советом директоров (наблюдательным советом) // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. Академика С.П. Королева (национального исследовательского университета). 2012. № 6. С. 37–47.

107. *Богданов Е.В.* Проблемы нестабильности гражданско-правового договора // Журнал российского права. 2011. № 3. С. 42–49.

108. *Болдырев В.А.* Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 9. С. 62–74.

109. *Болдырев В.А.* Ограничение свободы предпринимательской деятельности: новая правовая реальность // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 10. С. 52–60.

110. *Болдырев В.А.* Хозяйствующие субъекты и функции публичной власти // Право и экономика. 2010. № 3. С. 12–16.

111. *Болдырев В.А., Лисица В.Н.* Номинальное держание ценных бумаг – конструкция, уменьшающая прозрачность корпоративных отношений // Право и экономика. 2019. № 11. С. 40–47.

112. *Болдырев В.А., Лисица В.Н.* Прозрачность корпоративных отношений в оффшорных юрисдикциях: правовое регулирование и правоприменение // Право и экономика. 2019. № 12. С. 47–55.

113. *Болдырев В.А., Лисица В.Н.* Прозрачность корпоративных отношений: правовая природа обеспечивающих ее норм // Право и экономика. 2020. № 1. С. 5–9.

114. *Братусь С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1967. № 3. С. 79–86.

115. *Братусь С.Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 30–37.

116. *Вавилин Е.В.* Понятие и функциональное назначение принципов осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей // Журнал российского права. 2009. № 1. С. 85–90.

117. *Вавилин Е.В.* Субъективное гражданское право // Современное право. 2007. № 4. С. 67–69.

118. *Ведяхин В.М.* Понятие и классификация принципов права // Право и политика. 2002. № 4. С. 19–28.

119. *Власова А.В.* О соотношении субъективного гражданского права и интереса // Правоведение. 2004. № 3. С. 179–183.
120. *Волков А.В., Блинков О.Е.* Дробление бизнеса: правовые проблемы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 44. С. 261–280.
121. *Волос А.А.* Понятие принципов обязательственного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3. С. 162–166.
122. *Габов А.В.* Освобождение акционерного общества от обязанности предоставлять информацию акционеру // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 103–122.
123. *Габов А.В.* Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 81–94.
124. *Габов А.В., Шансугова М.Д.* Санкции как фактор развития правового регулирования раскрытия информации российскими эмитентами // Государство и право. 2020. № 11. С. 72–83.
125. *Гаймалева А.Т.* Актуальные вопросы гражданско-правовой охраны интереса должника в обязательстве // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 125–129.
126. *Глухарева Л.И.* Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2009. № 11. С. 50–61.
127. *Головкин Р.Б.* Интерполяция смыслов юридических норм в процессе правового регулирования // Правовая наука в XXI веке: Международный сборник научных трудов. Выпуск 4. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Владимирский филиал / отв. ред. Д.А. Зыков. Владимир, 2014. С. 12–28.

128. *Голубцов В.Г.* Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 490–518.
129. *Гордон М.В.* Система договоров в советском гражданском праве // Ученые записки Харьковского юридического института. Вып. 5. 1954. С. 69–70.
130. *Грабко О.В.* Авторский контроль как внедоговорной гражданско-правовой контроль // Труды Института государства и права РАН. 2021. Т. 16. № 1. С. 94–113.
131. *Грабко О.В.* Понятие и специфические черты гражданско-правового контроля // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9. С. 60–68.
132. *Грабко О.В.* Принципы гражданско-правового контроля // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 19–23.
133. *Генкин Д.М.* Сочетание прав и обязанностей в советском праве // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 27–38.
134. *Грабко О.В.* Специальный гражданско-правовой контроль в договоре строительного подряда // Правовая политика и правовая жизнь. 2018. № 3. С. 42–47.
135. *Гратинский В.А., Новиков Е.М., Захаров И.С.* Экспертная оценка результатов верификации инструментов верификации моделей программ // Труды института системного программирования РАН. 2020. Т. 32. № 5. С. 7–20.
136. *Грибанов В.П.* Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. 1967. № 1. С. 54–56.
137. *Груздев В.В.* О структуре субъективного права и ее роли в понимании сущности гражданско-правовой защиты // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени. 2014. № 2 (2 часть). С. 25–28.

138. *Груздев В.В.* Полномочие в гражданском праве // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 10. С. 91–96.
139. *Гурова Э.А.* Проявление кредиторских обязанностей в различных договорных обязательствах // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2019. № 7. С. 35–38.
140. *Демидов А.Ю.* Управленческий контроль деятельности Федерального казначейства // *Вестник Казанского технологического университета.* 2009. № 1. С. 115–121.
141. *Дерюгина Т.В.* К вопросу о понятии пределов осуществления субъективных гражданских прав // *Юрист-Правовед.* 2012. № 3. С. 59–63.
142. *Дерюгина Т.В.* К вопросу о соотношении понятий «пределы содержания права» и «пределы осуществления права» // *Философия права.* 2009. № 3. С. 20–23.
143. *Дерюгина Т.В.* Принципы и пределы осуществления гражданских прав: к вопросу о соотношении понятий // *ДНК Права.* 2014. № 2. С. 17–20.
144. *Дмитриев О.В.* Органы управления в системе органов юридических лиц // *Вестник Омского университета. Серия: Право.* 2010. № 3. С. 95–99.
145. *Дмитриев О.М.* Корпоративные нормы как основа деятельности органов управления юридических лиц // *Вестник Омского университета. Серия: Право.* 2010. № 3. С. 142–145.
146. *Долинская В.В.* Собрания и их решения как новеллы гражданского законодательства (часть вторая) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция.* 2014. № 4. С. 78–87.
147. *Ершов О.Г.* В поисках критерия формирования системы гражданско-правовых договоров // *Научный вестник Омской академии МВД России.* 2015. № 1. С. 48–50.
148. *Ершов О.Г.* Контроль и надзор заказчика за выполнением строительных работ // *Вестник арбитражной практики.* 2012. № 5. С. 32–37.

149. *Журавлева А.* Договор купли-продажи жилого помещения: основные риски и способы их минимизации // *Жилищное право*. 2014. № 4. С. 7–34.
150. *Зыков А.Г., Поляков В.И., Голованев Я.С.* Автоматизация верификации программ с использованием графоаналитических моделей вычислительного процесса // *Программные продукты и системы*. 2019. № 3. С. 398–402.
151. *Иванова Е.В.* Злоупотребление правом акционера на получение информации об акционерном обществе // *Ленинградский юридический журнал*. 2008. № 4. С. 163–178.
152. *Игошина Ю.А.* Система внутреннего контроля как элемент управленческого учета // *Вестник НГИЭИ*. 2014. № 1. С. 59–69.
153. *Ильин А.Ю., Моисеенко М.А.* Правовая доктрина финансового контроля // *Финансовое право*. 2014. № 4. С. 14–23.
154. *Иншакова А.О.* Субъективное корпоративное право на выплату дивиденда в законодательстве РФ и ЕС // *Бизнес. Образование. Право*. 2012. № 3. С. 38–42.
155. *Исрафилов И.* Безвозмездное пользование недвижимым имуществом // *Законность*. 2000. № 12. С. 41–43.
156. *Кабанова И.Е.* Злоупотребление акционером правом на получение информации // *Гражданское право*. 2013. № 2. С. 24–25.
157. *Каримуллин Р.И.* Договор целевого кредита // *Журнал российского права*. 2000. № 10. С. 113–124.
158. *Кванина В.В.* Реестр недобросовестных поставщиков как способ диффамации предпринимателей // *Вестник Омского университета*. Серия: Право. 2016. № 4. С. 88–92.
159. *Кирпичев А.Е.* Неисполнение муниципального контракта: правовые последствия для муниципального образования и должника // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 8. С. 30–34.

160. *Кобзик Е.Г., Митрофанова Г.В., Уголев С.Н.* Контроль как функция управления // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. 2005. № 2. С. 69–76.
161. *Ковачев Д.А.* Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 71–77.
162. *Колиева А.Э., Губаева Л.В.* О принципах исполнения обязательств // Право и практика. 2015. № 3. С. 61–67.
163. *Комиссарова Е.Г.* О договоре пожертвования денежных средств на формирование целевого капитала // Власть закона. 2012. № 1. С. 79–87.
164. *Красавчиков О.А.* Вопросы системы Особенной части ГК РСФСР // Вопросы кодификации советского законодательства: сборник статей. Свердловск, 1957. С. 121–132.
165. *Крашенинников Е.А.* Интерес и субъективное гражданское право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 133–141.
166. *Крылов В.Г.* Практические аспекты реализации некоторых прав миноритарными акционерами непубличных акционерных обществ // Гражданское право. 2019. № 1. С. 10–14.
167. *Кузнецова Н.Г.* Преддоговорное информационное правоотношение, складывающееся при приобретении мобильных приложений // Электронное приложение к российскому юридическому журналу. 2018. № 4. С. 94–103.
168. *Кузнецова О.А.* Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть закона. 2011. № 4. С. 87–94.
169. *Кулаков В.В.* Основные принципы гражданского права как особая форма права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 185–192.
170. *Куличев Р.Б.* Контроль в сфере подрядных работ для государственных нужд (виды, порядок и особенности осуществления) // Право и экономика. 2014. № 5. С. 19–24.

171. *Кузьмина И.Д.* Правоприменительное значение добросовестности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 1. Т. 10. С. 42–46.
172. *Лавров В.В.* Природа прав дольщиков на объект долевого строительства // Опыты цивилистического исследования: сборник статей. М.: Статут, 2016. С. 173–196.
173. *Лескова Ю.Г.* Договор дарения в Гражданском кодексе: история становления и развития в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 520–533.
174. *Лозовская С.О.* Договор коммерческой концессии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 5. С. 18–28.
175. *Ломакин Д.В.* Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 8. С. 6–26.
176. *Лукьяненко В.Е., Титова Г.Г.* Основные стадии заключения договоров закупок и поставок для публичных нужд и их существенные условия // Аграрное и земельное право. 2019. № 8. С. 38–41.
177. *Люкшин А.М.* Договор оказания инжиниринговых услуг // Бизнес, менеджмент и право. 2010. № 2. С. 130–138.
178. *Макаров О.В.* Содержание договора строительного подряда: соотношение прав и обязанностей сторон, проблемы и перспективы // Юрист. 2011. № 8. С. 14.
179. *Максимов В.А.* К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес» // Правда и закон. 2017. № 2. С. 25–28.
180. *Матияшук С.В.* Содержание общего имущества в многоквартирном доме // Гражданин и право. 2009. № 4. С. 31–36.

181. *Мифтахова А.М., Искужин И.Р.* Понятие корпоративного контроля // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2012. № 4. С. 23–25.
182. *Морозов С.Ю.* Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 36. С. 181–191.
183. *Мотовиловкер Е.Я.* Догма структуры субъективного гражданского права (развенчание традиционной концепции) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №. 12. С. 83–88.
184. *Мотовиловкер Е.Я.* Интерес как сущностный момент субъективного права (цивилистический аспект) // Правоведение. 2003. № 4. С. 52–62.
185. *Мохов А.А., Борисов М.В., Мелихов А.В.* Генетическое тестирование и медицинское страхование // Медицинское право. 2008. № 3. С. 3–5.
186. *Настин П.С.* Информация как объект организационно-информационных правоотношений в деятельности хозяйственных обществ // Бизнес, менеджмент и право. 2014. № 1. С. 100–104.
187. *Никитин А.В.* Применение общих положений о подряде к договорам возмездного оказания услуг // Российский юридический журнал. 2018. № 4. С. 94–100.
188. *Пашин В.М.* Институт злоупотребления субъективными правами de lege ferenda // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. М.: Норма, 2003. Вып. 7. С. 28–62.
189. *Пологутина К.С., Шепель Т.В.* Проблемы правовой регламентации последствий признания решения собрания недействительным // Юридическая наука и практика. 2018. Т. 14. № 1. С. 34–39.

190. *Примак Т.К., Зайцев О.В.* Принцип диспозитивности как основа развития экономических отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 3. С. 126–130.

191. *Прищенко Е.А.* Использование обратной связи в совершенствовании системы управления компанией // Проблемы и перспективы развития экономики и менеджмента в России и за рубежом: материалы Седьмой международной научно-технической конференции. Рубцовск, 2015. С. 388–393.

192. *Прошунин М.М.* Финансовый мониторинг как обязательное условие обеспечения финансовой безопасности государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 3. С. 133–144.

193. *Пустобаева Л.А.* О понятии субъективного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1984. № 3. С. 47–54.

194. *Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов как принцип гражданского права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 123–128.

195. *Романец Ю.В.* Принцип справедливого равенства субъектов правоотношения между собой // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 46–54.

196. *Саликов Д.А.* Право акционера на информацию: новеллы законодательства // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. № 4. С. 108–112.

197. *Салтыков К.Г.* Интерпретация термина «хозяйственная деятельность» в российском законодательстве и правоприменительной практике // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2015. № 12. С. 80–87.

198. *Самойлова М.В.* Осуществление права личной собственности граждан СССР // Вопросы гражданского права и процесса: сборник статей. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1969. С. 28–48.

199. *Серова О.А.* Общее собрание участников в коммерческих корпорациях (сравнительно-правовой анализ) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 12. С. 21–26.
200. *Симаева Е.П.* Система договорного (контрактного) права в России и Канаде: сравнительно-правовой анализ // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция.* 2011. № 1. С. 114–117.
201. *Симонов А.Г.* Особенности внутреннего контроля при корпоративной форме ведения бизнеса // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета.* 2009. № 7. С. 191–194.
202. *Толстой Ю.К.* Принципы гражданского права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 1992. № 2. С. 49–53.
203. *Тужилова-Орданская Е.М.* Снятие корпоративной вуали: теория и практика // *Власть закона.* 2014. № 3. С. 72–81.
204. *Ульянов А.В.* Юридическое обоснование защиты слабой стороны в договоре // *Журнал российского права.* 2013. № 8. С. 114–118.
205. *Филиппова С.* Восстановление корпоративного контроля: общий риск через общего контрагента // *Хозяйство и право.* 2013. № 4. С. 47–56.
206. *Цихоцкий А.В.* Преодоление пробелов в праве посредством аналогии // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2007. № 1. С. 83–87.
207. *Чапчиков С.Ю.* Категория законных интересов в праве. Генезис и эволюция подходов // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2015. № 7. С. 51–56.
208. *Черепанов М.М., Пугачев А.В.* Принцип невмешательства органов прокуратуры в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных субъектов // *Прокурорский надзор.* 2017. № 1. С. 91–104.
209. *Чумаченко И.В.* Договоры в области строительства // *Правовые вопросы строительства.* 2015. № 2. С. 9–15.
210. *Шевченко Г.* Бездокументарные ценные бумаги в российском гражданском праве // *Бизнес, менеджмент и право.* 2015. № 1. С. 98–103.

211. *Шевченко Г.Н.* Акция как корпоративная ценная бумага // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 37–46.

212. *Шевченко Г.Н.* Новеллы российского гражданского законодательства о «снятии корпоративных покровов» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 1. С. 102–108.

213. *Шевченко О.М.* Предоставление и раскрытие информации акционерным обществом в связи с проведением общего собрания акционеров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. С. 33–40.

214. *Шевчук Д.Ф.* Право покупателя жилого помещения на информацию // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 162–168.

215. *Шепель Т.В.* Риск: сущность и значение для ответственности причинителя вреда с психическим расстройством // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 169–174.

216. *Шимбарева Е.В.* О новой правовой форме перераспределения корпоративного контроля // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 11. С. 48–52.

217. *Южанин Н.В.* Реализация субъективного права на защиту посредством односторонних правоохранительных мер // Юрист. 2013. № 15. С. 42–47.

218. *Boldyrev V.A., Lisitsa V.N., Khasnutdinov A.I.* Analysis of nominal holding of securities and nominee service: legal constructions for the service of capital // Journal of Engineering, Management, & Applied Science & Technologies. 2018. Vol. 9. No. 6. P. 537–548.

Диссертации и авторефераты диссертаций

219. *Бабаев А.Б.* Проблема секундарных прав в российской цивилистике: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 157 с.

220. *Безпрозванный В.И.* Правовой механизм предоставления акционерам информации о деятельности акционерного общества, участниками которого они являются: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 210 с.

221. *Беребенья Н.В.* Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 31 с.

222. *Витрянский В.В.* Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 48 с.

223. *Ершов О.Г.* Договор строительного подряда в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.

224. *Ефимов А.В.* Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 248 с.

225. *Кравченко А.А.* Секундарные права в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.

226. *Кравченко Р.С.* Обеспечение и защита прав акционеров на информацию в процессе корпоративного управления (сравнительно-правовой анализ российского и англо-американского опыта): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

227. *Михалев К.А.* Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 235 с.

228. *Настин П.С.* Корпоративные информационные правоотношения в деятельности хозяйственных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. 35 с.

229. *Романова Э.М.* Право акционера на информацию по российскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

230. *Сапожников С.А.* Принцип диспозитивности в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 24 с.

231. *Слесарев В.Л.* Экономические санкции в советском гражданском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1990. 34 с.

232. *Солодовниченко Т.А.* Субъективные юридические права и обязанности в частном и публичном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016. 197 с.

233. *Суслова С.И.* Правовые формы жилищных отношений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 474 с.

234. *Танага А.Н.* Принцип свободы договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 226 с.

235. *Тасалов Ф.А.* Отношения по размещению и исполнению государственного заказа: особенности гражданско-правового регулирования (на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.

236. *Чернокальцева Е.В.* Злоупотребление правом акционерами: понятие и формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 26 с.

237. *Шмелева М.В.* Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 32 с.

238. *Юрченко О.О.* Право на защиту и способы защиты охраняемого законом интереса в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2005. 156 с.

Справочная литература

239. *Большая советская энциклопедия.* 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1976. Т. 25. 600 с.

240. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том второй. И – О. СПб., Москва, 1881. 814 с.

241. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

242. *Свиридова М.Н.* Этимологический словарь современного русского языка. М.: Издательство «Аделант», 2014. 512 с.

243. *Скворцов Л.И.* Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: Издательство Оникс, Издательство «Мир и образование», 2009. 1104 с.

244. *Философская* энциклопедия: В 5 т. Под ред. Ф.В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.

Электронные источники информации

245. *Приказ* ФНС России от 23 сентября 2019 г. № N ММВ-7-3/475@ «Об утверждении формы налоговой декларации по налогу на прибыль организации, порядка ее заполнения, а также формата представления налоговой декларации по налогу на прибыль организаций в электронной форме» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

246. *Приказ* Минстроя России от 19 февраля 2016 г. № 98/пр «Об утверждении свода правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

247. *ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)* Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

248. *Письмо* Минфина РФ от 3 декабря 2008 г. № 03-01-11/5-159 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

249. *Письмо* Минэкономразвития России от 9 марта 2017 г. № Д28и-1280 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

250. *Письмо* Минэкономразвития России от 20 марта 2017 г. № ОГ-Д28-3108 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

251. *Постановление* Госстроя Российской Федерации от 10 июня 1999 г. № 44 «Об одобрении и вводе свода правил «Авторский надзор за строительством зданий и сооружений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

252. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 г. № 237-О [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

253. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2014 г. № 1817-О [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

254. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 г. № 608-О [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

255. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 1254-О [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

256. *Определение* Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 1093-О [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

257. *Постановления* Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 3 июня 2008 года № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

258. *Определение* Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № ВАС-1175/13 по делу № А40-42066/12-11-389 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

259. *Определение* Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 июля 2018 г. № 307-АД18-976 по делу № 56-27290/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

260. *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 июня 2012 г. по делу № А28-5766/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

261. *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30 июля 2014 г. по делу № А43-20234/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

262. *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15 мая 2006 г. по делу № А11-1305/2005-К1-5/98 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

263. *Постановление* Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 5 марта 2009 г. № А58-4897/08-Ф02-656/09 по делу № А58-4897/08 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

264. *Постановление* Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 августа 2005 г. по делу № А82-9361/2003-7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

265. *Постановление* Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 28 октября 2014 г. № Ф03-4515/2014 по делу № А73-12816/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

266. *Постановление* Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 февраля 2011 г. № Ф03-9859/2010 по делу № А73-3663/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

267. *Постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2011 г. по делу № А45-25123/2009

[Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

268. *Постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 7 мая 2007 г. № Ф04-2261/2007 (33446-А03-38 по делу № А03-6155/06-19) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

269. *Постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 мая 2006 г. № Ф04-2757/2006 по делу № А70-7766/32-2004 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

270. *Постановление* Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 марта 2009 г. № Ф04-1611/2009 (2703-А70-31) по делу № А70-4042/32-2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

271. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 23 января 2009 г. № КГ-А40/13137-08 по делу № А40-13325/08-96-81 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

272. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 25 сентября 2013 г. по делу № А40-138678/12-134-1063 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

273. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 6 марта 2012 г. по делу № А41-21750/11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

274. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 2 августа 2011 г. № КГ-А40/6870-11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

275. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 марта 2013 г. по делу № А40-24803/12-137-222 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

276. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2010 г. № КГ-А41/14404-10 по делу № А41-10138/10 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

277. *Постановление* Федерального арбитражного суда Московского округа от 25 августа 2000 г. по делу № КГ-А40/3694-00 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

278. *Постановление* Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 30 октября 2012 г. по делу № А57-7295/2012// [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

279. *Постановление* Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 9 апреля 2010 г. № А06-2296/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

280. *Постановление* Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 5 июня 2008 г. по делу № А65-28047/07 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

281. *Постановление* Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 27 декабря 2013 г. по делу № А55-5450/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

282. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 19 февраля 2020 г. № Ф06-57690/2020 по делу № А49-2895/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

283. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 8 сентября 2009 г. по делу № Ф56-2575/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

284. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 5 июля 2011 г. по делу № А56-36714/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

285. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 сентября 2010 г. по делу № А56-93491/2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

286. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 июля 2009 г. по делу № А13-8196/2008 *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 30 июля 2009 г. по делу № А13-8196/2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

287. *Постановление* Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 сентября 2014 г. по делу № Ф53-24965/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

288. *Постановление* Федерального арбитражного суда Уральского округа от 17 апреля 2015 г. № Ф09-1426/15 по делу № Ф71-8975/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

289. *Постановление* Федерального арбитражного суда Уральского округа от 16 марта 2015 г. № Ф09-10036/14 по делу № А47-13422/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

290. *Постановление* Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11 сентября 2007 № Ф09-7346/07-С5 по делу № А71-233/2005-Г29 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

291. *Постановление* Федерального арбитражного суда Уральского округа от 1 февраля 2007 г. № Ф09-260/07-С5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

292. *Постановление* Федерального арбитражного суда Центрального округа от 21 марта 2007 г. по делу № А14-5808/2006/258/112 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

293. *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 сентября 2014 г. № 08АП-9309/2014 по делу № А75-638/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

294. *Постановление* Восьмого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2017 г. № 08АП-14496/2016 по делу № А75-9087/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

295. *Постановление* Президиума Московского городского суда от 9 августа 2013 г. по делу № 44г-85/13 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

296. *Апелляционное* определение СК по гражданским делам Самарского областного суда от 04 июня 2020 г. по делу № 33-3690/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

297. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 14 февраля 2014 г. по делу № 33-2873 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

298. *Апелляционное* определение Тюменского областного суда от 2 июля 2014 по делу № 33-3305/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

299. *Апелляционное* определение Московского городского суда от 18 июня 2015 г. № 33-20883/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

300. *Апелляционное* определение Самарского областного суда от 20 сентября 2012 г. по делу № 33-8822/2012 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

301. *Постановление* Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2016 г. № 11АП-11857/2016 по делу № А55-2358/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

302. *Постановление* Третьего арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2014 г. по делу № А33-19388/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

303. *Постановление* Первого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2014 г. по делу № А43-20234/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

304. *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 июля 2018 г. № Ф03-3014/2018 по делу № А51-22982/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

305. *Постановление* Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20 июля 2017 г. № Ф02-3516/2017 по делу № А33-59/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

306. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2015 г. № Ф05-9373/2015 по делу № А40-115777/2014
Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 августа 2015 г. № Ф05-9373/2015 по делу № А40-115777/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

307. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 октября 2018 г. № Ф04-4427/2018 по делу № А45-27622/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

308. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13 января 2021 г. № Ф08-11627/2020 по делу № А63-6784/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

309. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 марта 2019 г. № Ф04-699/2019 по делу № А45-37514/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

310. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 12 декабря 2017 г. по делу № А40-162324/16-148-972 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

311. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 25 ноября 2019 г. № Ф05-20440/2019 по делу № А41-508/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

312. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 8 мая 2018 г. № Ф05-5534/2018 по делу № А40-157551/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

313. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 7 апреля 2017 г. № Ф0-18362/2017 по делу № А65-16624/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

314. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 12 февраля 2019 г. № Ф10-1503/2018 по делу № А84-309/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

315. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2020 г. № Ф07-16498/2019 по делу № А56-48872/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

316. *Постановление* Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04 июня 2020 г. № Ф01-10034 по делу № А11-7072/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

317. *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 июля 2019 г. №А03-2876/2019 по делу № А59-6823/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

318. *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 27 июля 2018 г. № Ф03-3014/2018 по делу № А51-22982/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

319. *Постановление* Арбитражного суда Дальневосточного округа от 11 сентября 2018 г. № Ф03-3304/2018 по делу № А73-3602/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

320. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2014 г. № Ф09-5249/14 по делу № А60-41396/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

321. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 06 декабря 2016 г. № Ф10-4539,16 по делу № А23-6748/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

322. *Бурцев В.В.* Внутренний контроль: основные понятия и организация проведения // Менеджмент в России и за рубежом. 2002. № 4. URL: <http://www.klerk.ru/boss/articles/6641/>. (дата обращения: 23.12.2020).

323. *Вавулин Д.А., Федотов В.Н.* Правовые основы акционерного соглашения // Право и экономика, 2009. № 8. С. 21–24. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

324. *Ершов О.Г.* Основания и формы гражданско-правовой ответственности архитектора // Право и экономика. 2014. № 5. С. 58–62. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

325. *Ершов О.Г.* Система гражданско-правовых договоров, направленных на возведение объектов капитального строительства, и критерии ее формирования // Адвокат. 2014. № 11. С. 28–38. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

326. *Ершов О.Г.* Правовое положение архитектора в строительстве: сравнительный анализ французского и российского права // Право и экономика. 2014. № 2. С. 24–27. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

327. *Ершов О.Г.* Признаки и существенные условия договора участия инженера в строительстве на стороне заказчика // Право и экономика. 2009. № 10. С. 32–36. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

328. *Кузнецов А.А.* Особенности договоров оказания услуг авторского и технического надзора за проведением работ по сохранению объектов культурного наследия (часть вторая) // Культура: управление, экономика и право. 2011. № 1. С. 13–17. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

329. *Лисица В.Н.* Правовое регулирование архитектурной деятельности // Жилищное право. 2009. № 8. С. 51–71. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

330. *Ломакин Д.В.* Право акционера на информацию как неимущественное право // Законодательство. 2013. № 1. С. 15–24. URL: <http://www.garant.ru/company/garant-press/lawm/440177> (дата обращения: 11.04.2015).

331. *Самофеев Н.С., Гарева З.А.* Современное обеспечение эффективного управления реализации авторского надзора в проектных организациях // Интернет-журнал «Наукovedение». 2017. Т. 9. № 3. С. 102. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/113EVN317.pdf> (дата обращения: 29.05.2021).

332. *Тасалов Ф.А.* Контрактная система в сфере государственных закупок России и США: сравнительно-правовое исследование: монография.

М.: Проспект, 2017. 240 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс.

333. *German Stock Corporation Act (Aktengesetz)*. English translation as at September 18, 2013. URL: <http://www.nortonrosefulbright.com/files/german-stock-corporation-act-109100.pdf>. (дата обращения: 12.01.2016).

334. *Federal Acquisition Regulation System // Title 48 of the United States Code of Federal Regulations* URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/48>. (дата обращения: 20.11.2019).

335. *Manne H.G. Mergers and the Market for Corporate Control // The Journal of Political Economy*. 1965. Vol. 73. No 2. P. 110–120. URL: <http://are.berkeley.edu/~cmantinori/prclass/Manne.pdf>. (дата обращения: 11.04.2015).